

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 1

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор,
Президент международного общества Достоевского
(Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка, Университет Дзёти
(Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии, Арктический
университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Карельский
научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор,
академик РАН, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики
(Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

М. А. БОБУНОВА

доктор филологических наук, профессор,
Курский государственный университет
(Курск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

доктор философии, профессор,
Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный институт кинематографии
имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

В. И. СУПРУН

доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 1

Editor-in-Chief
Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor

Deputy Editor-in-Chief
Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor,
Saint Petersburg Institute of History of RAS
(Saint Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor,
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, Armenian National
Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNERGREN

Doctor of Philosophy and Philology,
Artic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor,
RAS Corresponding Member, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)

A. KUNIL'SKII

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Saint Petersburg
State University of Film and Television
(Saint Petersburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor,
University of Helsinki (Helsinki, Finland)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor,
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Russian State
Institute of Cinematography
(Moscow, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Маркова Н. В.</i>
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Дмитриева Л. А., Зайцева Т. И.</i>		Грамматические диалектные черты заонежского диалекта
Жизнестворческие модели в произведениях удмуртского прозаика Кедра Митрея дореволюционного периода	8	63
<i>Лойтер С. М.</i>		<i>Смирнова Е. А.</i>
О происхождении некоторых стабильных структур в детском фольклоре	17	Семантико-синтаксическое описание глаголов профессиональной деятельности (из материалов к Семантико-грамматическому словарю)
<i>Котова А. В.</i>		72
К вопросу о принципах построения группы сравнений в «Аргонавтике» Валерия Флакка (4. 193–198, 4. 199–203)	21	Всероссийская научная конференция «Русская романтическая поэзия: к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 210-летию со дня рождения А. В. Кольцова»
<i>Отливанчик А. В.</i>		<i>Ганцовская Н. С., Волкова Е. Б., Цинь Лиудун</i>
Загадка личности беллетриста «Гражданина» Ивана Богданова	25	Развитие средств гипотаксиса в послепушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка»
<i>Заруцкий П. С.</i>		82
Когда абсурдизм становится реализмом: об абсурдном в поэтических книгах Г. С. Гора и К. Яннулюпулоса	32	<i>Петров А. В., Рудакова С. В.</i>
<i>Шатохина А. О.</i>		Миф о цареубийстве 11 марта 1801 года в стихах С. С. Боброва
Концепт «гордыня» в английских переводах романа Ф. М. Достоевского «Игрок»	37	86
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Пашкова Т. В., Родионова А. П.</i>		<i>Пушкирева Н. В.</i>
О временной парадигме кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка	42	Семантика и прагматика глагольных форм в прозаических текстах А. С. Пушкина
<i>Белов В. А.</i>		92
Возможность синонимических замен в устойчивых сочетаниях (экспериментальное и корпусное исследование)	48	<i>Шестакова Л. Л.</i>
<i>Галкина Н. П.</i>		«Он – Пушкин, и бессмертен он!»: образ Пушкина в строках поэтов Серебряного века
Условия функционирования коннектора <i>потому что</i> в публицистических текстах	56	97
Рецензии		
<i>Ягинцева О. Г.</i>		<i>Калиновская В. Н., Старовойтова О. А.</i>
Рец. на кн.: Ярославский областной словарь: Дополнения	115	Лексическое наполнение активной словообразовательной модели (на примере новообразований пушкинской эпохи)
<i>Contents</i>	118	103

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.01.2020. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 5

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
O. V. Никитин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Прежде всего поздравляю вас с наступившим Новым годом и желаю успехов в творчестве, интересных идей и ярких проектов!

Традиционно в нашем журнале публикуются статьи, обзоры и рецензии широкого тематического ряда, отражающие актуальную проблематику филологических исследований: вопросы грамматической теории и практики, лингвофольклористика, диалектология, язык художественной литературы и стилистика, лексикология и лексикография, переводоведение, классическая и современная литература. На страницах журнала выходят полемические материалы по исследованию поэтики текста, авторы представляют свой опыт изучения образов и сюжетов отечественных и зарубежных произведений. Это далеко не полный перечень проблем, которые охватывают содержание почти каждого номера. И первый выпуск 2020 года не исключение.

В июне 2019 года в Петрозаводском государственном университете состоялась национальная (с международным участием) научная конференция «Русская романтическая поэзия: к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 210-летию со дня рождения А. В. Кольцова». Кафедра русского языка Института филологии ПетрГУ стала организатором конференции, по итогам работы которой в данном номере публикуются избранные статьи следующих авторов: Н. С. Ганцовой, Е. Б. Волковой, Цинь Лидун; В. Н. Калиновской, О. А. Старовойтовой; А. В. Петрова, С. В. Рудаковой; Н. В. Пушкиной; Т. В. Рудаковой; Л. Л. Шестаковой.

Не менее содержательными для читателей станут и материалы из рубрик «Литературоведение» и «Языкознание». Здесь же опубликована рецензия О. Г. Ягинцевой на «Ярославский областной словарь».

По-прежнему журнал отличает разнообразная география авторов: это и петрозаводчане, и ученые из Санкт-Петербурга и Москвы, а также Вологды, Ижевска, Костромы, Магнитогорска, Томска, Тарту (Эстония), Череповца. Прошу обратить внимание на изменение в нумерации журнала: добавлен том. Журнал выходит 42-й год!

Надеюсь, что публикации будут полезны академическим исследователям, филологам-практикам и всем, кто интересуется проблемами словесного творчества, кого вдохновляет высокий смысл Логоса.

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА ДМИТРИЕВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы
Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Удмуртский федеральный исследовательский
центр Уральского отделения Российской академии наук»
(Ижевск, Российская Федерация)

lad95@udman.ru

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
Удмуртский государственный университет (Ижевск, Российская Федерация)

tawoz@rambler.ru

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА КЕДРА МИТРЕЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА*

Статья посвящена актуальному вопросу изучения жизнетворчества в произведениях удмуртского писателя Кедра Митрея 1907–1917 годов. Большинство этих произведений сохранилось в рукописях, в том числе – автобиография 1911 года, опубликованная во фрагментах и известная в истории удмуртской литературы как повесть «Дитя больного века». Впервые архивный корпус текстов Кедра Митрея, хранящийся разрозненно в различных архивах Удмуртии и Татарстана, интерпретируется нами в жизнетворческом аспекте: рукописи и жизненная практика писателя дореволюционных лет осмысляются как единый текст с определенным замыслом, вписанный в общественно-культурный и литературный контекст эпохи. Сделаны выводы о взаимосвязи жизненного поведения и художественного мира писателя, что проявилось в устойчивом наборе тем и мотивов произведений. Каждый рассматриваемый текст Кедра Митрея реализует собственную стратегию, соответствующую индивидуальному «набору» жизнетворческих моделей: романтика, интеллигента, просветителя, журналиста, писателя.

Ключевые слова: удмуртская литература, Кедра Митрея, жизнетворчество, жизнетворческие модели, жизненное поведение, жанр, автобиография, мемуары, национальная интеллигенция

Для цитирования: Дмитриева Л. А., Зайцева Т. И. Жизнетворческие модели в произведениях удмуртского прозаика Кедра Митрея дореволюционного периода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.425

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассмотрено дореволюционное рукописное наследие Кедра Митрея (псевдоним Дмитрия Ивановича Корепанова) в аспекте становления его творческой индивидуальности. Дмитрий Иванович Корепанов (1892–1949) – выдающийся прозаик, драматург, ученый-лингвист, журналист, педагог, общественный деятель Удмуртии 1920–1930-х годов. Он стоял у истоков удмуртской художественной литературы, принадлежал к первому поколению национальной творческой интеллигенции, начавшей формироваться еще до 1917 года. Многообразная деятельность писателя во многом определила путь развития удмуртского литературного языка и удмуртской литературы в целом.

Анализ текстов Кедра Митрея, созданных до 1917 года, позволяет объективнее оценить советский период его творчества в целом, проанализировать противоречивые стороны его личности, а также эволюцию взглядов писателя

на религию и собственное литературное творчество. К сожалению, творчество Кедра Митрея и его просветительская деятельность еще не получили адекватной оценки специалистов. Так, наиболее слабо изученной сферой является дореволюционный период его творческой деятельности, тем более что автобиография писателя 1911 года не была полностью опубликована и не рассматривалась как материал для глубокого исследования. Первое монографическое исследование о писателе – книга З. А. Богомоловой «Творчество Кедра Митрея» [2] – вышла в 1967 году. Сложная задача осмысления духовного наследия писателя еще ждет своего выполнения: не издано академическое собрание его сочинений, неравномерно исследованы различные периоды его творчества. Однако удмуртские литературоведы проделали большую предварительную работу по сбору фактических материалов к биографии и творчеству Кедра Митрея [1], [3], [6], [7], [10]. Сегодня актуальным является

вопрос о необходимости изучения философских основ творчества Кедра Митрея [4]. В связи с этим плодотворной представляется попытка рассмотреть концепцию жизнетворчества применительно к литературной и просветительской деятельности Кедра Митрея.

Понятие жизнетворчества совмещает в себе разные смысловые аспекты: оно может быть объектом исследования литературоведения [13], [14], [17], [20], культурологии [18], психологии [9], искусствоведения [15] и семиотики бытового поведения [11], [12]. Это междисциплинарная область изучения культуры. Обращение к проблеме жизнетворчества является одной из перспективных тенденций в современной гуманитарной науке, способствуя формированию целого направления в культурологии и литературоведении. Подробный анализ жизнетворческих стратегий удмуртского автора Кедра Митрея позволяет приблизиться к пониманию его эволюции (семинариста Дмитрия Корепанова к пишущему под псевдонимом Кедра Митрея классику удмуртской литературы).

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ

Рукопись автобиографии Кедра Митрея, хранящаяся в фонде Национального музея УР имени Кузебая Герда¹, – важнейший источник осмыслиения логики становления и развития нравственно-философских взглядов, творческой индивидуальности молодого писателя. Автобиография Кедра Митрея ранее была опубликована лишь в отрывках². Она вошла в историю удмуртской литературы как автобиографическая повесть под заглавием «Дитя больного века». Впервые фрагменты автобиографии были включены в сборник «Избранное» (1965), составленный редактором А. А. Ермолосовым из произведений, переведенных самим Кедра Митреем на русский язык в 1920–1930-е годы. В этом издании фрагменты автобиографии озаглавлены как отрывки автобиографической повести «Дитя больного века».

Ответственность за выбор варианта заголовка «Дитя больного века» взяла на себя исследователь творчества Кедра Митрея З. А. Богомолова. В одном из своих интервью она говорила:

«Я занялась творчеством Кедра Митрея. Мне повезло: его дочь разрешила поработать с его архивом. Там я обнаружила рукопись «Дитя больного века» (это мое название), которую я и открыла для удмуртской литературы» [3].

В 1990-е годы автобиография Кедра Митрея вновь была опубликована в сокращении³.

Важно заметить, что в самой рукописи автобиографии заглавие отсутствует. В одном варианте Кедра Митрея обозначил ее жанр как автобиографию, в другом – как мемуары. В год окончания работы над автобиографией (1911) писатель следующим образом комментирует

в письмах ее название: «Свое сочинение я назвал было «Автобиографией», но т. к. лица, ознакомившиеся с ним, дали название «Дневника», то и я согласился с ними»⁴. В письме к возлюбленной Татьяне Барминой он называет рукопись иначе: «Благодаря нашим взаимно-дружеским отношениям воссоздалось мое творение под названием «Автобиографии и мемуаров»»⁵.

Найденные нами архивные материалы позволяют уточнить, что заголовок «Дитя больного века» Кедра Митрея придумал сам, но предназначал его не для автобиографии, а для незаконченного романа, а также – для публицистической статьи, но с заменой слова «дитя» на форму множественного числа – «дети»⁶.

В своей статье мы также опираемся на рукописные школьные тетради Кедра Митрея, переплетенные им в два толстых тома и озаглавленные: «Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, истории, Закону Божию и др<угое> м<ногое> пр<очее>»⁷ и «Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения»⁸. В этих тетрадях нами обнаружены первые стихотворения и прозаические тексты Д. И. Корепанова, его статьи и письма. Более половины объема «Книги 2-й...» занимают отрывки из русской и мировой художественной литературы («выписки из книг и стихотворения»), условно обозначенные в статье как «читательский дневник» писателя. Кроме того, малоизвестные свидетельства о Кедре Митре и некоторых его современниках обнаружены в фондах Государственного архива Республики Татарстан⁹, Центрального государственного архива Удмуртской Республики¹⁰, Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики¹¹. Большинство сохранившихся ранних набросков писателя содержится в материалах архивного фонда Кедра Митрея, который находится в Удмуртском институте истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН¹². В центре нашего внимания – художественные произведения Кедра Митрея предреволюционных лет, его незаконченный роман «Дитя больного века» и некоторые публицистические статьи.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИХ ТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В ТЕКСТАХ КЕДРА МИТРЕЯ

Процесс становления личности писателя начинается с момента его поступления в Казанскую учительскую семинарию (1907), вплоть до переломного 1917 года. События Октября и Гражданской войны оказали сильное влияние на его дальнейшую творческую биографию. Жизнетворчество Кедра Митрея проявилось в попытке создать биографию-произведение с ориентацией на известные культурные и литературные модели. Основная цель его жизнетворческих стратегий –

ассимилироваться в среде творческой интеллигенции эпохи и реализовать себя как национального писателя. Наиболее ярко тип поведения разночинца-интеллигента отражен в автобиографии и читательском дневнике Кедра Митрея. В этом ощущается влияние произведений Л. Н. Толстого, А. К. Шеллера-Михайлова, Ю. В. Жадовской и др. Так, в духе героев Ф. М. Достоевского удмуртский автор размышляет о своей жизни, описаны переживания, сомнения, сожаления и другие негативные эмоциональные состояния:

«Я во всю ночь не мог заснуть; мой сон куда-то весь пропал. Передумывал обо всем я в эту ночь. <...> Я плакал, плакал истерически. Ах! Если бы был сын какого-либо богача, а не этого вотяка-бедняка. И почему я имею какие-то родственные чувства? Почему судьба так зло насмехалась надо мной? В чем я виноват? Не оттого же должен я терпеть, что родился именно в этой среде, а не в другой какой!»¹³.

Изменение мировоззрения Кедра Митрея подробно описывается в автобиографии. Он пришел к атеистическим взглядам аналогичным для российской интеллигенции путем. В тексте автобиографии тщательно реконструируется его жизненный путь с самого детства. Получивший религиозное воспитание в семье (мать отличалась набожностью, ходила на богослужение), он глубоко переживал потерю веры. В автобиографии подробно описывается поведение разувившегося ученика Зуринского училища:

«Моя набожность, как я выразил уже выше, продолжалась только до святок, и после них произошел переворот. Тогда я перешел из одной крайности в другую. Да, я ударился в другую крайность – стал настоящим атеистом; смеялся сам над собой, над своими аскетическими выходками. Ничего священного для меня не существовало»¹⁴.

Базой формирования новых принципов мировоззрения для Кедра Митрея становится литература. Он был хорошо знаком с творчеством писателя А. К. Шеллера-Михайлова. В романе «Гнилые болота» (1864) русский писатель развивает идею разумно-практического эгоизма, высказанную Н. Г. Чернышевским в статье «Антропологический принцип в философии» (1860) и развернутую в философии «новых людей» в романе «Что делать» (1862).

Соответственно новому мировоззрению, герой автобиографии отстраняется от участия в каких-либо инициативах семинаристов:

«Я решил лучше идти ощупью, по течению, без сопротивлений этим течениям, чтобы не навлечь на себя какой-либо беды. <...> Но ни пред кем не следует унижаться, не нужно ронять свое достоинство...»¹⁵.

Этот тип поведения, избранный Кедра Митреем после его отказа от веры, все же противоречит заложенному в нем христианскому воспитанию. В автобиографии Д. И. Корепанов негативно оценивает свои прошлые поступки: «С тех пор становлюсь я черствым, перестаю сочувствовать, не заботясь больше о других»¹⁶.

Очевидно, при избрании той или иной стратегии поведения молодой человек ориентируется на литературные модели. Так, в автобиографии он пишет:

«Я хотел было остановиться на той ступени, на которую привел Шеллер-Михайлов одну из трех категорий людей, – это быть полным материалистом и думать только о своем животе и все стремления свои направить к этому. Но ведь я не животное какое-нибудь, все-таки я наделен разумом!»¹⁷.

Кедра Митрея понимает свое несоответствие охарактеризованной А. К. Шеллером-Михайловым категории людей, озабоченных лишь собственным благополучием. Семинарист избирает для себя другой наиболее подходящий тип поведения героя Шеллера-Михайлова. В читательский дневник он записывает следующую мысль:

«Есть люди, сознавшие, что правды нет на земле и не может быть – эти алчут только смерти... Ш.-Михайлов. Я принадлежу к этой последней категории людей и мой единственный исход – смерть. Д. Корепанов»¹⁸.

Мысли о самоубийстве возникли как итог размышлений писателя о невозможности осуществления собственных идеалов в мироустройстве. Самоубийство как форма протеста против несправедливости мира находит отражение в поступках героев-максималистов Ф. М. Достоевского. Так, в очерке «Приговор» (1876) Ф. М. Достоевский описал сознание радикально настроенного человека, остро нуждающегося в мировой гармонии и вере, так как научный прогресс поставил под сомнение устоявшиеся нравственно-философские истины. В записях читательского дневника Кедра Митрея за 1910 год содержится целый ряд отрывков из художественных произведений романтического характера, объединенных темой отрицания Бога и самоубийства. Влияние этих текстов на автобиографию сказывается на уровне цитат, аллюзий и заимствований. Так, он выписывает отрывки из комедии Д. И. Фонвизина «Корион» (1764), являющейся переложением комедии «Сидней» Жана-Батиста Грессе. Главный герой пьесы Корион задумал свести счеты с жизнью, и одна из причин такого решения – положение «лишнего человека» в обществе:

Поняты не могу я долгу своего:
Я в обществе своем не значу ничего; <...>
Мне кажется, что те чрезмерно малодушны...
Которые оков не смеют разорвать:
Несчастный должен знать, как должно умирать¹⁹.

В автобиографии Кедра Митрея также акцентирует внимание на своей бесполезности для других: «Наступали минуты, что я готов был моментально прекратить свою жизнь. На что, кому она нужна?»²⁰ Но если в литературе Кедра Митрея искал и находил обоснование для своего разочарования, то само разочарование имело не литературные, а вполне жизненные – биографические, социально-политические и исторические причины. Отречение от веры,

потеря нравственных ориентиров, трагические обстоятельства личной жизни (пьянство отца, несправедливое исключение друзей из семинарии) едва не привели молодого Кедра Митрея к самоубийству. Отказ от него заставляет принять действительность. В письмах 1910-х годов видна попытка выработать новую стратегию поведения, ориентирующуюся на идею Л. Н. Толстого о сути божественного как любовного и милосердного отношения к ближнему. Найденный в размышлениях смысл жизни для Кедра Митрея теперь обретается в борьбе с препятствиями и в «постепенном подъеме духа в связи с умственным и нравственным развитием»²¹. Любовь к ближнему не противопоставляется эгоизму, а дополняет его в мировоззренческой концепции. Самосовершенствование понимается как эгоизм, но при этом подразумевается и как благо для ближнего: «...Нужно заботиться о своем самоусовершенствовании и давать возможность к этому другим»²². Следуя новой для себя установке, Кедра Митрей видит смысл жизни в помощи окружающим и в общественной работе. Таким образом, самосовершенствование, приносящее и личную пользу, идея «практического эгоизма», популяризированная Н. Г. Чернышевским, также оказались близки Кедру Митрею. Он стремился оправдать собственную потребность в целостном понимании мира.

Некоторые события личной жизни «выпали» из указанной автобиографии Кедра Митрея. Один из поступков, о которых он умолчал, – его письмо директору семинарии о раскаянии в атеизме. В автобиографии Кедра Митрей в последний год обучения в учительской семинарии сообщает о намерении подготовиться к будущей профессии, наверстать упущенное время из-за депрессивного состояния и потерю смысла жизни. Но приверженность идеи и готовность идти на жертвы ради убеждений не позволили ему окончить курс семинарии. На занятии семинарист Д. И. Корепанов заявил учителю богословия о том, что преподаваемый предмет не представляет для него интереса, что было равнозначно сомнению в Боге. Этот поступок в автобиографии Кедра Митрей объяснил следующим образом: «Мера терпимости лицемерия во мне лопнула»²³. Д. И. Корепанов был отстранен от занятий в семинарии на неопределенный срок, а затем исключен из числа учеников на последнем курсе.

Сохранившееся в архиве покаянное письмо свидетельствует о душевном состоянии автора в этот период:

«...Я поневоле наткнулся на необходимость вернуться к вере; по приезде домой я долго терзался и никак не мог примириться, но после трехмесячного горького опыта в понесении и выдержке на себе плачевых последствий моего заблуждения, я именно понял, что действительно заблуждался. Этот переворот произошел, несомненно, от временного удаления меня из Семинарии»²⁴.

Переоценка прежних атеистических взглядов и изменение отношения к самоубийству нашли отражение во фрагменте незаконченного романа «Дитя больного века» (1914). Здесь автор утверждает, что потеря христианских идеалов ведет человечество к самоуничтожению. Название романа отсылает к стихотворению «Современному человеку» (1847) Ю. В. Жадовской. Поэтесса считала, что духовность человека невозможна без следования христианской морали. Из стихотворения Ю. В. Жадовской Кедра Митрей взял название и включил поэтический текст как эпиграф к роману: «Не истины святой то голос благородный...»²⁵. В художественном произведении Кедра Митрей придерживается системы ценностей, заданных в этом стихотворении.

В прологе романа «Дитя больного века» рассказчик вспоминает пророчества деда, которые сбылись со временем. Старик негативно оценивал новые капиталистические отношения, неверие и формальное следование религиозным обрядам. Современный человек, разуверившийся в идеалах отцов, не сможет отыскать ответы на неразрешимые вопросы и погибнет: «Он окунает себя сетью мыслей давящих и режущих его как железо. И не выбраться ему из этой сети... беспомощно опустит руки и удавится»²⁶.

Рассказчик – один из современных атеистов, размышляющих над философскими вопросами о сущности бытия. Зная о тленности человека, он не желает примириться с отрицанием существования души:

«И вот хочется представить его (деда. – Л. Д., Т. З.) все еще живым; не хочет воображение мириться с выводами науки и с какой-то манией протеста рисует его существующим, пуская, таким образом, мое личное “я” в самообман»²⁷.

Роман «Дитя больного века» остался без продолжения. Сам факт попытки создания подобного произведения свидетельствует о неудовлетворенности Кедра Митрея атеистической концепцией мира и о поиске новых путей его понимания и принятия. Эволюция мировоззрения писателя представляет собой поиск концепции жизни, альтернативной христианской вере, однако сознание его продолжало оставаться религиозным. Подобный образ мышления был характерен и для классиков русской литературы. Так, Л. Я. Гинзбург отмечала сложность решения проблемы Бога в духовных исканиях В. Г. Белинского и Л. Н. Толстого, для которых «смысл жизни поставлен в зависимость от решения проблемы смерти, а суть этой проблемы в том, что нет “другого света”» [5: 112]. Решением проблемы для В. Г. Белинского явилась вера в общественно-го человека, а Л. Н. Толстой создал, по существу, новое религиозное учение.

Таким образом, дореволюционное творчество Кедра Митрея демонстрирует, что его духовная

эволюция шла в контексте нравственно-этических, общественных поисков российской интеллигенции: через конфликт взаимоисключающих идей – к осмыслению и принятию новых форм общественного устройства.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МИССИИ В НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КЕДРА МИТРЕЯ

Кедра Митрей видит свое призвание в служении народу, в практической деятельности учителя. Важной частью его жизненной программы стала подготовка к просветительской работе среди удмуртских крестьян, которая, по его мнению, может быть полезной и ему самому, и другим. В автобиографии и в письмах Кедра Митрей призывает знакомых просвещать крестьян в самых различных сферах жизни, в том числе объяснять важность чистоты и опрятности в быту. Так, в письме приятельнице, которой «желательно бы... попасться в кассирши, да все места заняты»²⁸, Кедра Митрей пишет:

«Оглянитесь кругом, всмотритесь в окружающую вас среду, и вы, несомненно, увидите массу народа, утопающего в грязи и мраке невежества. Народ не ведает, вы ведаете. Вы многое можете дать этому народу! Напрасно вы отклоняетесь от своей обязанности учительствовать в народной школе пока возможно»²⁹.

Кедра Митрей продолжил традиции удмуртских писателей И. С. Михеева, И. В. Яковлева и других просветителей начала XX века, которые стремились реформировать привычный уклад жизни удмуртов, улучшить условия их труда и повысить уровень образованности. Идея просвещения народа объединяла общественную деятельность, научное, публицистическое и художественное творчество дореволюционной интеллигенции.

Значимый период общественной и публицистической деятельности Кедра Митрея связан с глазовской газетой «Камско-Чепецкий край», в которой он впервые выступает как журналист под псевдонимом Пан Реймит. Изученные нами материалы дают возможность предположить, что в газете просветительского характера Кедра Митрей вел колонку злободневных сообщений «Хроника». Автор колонки пишет о необходимости образования на родном языке, предлагает открыть склад книг на наречии глазовских удмуртов, а также основать краеведческий музей и школы кружевниц, которые развивали бы народное декоративное искусство и могли бы усовершенствовать «существующие рисунки поясов, опоясок и разных вышивок, так распространенных среди глазовских инородцев»³⁰. «Камско-Чепецкий край» ратует за приобщение крестьян к городской среде, при этом отмечает необходимость сохранения их традиционной материальной и духовной культуры. Для Кедра Митрея плодотворной моделью выступает в этот период тип журналиста-просветителя.

Наряду с осознанием себя как интеллигента и собственной миссии как просветительской, Кедра Митрей ощущает свои писательские возможности и интерес к автобиографической теме, которая открывает перспективы раскрытия судьбы не только частного человека, но и целого народа. Обращение Кедра Митрея к специальному жанру автобиографии свидетельствует о поставленной им задаче отрефлексировать собственную жизнь и посредством возможностей жанра заново создать ее текстовый вариант.

Кедра Митрей в этом творческом начинании в качестве образца принимал примеры из литературы. Продуктивной моделью для подражания могли стать близкие для начинающего автора биографии писателей «из народа» – разночинцев и крестьян. В автобиографии и в других текстах Кедра Митрея отразились мотивы, характерные для писательских биографий, – упоминание о первой публикации, знакомство и вступление в круг творческой интеллигенции, литературный быт [8], [16]. Д. И. Корепанов рассматривает в качестве образца жизнеописание авторов, которые смогли получить признание и стать известными писателями:

«Прочитал автобиографию поэта-крестьянина Дрожжина. Ах, как восхваляют его! А жизнь его была тоже тяжела! И он был не особенно доволен своим отцом. Такое же недовольство имели и Некрасов, и Кольцов»³¹.

Сходство жизненных ситуаций, в частности непонимание главой семейства занятий сына-писателя, ободряет Д. И. Корепанова и укрепляет решимость заниматься литературной деятельностью. Текст автобиографии с многочисленными упоминаниями автора о своем литературном творчестве представляет собой яркое этому доказательство.

Будучи учеником Зуинского училища, Митя переложил в стихи рассказ «Федя и Павлуша» (автор неизвестен):

«К сожалению, я не помню уже того склада, в каком составил; только не забыты мной слова: «Малый мальчишонок, глупый Павлушонок». Думаю, что достаточно и этого, чтобы выяснить, насколько был нормален дар мой в этом выдуманном деле...»³².

Кедра Митрей в автобиографии вспоминает и первый дебют в семинарском журнале:

«Писал статейки на вотском языке в выпущенном тогда вотском журнале «Сандал»; так, написал я тогда рассказы («Пойшпурьёс вуиллям»), легенды («Сюрес вылын»), сказки («Мадэй юлтошеныз»), художественные описания природы («Тульыс вуиз, котьма сайказ») и т. д.»³³.

В этом контексте нельзя не отметить сходные мотивы в автобиографиях С. Д. Дрожжина и Кедра Митрея. В частности, упоминание о первой публикации и знакомстве с известными литераторами. Так, Кедра Митрей пишет, что публиковал свои заметки на удмуртском языке в семинарском журнале «Сандал», был

знаком с финским этнографом Уно Хольмбергом, удмуртскими исследователями Г. Е. Верещагиным и И. В. Васильевым.

Для формирования модели писателя значим также мотив «переписывания», упоминаемый в текстах различной жанровой природы, и, соответственно, каллиграфические способности, сигнализирующие о принадлежности к письменной культуре. Мотив переписывания – один из важных компонентов жизнетворческой модели писателя. Истоки его – в деятельности писца, до изобретения печатных машин окруженной почетом и благоговением, поскольку она оставляла в вечности «тот смысл, который был этого достоин» [19: 68].

Теме творчества и механическому переписыванию посвящен отдельный эпизод в автобиографии, где рассказывается о недолгой работе героя переписчиком в архиве волостной канцелярии. Родственник, земской писарь, восхищен почерком героя: «Мне твой почерк, Митя, нравится! – сказал, между прочим, Степан Захарович. – У вас в семинарии, верно, много пишут?»³⁴. Возможно, что мастерство переписчика обусловлено долгими упражнениями в чистописании, но молодой человек отказывается признавать за собой это умение, поскольку оно считается механической работой. В слове «писать» для него значим смысл «творить»: семинаристы много пишут, но их занятия не носят творческий характер. Автобиографический герой воспринимает вопрос Степана Захаровича как возможность рассказать о своих писательских способностях:

«Да, у нас немало письменной работы, на каждую неделю по одной теме давали. На наш класс выпало за прошлый год 26 тем для сочинений. Некоторые темы порядком таки объемисты и обширны, вот, например, темы: “Радостные минуты в жизни русского крестьянина” … “Остатки языческих верований среди вотяков нашего села” – в особенности обширна последняя тема»³⁵.

Тем не менее, отказываясь от похвал о мастерстве каллиграфии, он внимателен к выведению букв на бумаге:

«А что относительно почерка, так я недоволен своим почерком. Он у меня весьма сбивчив, буквы получаются ломаные, например, буква *о* у меня совсем бывает заменена треугольником, круглых очертаний нет; потом буквы одни стоят прямо, другие наклонны в одну сторону, а третьи наклонны в противоположную вторым: ну, точь-в-точь равнобедренные пьяные идут, шатаясь по мостовой»³⁶.

Отношение Кедра Митрея к переписыванию неоднозначное. С одной стороны, механический труд переписчика для него не столь интересен. Но его любовь к каллиграфии очевидна. Каллиграфические способности показывают его принадлежность к письменной культуре, поэтому значимы для самопрезентации. Дореволюционное творчество и биография писателя служат тому подтверждением.

Вынужденный уход из семинарии заставляет Кедра Митрея искать средства для пропитания. Он стремится найти занятие, достойное интеллигентного человека. Тетради Кедра Митрея хранят газетные вырезки с его объявлениями о поиске работы. В одном из них он указывает: «Имею прекрасный почерк! Обладаю хорошим русским слогом!»³⁷. Теме переписывания посвящен рассказ Кедра Митрея «Загадочный человек», написанный в 1911 году во время поисков должности. В газетных объявлениях Д. И. Корепанов указывал свой адрес. В рассказе описан случай встречи героя и таинственного человека, который приходит к нему в съемную комнату и предлагает работу конторщика. Возможный работодатель, рассматривая рукописи молодого человека, отмечает красивый почерк. Это заставляет автора поверить в себя и свои возможности.

Из рукописей Кедра Митрея известно, что он пытался опубликовать автобиографию. Он обращался к профессору А. Н. Катанову, председателю Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; писал в редакции популярных российских журналов «Нива» и «Природа и люди». Приблизительно в 1912–1913 годах молодой человек отправил свое произведение в редакцию нового журнала «Сотрудник печати» (Санкт-Петербург). В публикации было отказано по следующей причине: «Возвращается ввиду невозможности использовать для газеты из-за объема. Слог хороший. Местами требуются исправления стилистические»³⁸. Обида литератора из-за несправедливого отношения к нему издателей выражается в статье «О тяжести жизни. Псевдо-философия». Автор рассуждает о судьбе молодого автора и особенностях литературного быта:

«Почти непреодолимое препятствие встречает молодой писатель, вступая на литературное поприще. Не пользуясь никакой известностью в ученом мире и в кругу литераторов; не прославившись, ему нет доступа к пожинателям лавров литературы и учености, его нигде не принимают и не обращают на него никакого внимания, ожесточенно набрасываются на малейшие его вывихи и промахи. Молодые литераторы, непризнанные, зачастую разочаровываются и, после нескольких неудачных попыток, окончательно падают духом. Сочли ничтожным, невидным! А между тем, “из червя, может, вышел бы муравей”. Сколько, может быть, таким образом, погибает даже талантливых лиц!»³⁹.

В 1911–1914 годах, после увольнения из семинарии, молодой автор, наряду с поисками работы, занимается литературной деятельностью: участвует в издании газеты, пробует свои силы в жанре очерка, рассказа, романа, пишет трагедию. Однако творчество не дает средств к существованию, и Кедра Митрею приходится зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. В этот период написано стихотворение «Не делься ни с кем я горем...» (1912):

«Не делюсь ни с кем я горем,
Один страдаю и терплю.
Судьба! В терпеньи дай поспорим, –
И натиск грубый я сорву.
Я не боюсь твоей угрозы
И никаких твоих преград,
Видал я много в жизни горя,
Ему уж близок я, как брат.
Вперед – измученный, избитый,
Идти я буду напролом.
Мешай ты мне, меня изби ты,
Не сокрушишь жестоким злом.
Хотя я пред тобой ничтожный,
Но не боюся я тебя;
Пусть я смело меч могучий
И брошу вызов на себя.
Во мне горят надежда, вера,
Любовь мне помогает жить;
А ты... О где безумству мера?
Меня ты хочешь низложить?
Нет, рано! Далеко до сдачи!
Я докажу, что я сильней.
Наступит час моей удачи
И будет много мощных дней.
...Понесу я крест тяжелый
Гордо на груди своей...»⁴⁰

Стихотворение романтическое, лирический герой предстает в образе мученика. Текст еще раз доказывает близость писателя к христианской культуре. Житийные мотивы, намеченные в этом стихотворении, нашли отражение как в творческой биографии, так и в судьбе Кедра Митрея.

Имя Дмитрий было значимо для писателя. Кедра Митрей был хорошо знаком с житием св. Дмитрия Ростовского (1651–1709) – авторитетного проповедника и церковного писателя, составителя сборника «Четыех-Миней». В учебнических тетрадях Кедра Митрея сохранились

переводы кондака и тропаря святому, а также сочинение-пересказ его жития «Житие святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, имя которого я ношу...»⁴¹. Дмитрий Ростовский мог быть для Кедра Митрея ориентиром в будущей просветительской деятельности. Кедра Митрея с помощью и этой агиографической проекции утверждает себя в статусе писателя. Писательская деятельность дала возможность Кедра Митрею реализовать свой нравственно-духовный потенциал и войти в избранный круг творческой интеллигенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование мировоззрения Кедра Митрея определяется общими эпохальными событиями, обусловившими единство направления творческих поисков многих представителей российской интеллигенции. Отречение от веры и последовавший за ним мировоззренческий кризис находят отражение в автобиографии Кедра Митрея, в которой он предстает убежденным романтиком. Неудовлетворенность атеистической концепцией мира и переоценка прежних взглядов реализуется в виде попытки написания романа «Дитя больного века». В нем автор утверждает, что отказ от христианских идеалов способствует самоуничтожению человека. Смысл жизни Кедра Митрея вновь обретает в служении народу. В исследуемый нами период он видел свою миссию как осуществление задач просветительства и приобщения удмуртов к благам цивилизации. Намерение осуществить эту задачу давало Кедра Митрею право претендовать на биографию писателя и даже на своего рода «житие». Таким ему виделось становление интеллигента.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 р_а.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузбая Герда (далее – НМ УР им. К. Герда). Д. 41782/162-УРМ. Кедра Митрей (Корепанов Д. И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911.
- 2 Кедра Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести // Кедра Митрей. Избранное. Ижевск, 1965. С. 140–200.
- 3 Кедра Митрей. Дитя больного века: Повесть // Инвожо. 1993. № 10. С. 8–18; № 11. С. 15–22; 1994. № 1. С. 9–15; № 2. С. 10–19; № 3. С. 11–23, 33–35.
- 4 НМ УР им. К. Герда. Д.27562/1-УРМ. Корепанов Д. И. Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения. Л. 356.
- 5 Там же. Л. 219 об.
- 6 Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук; рукописный фонд (далее – НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ). Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 211–217.
- 7 Корепанов Д. И. Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и др<уюге> м<ногое> пр<очее>. Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета.
- 8 НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ.
- 9 Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 949, 949а, 1114.
- 10 Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 122. Оп. 1. Д. 149, 605.
- 11 Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815.
- 12 НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196.
- 13 НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 97 об.
- 14 Кедра Митрей. Дитя больного века: Автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 139. Далее цитируется по этому изданию.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 151.

¹⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 273.

¹⁹ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 251 об.–252.

²⁰ Кедра Митрей. Дитя больного века... С. 151.

²¹ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 345 об.

²² Там же.

²³ Кедра Митрей. Дитя больного века... С. 186.

²⁴ ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 5.

²⁵ НА УИИЯЛ УдМФИЦ Уро РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 214.

²⁶ Там же. Л. 217 об.

²⁷ Там же. Л. 213.

²⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 343 об.

²⁹ Там же. Л. 344 об.

³⁰ К открытию школы кружевниц в Глазовском уезде // Камско-Чепецкий край. 1912. № 5 (20 мая).

³¹ Кедра Митрей. Дитя больного века... С. 188.

³² НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 30 об.

³³ Кедра Митрей. Дитя больного века... С. 142.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 189.

³⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 3.

³⁹ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 95 об.–96.

⁴⁰ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 339–339 об. Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴¹ Корепанов Д. И. Книга 1-я. Тетради по чистописанию... Л. 351–355.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арекеева С. Т., Литовская М. А. Кедра Митрей: тип творческого поведения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Коллективная монография. Ижевск: Сыктывкар, 2014. С. 457–486.
- Богомолова З. А. Творчество Кедра Митрея. Ижевск: Удмуртия, 1967. 116 с.
- Богомолова З. А. Ей обеспечено место в книге памяти народа // Удмуртская правда. 2008. 1 февр. С. 12.
- Ванишев В. М. Кедра Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса // Пермистика 10: вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 101–107.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 414 с.
- Ермаков Ф. К. Путь удмуртской прозы. Ижевск: Удмуртия, 1975. 145 с.
- Ермолов А. А. О Кедра Митре и его произведениях // Ермолов А. А. Об удмуртской литературе. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2013. С. 45–49.
- Кучерская М. А. Полезное соседство: Н. С. Лесков в работе над автобиографией // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 172–180.
- Леонтьев Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологи: Материалы сообщений. М., 2001. С. 100–109.
- Литовская М. А. Кедра Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 132–141.
- Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–264.
- Паперно И. А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 207 с.
- Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.
- Рогозина Е. Н. Традиции итальянской commedia dell'arte в творчестве Л. Пиранделло и Д. Фо // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4. С. 24–27.
- Рыкунина Ю. А. Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // Autobiografija. 2014. № 3. С. 15–29.
- Худенко Е. А. Жизнетворчество как метатекст: Мандельштам – Зощенко – Пришвин (30–40-е гг.). Барнаул, 2011. 165 с.
- Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
- Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин: (к образу переписчика) // М. Н. Эпштейн. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. С. 65–80.
- Grossman J. D. Valery Briusov and Nina Petrovskaja: Clashing Models of Life in Art // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism (I. Paperno and J. D. Grossman, Ed. by). Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 122–150.

Larisa A. Dmitrieva, PhD in Philology, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation) *lad95@udman.ru*

Tatyana I. Zaitseva, Doctor of Philology, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation) *uawoz@rambler.ru*

LIFE-CREATION MODELS IN THE PRE-REVOLUTIONARY WORKS BY AN UDMURT WRITER KEDRA MITREY*

The paper describes life-creation models of an Udmurt writer Kedra Mitrey as reflected in the texts created by him between 1907 and 1917. Most of these works are preserved as manuscripts, including Kedra Mitrey's autobiography (1911). So far, it has been published only fragmentarily as a novel under the title *A Child of the Sick Century*. For the first time, the archival corpus of Kedra Mitrey's texts is interpreted by us in the life creation aspect. The writer's manuscripts and his life practices of the pre-revolutionary years are interpreted as a single text with a definite conception, inscribed into the socio-cultural and literary context of the era. The main idea of the article is that there is evidence for the relationship between the life behavior and the artistic world of the writer, which manifested itself in a steady set of themes and motifs of his works. Each text of Kedra Mitrey has its own concept, corresponding to an individual "set" of life-creation models, including a "member of the intelligentsia", a "romantic maximalist", a "writer from the people" and others.

Key words: Udmurt literature, Kedra Mitrey, life creation, life-creation models, life behavior, genre, autobiography, memoirs, national intelligentsia

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Udmurt Republic as Project No 18-412-180006 r_a.

Cite this article as: Dmitrieva L. A., Zaitseva T. I. Life-creation models in the pre-revolutionary works by an Udmurt writer Kedra Mitrey. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.425

REFERENCES

1. Arekeeva S. T., Litovskaya M. A. Kedra Mitrey: a type of creative behavior. *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoy kul'tury i russkoy slovesnosti*. Izhevsk, Syktyvkar, 2014. P. 457–486. (In Russ.)
2. Bogomolova Z. A. Creative works of Kedra Mitrey. Izhevsk, 1967. 116 p. (In Russ.)
3. Bogomolova Z. A. She secured herself a place in people's memory book. *Udmurtskaya pravda*. 2008. February 1. P. 12. (In Russ.)
4. Vanyushev V. M. Kedra Mitrey: life as the artistic creation. Formulating a research problem. *Permstika 10: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii*. Izhevsk, 2009. P. 101–107. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Ya. On psychological prose. Moscow, 1999. 414 p. (In Russ.)
6. Ermakov F. K. The path of Udmurt prose. Izhevsk, 1975. 145 p. (In Russ.)
7. Ermolaev A. A. Kedra Mitrey and his works. *Ermolaev A. A. Udmurt literature*. Izhevsk, 2013. P. 45–49. (In Russ.)
8. Kucherskaya M. A. Useful proximity: N. S. Leskov working on an autobiography. *New Literary Observer*. 2016. No 4. P. 172–180. (In Russ.)
9. Leont'ev D. A. Life-creation as a practice of expanding the life-world. *Proceedings of the First All-Russian Research and Practice Conference on Existential Psychology*. Moscow, 2001. P. 100–109. (In Russ.)
10. Litovskaya M. A. Kedra Mitrey: the image of a classic and a founder in contemporary literature. *Proceedings of the X International Research Conference "Dergachev Readings – 2011. Russian literature: national development and regional specifics"*. Ekaterinburg, 2012. Vol. 3. P. 132–141. (In Russ.)
11. Lotman Yu. M. The Decembrist in daily life (everyday behavior as a historical and psychological category). *The literary heritage of the Decembrists*. Leningrad, 1975. P. 25–74. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. *Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics*. Moscow, 1994. P. 11–264. (In Russ.)
13. Paperno I. A. The semiotics of behavior: Nikolay Chernyshevsky and the age of realism. Moscow, 1996. 207 p. (In Russ.)
14. Pecherskaya T. I. Raznochintsy of the 1860s. The phenomenon of self-consciousness in the aspect of philological hermeneutics. Novosibirsk, 1999. 300 p. (In Russ.)
15. Rogozina E. N. Traditions of Italian commedia dell'arte in the works of L. Pirandello and D. Fo. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2002. No 4. P. 24–27. (In Russ.)
16. Rykunina Yu. A. Writers from the people: (auto)biographical texts and contexts. *AutobiografiYA*. 2014. No 3. P. 15–29. (In Russ.)
17. Khudenko E. A. Life creation as metatext: Mandelstam – Zoshchenko – Prishvin (the 1930s and the 1940s). Barnaul, 2011. 165 p. (In Russ.)
18. Schakhadat Sh. The art of living: Life as a subject of aesthetic attitude in Russian culture between the XVI and the XX centuries. Moscow, 2017. 440 p. (In Russ.)
19. Epshteyn M. N. Prince Myshkin and Akaky Bashmachkin: (a copyist image). *Epshteyn M. N. Paradoxes of novelty: The development of literature in the XIX and the XX centuries*. Moscow, 1988. P. 65–80. (In Russ.)
20. Grossman J. D. Valery Briusov and Nina Petrovskaya: Clashing models of life in art. *Creating life: The aesthetic utopia of Russian modernism*. Stanford, 1994. P. 122–150.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@zamsto.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СТАБИЛЬНЫХ СТРУКТУР В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕН

Статья посвящена памяти выдающегося фольклориста Бориса Николаевича Путилова, которому в сентябре 2019 года исполнилось бы 100 лет. Она актуализирует идеи его новаторской монографии «Фольклор и народная культура», возвращающей к главным теоретическим проблемам фольклористики и вышедшей уже вторым изданием. Материалом исследования являются варианты вопросо-ответной прибаутки кумулятивного типа, записанные в XIX–XX веках на разных территориях и у разных этносов. Исследуется, как текст прибаутки, ставшей словесной игрой, прошел длительный путь трансформаций и пересемантизации, освобождения от мифологических начал, обретения стабильной структуры.

Ключевые слова: вариант, обряд, вопросо-ответная прибаутка, пересемантизация, стабильная структура

Для цитирования: Лойтер С. М. О происхождении некоторых стабильных структур в детском фольклоре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 17–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.426

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена одному из жанров детского фольклора, составляющих «поэзию пестования», или «лирику материнства», – прибаутке, которая наряду с колыбельной песней, пестушкой и потешкой отобрана взрослыми для забавы детям. Это бессмертные шедевры, благодаря которым, по словам А. Т. Твардовского, происходит «первоначальное приобщение младенческой души к чуду поэзии, потому что те простейшие слова и мотивы есть не что иное, как первообразы искусства» [10: 610]. Прибаутки адресуются ребенку, когда «о третьем где» ему является слово, когда он сам начинает им овладевать, когда «начинает жить стихом» (Б. Пастернак). Слово как таковое, а не действие или происшествие – доминанта прибаутки, веселый диалог которой и есть игра на уровне слова.

Ранее мною был исследован мифологический генезис этих текстов [3: 32–47]. Обратиться к ним вновь побудило второе издание новаторской книги «Фольклор и народная культура» (см. мою работу [4]), в которой Борис Николаевич Путилов одним из первых фольклористов изложил свои представления о содержании термина «фольклор», объеме и границах этого понятия [6]. Эта проблема – один из главных посыпков книги:

«Фольклор – это в первую очередь сфера словесного искусства, к сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии» [6: 38].

Интерпретируя фольклор как творческий процесс, Б. Н. Путилов его основой называет вари-

ативность как одно из самых очевидных, ярко выраженных качеств фольклора.

«Под вариативностью мы понимаем обычно видоизменения каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей и т. д. Естественно, что категория вариативности связана с категорией устойчивости: варьировать может нечто, обладающее устойчивыми характеристиками; варьирование немыслимо без стабильности» [6: 201].

Осознание значимости для фольклористики сформулированного и обусловленного Б. Н. Путиловым закона типологической преемственности лежит в основе выявления той этнографической реальности, которая ведет к истокам семантики и структуры текста, выявления историко-генетических и историко-типологических связей. Этими теоретическими посылами я и хочу предварить свои рассуждения о стабильных структурах в детском фольклоре.

В качестве исследуемого материала выбрана разновидность вопросо-ответной, диалогической прибаутки кумулятивного типа с условным названием «Коза, коза, лубяные глаза...», рассмотренная в более чем 60 вариантах, записанных в XIX–XX веках в Вологодской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Новгородской, Псковской, Тверской областях, в Белоруссии, в Карелии на русском и отдельных национальных языках. Одна из наиболее ранних ее записей в нашей фольклористике – это три варианта из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева.

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» – «Коней пасла». – «А кони-то где?» – «Николка увел». – «А Николка-то где?» – «В клеть ушел». – «А клеть-то

где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Быки выпили». – «А быки-то где?» – «В гору ушли». – «А гора-то где?» – «Черви сточили». – «А черви-то где?» – «Гуси выклевали». – «А гуси-то где?» – «В вересняк ушли». – «А вересняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки-то где?» – «Замуж выскакали». – «А мужья-то где?» – «Все примерли».

В Примечаниях к текстам оговаривается, что «это не сказки в собственном смысле слова, а прибаутки¹. Тогда, во времена Афанасьева, детский фольклор еще не был осознан как самостоятельная область народной культуры и не имел собственных публикаций. Варианты этой прибаутки включались составителями сказочных сборников и в более близкие нам времена, а В. Я. Пропп ввел их в XI раздел статьи «Кумулятивная сказка», оговорив, что «они представляют собой не сказки, а прибаутки» (СУС 2015 1, АТ 2016) [7: 257].

Приведу вариант (один из семи), записанный в 1931 году в Тверской области, из сборника «Детский фольклор»:

«Ах ты, козынька-коза, лубяные глаза! Где ты, козынька, была?» – «Коней пасла». – «Чего выпасла?» – «Жеребеночка». – «Жеребенок-то где?» – «Миколка увел». – «А Миколка-то где?» – «В клетку ушел». – «А клетка-то где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Кони выпили». – «А кони-то где?» – «В тресняк ушли». – «А тресняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки где?» – «Замужья ушли». – «А мужья-то где?» – «Все примерли». – «А могилки-то где?» – «Травой заросли». – «А трава-то где?» – «Коса выкосила». – «А коса-то где?» – «Изломалася». – «А обломки где?» – «В кузнице». – «А кузница где?» – «В огне сгорела». – «А кузнец-то где?» – «По миру пошел»².

В 1979 году в селе Ялгуба Прионежского района Карелии студенческой фольклорной экспедицией педагогического института был записан текст:

«Коза, коза, лубяные глаза, где была?» – «Коней пасла». – «Кого выпасла?» – «Жеребеночка». – «Где этот жеребеночек?» – «Миколка увел». – «Где этот Миколка?» – «По клиньям ушел». – «Где эти клинья?» – «Водой снесло». – «Где же вода?» – «Быки вызымали». – «Где же эти быки?» – «За горами лежат». – «А где же эти горы?» – «Черви выточили». – «А где же эти черви?» – «Гуси выклевали». – «Где же эти гуси?» – «В трепесняк (тростник. – С. Л.) ушли». – «Где этот трепесняк?» – «Девки выломали». – «А где эти девки?» – «По замужьям ушли». – «А где эти замужья?» – «У Бога в раю в золотом пузырю»³.

Одна из наиболее поздних записей 1992–2000 годов сделана на Пинеге Архангельской области:

«Векша-векопшка, горожаночка, (векша – белка), где была?» – «У города». – «Что там делала?» – «Коней пасла». – «Кони-то где?» – «За воротами». – «Ворота-то где?» – «Николка воду унес». – «А вода-то где?» – «Гуси выпили». – «Гуси-ти где?» – «Гуси в лес ушли». – «А лес-от где?» – «Люди вырубили». – «А люди-ти где?» – «Люди вымерли». – «А могилки-ти где?» – «Травой заросли». – «Трава-то где?» – «Косы выкосили». – «Косы-ти где?» – «Косы выломаны». – «Обломки-то где?» – «В кузнице на полке». – «Кузнец ковал, себе голову сковал, на кол посадил, г... окатил»⁴.

О популярности, распространенности этой прибаутки кумулятивного типа свидетельствуют ее варианты белорусского и карельского фольклора. В белорусском сборнике «Дзіцячы фальклор» шесть вариантов этой прибаутки с той же вопросо-ответной цепью, но другим обращением:

«Ласачка», «ласынька» – «дзе была?», «дзе вада?», «дзе валы?», «дзе чэрві?» и т. д.¹

А это вопросы-ответы одного из вариантов карельской прибаутки, записанной в 1975 году в поселке Кестеньга Лоухского района:

«Где топор?» – «На пне». – «Где пень?» – «На подсеке». – «Где подсека?» – «Огонь сжег». – «Где огонь?» – «Вода унесла». – «Где вода?» – «Бык выпил». – «Где бык?» – «Закололи». – «Где мясо?» – «Черви съели». – «Где петух?» – «В кошельке». – «Где кошелек?» – «В сундуке». – «Где сундук?» и т. д.

Поиски, выявление «начал» и «прототекста» этих вопросо-ответов на семантическом и глотогенетическом уровне ведут к обрядовым текстам. Именно в «загадочных текстах» обрядовой поэзии, как доказывает В. Н. Топоров, «исходный локус» и «сильная позиция» вопросы-ответы диалога (ВОД) [8: 13], [9: 125]. В восточнославянской традиции это прежде всего тексты, связанные с ритуалом зимнего перехода между солнечными циклами, в частности с обрядом колядования с его обязательностью вопросов-ответов. Как правило, диалогические колядные песни, сопровождавшие праздничные обходы домов, начинаются (вслед за обращением) с вопроса словами «зачем», «пошто» или, как в нашем случае, «где был(а)?» Он открывает диалог, инициируя серию вопросов-ответов. Исследователь зимней календарной поэзии Л. Н. Виноградова, называя эти вопросы одними из наиболее устойчивых, соотносит их с идеей «прихода издалека»: «Обязательность ритуальных вопросов-ответов перед впуском вредоносной силы была характерна для многих обрядовых практик» [1: 179].

Одними из главных участников обряда колядования А. Ф. Некрылова называет детей, утверждая, что колядки «изначально предназначались для исполнения маленькими, юными членами общины» [5: 56–58]. Большую подборку текстов детских колядок, записанных главным образом во второй половине XIX века, содержит антология «Детский поэтический фольклор»⁶. Некоторые из них текстуально совпадают с исследуемой прибауткой.

«Коляда, коляда, каракуля-коляда, где ты была?» – «За воротами». – «Где вороты-то?» – «Сурой (название реки. – С. Л.) снесло». – «Где Сура-то?» – «Быки выпили». – «Где быки-то?» – «В тростник ушли». – «Где тростник-то?» – «Девки выломали». – «Где девки-то?» – «За мужья ушли». – «Где их мужья-то?» – «Все померли». – «Где их могилки?» – «Травой заросли». – «Где трава-то?» – «Гуси вышипали». – «Где гуси-то?» – «Улетели за горы, за долы, за темные за леса, за высоки деревья» (№ 816).

Из древнего ритуала колядования текст перешел в игру-шествие «с козой». Ряженье «в козу» – одно из многих святочных детско-молодежных ряжений. Его подробно описал П. В. Шейн, приведший девять белорусских песен, сопровождающих ряженье «в козу»⁵. Пересядя исключительно в детскую среду, обрядовое «шествие с козой» утратило комплекс магически-мифологических значений, обрядовую семантику ряженья, превратилось в игру-развлечение, праздничную бутафорию. Автор книги «Дотеатрально-игровой язык русского фольклора» Лариса Ивлева называет такую динамику десемантизацией обряда [2: 48–49]. Эту проблему подробно рассматривает Б. Н. Путилов в вышеназванной книге, говоря о соотношении ритуального и мифологического начал в разных жанрах.

«Собственно фольклорные тексты составляют особую группу в мифологии, заключая в себе либо прямые мифологические реминисценции, своеобразные «фрагменты» мифологической системы, либо разного рода следы, переработки, перекодировки и пр. Историю фольклора можно представить как процесс все большего отчуждения от мифологической системы и многократной трансформации и пересемантизации ее фонда при сохранении исходных связей с нею» [6: 148].

Этот процесс трансформации и пересемантизации отражают перекодированные «исходные» элементы, атрибуты, детали, устойчивые реминисценции мифологической модели мира в виде вопросов «где вода?», «где гора?» и т. д. Произошла формулировка этнографического материала. Он воплотился исключительно в вопросы-формулы. А текст прибаутки прошел длительный путь трансформаций, перекодировок этнографических субстратов. В итоге рассматриваемый нами текст – словесная игровая цепь, вопросы-ответы которой – стабильные фразеологические единства, односложные конструкции-константы, которые можно определить как типические места, традиционные формулы. Их количество в разных вариантах колеблется от 16 до 6. Так, в 60 рассмотренных вариантах вопрос «где вода?» задан 53 раза, «где быки?» – 45, «где черви?» – 35, «где мужья?» – 35, «где гора?» – 33, «где лес/тростник?» – 32, «где гуси?» – 31, «где конь?» – 21, остальные от 8 до 6 раз. Как видим, количество вопросы-ответов в прибаутке может быть больше и меньше, от этого ничего не меняется, ничто не зависит, только протяженность игры. Никакой каузальности вопросы-ответы в себе не несут. И их последовательность в разных вариантах произвольна. Вопросы-ответы – игровые звенья, которые значимы уже не семантикой, логикой и смыслом, а своей игровой сущностью. Это игра предметами, явлениями, существами, а в конечном итоге – словом.

Игровую функцию обнаруживает уже самое начало прибаутки. Оно содержит обращение. Объектом обращения может быть не только коза, но разные животные, люди и вообще непонятные существа, имена или названия которых основа-

ны на словотворчестве. А вопросы-ответы те же. И это еще одно доказательство того, что новая игра словами утратила связь со стоявшим у ее истоков обрядовым шествием с козой, оторвавшись от него и стала существовать другой, игровой жизнью. Выделены три группы обращений в этой игре-прибаутке:

- 1) животные: «кисонька-мурысонька, где была?», «лисоныка-лиса...», «боба (заяц), ты боба...», «ласынька, ласынька, где была?»;
- 2) люди: «бабушка, Варварушка, где ты была?», «Ярема, Ярема, где ты был?», «Дарьюшка, ой Марьюшка, где ты была?...», «бубин ты бубин (плохой человек)»;
- 3) нечто фантастическое – «Каракуля, Маракуля, где была?», «Микука, Микука...», «Нишни, нишни...».

И это далеко не все объекты обращений, после которых в разной последовательности следует серия одинаковых вопросов-ответов. Совершенно очевидно, что каждый, к кому они обращены, не имеет никакого отношения ни к происходящему, ни к называемым предметам. Они не герои и не персонажи, с которыми что-либо связано. Они участники игрового действия, которое держится не чем иным, как ритмически организованным словом. И эта игровая природа свойственна и финалам прибаутки.

Как видим, ни война, ни гибель людей в цитируемых текстах не сопряжены с трагедией, горем, несчастьем. И настроение не меняется, как будто ничего драматического не произошло. Напротив, после известия о смерти может случиться что-то веселое и несуразное. Заложенное в структуре песни-загадки игровое начало, обусловленное кумулятивной формой, в основе которой принцип ритма, сделало текст настолько продуктивным, что из детской обрядовой игры он был выбран (отобран) взрослыми для забавы тех, кто еще не владеет словом, а осваивает его. И это один из путей того отбора, который, учитывая особенности детского восприятия, совершила народная педагогика, формируя фольклорный фонд для развлечения, игры с самыми маленькими. Из одной детской среды функционирования, когда дети сами исполнители (кстати, это не означает прекращения и параллельного бытования), десемантизованный текст перешел с помощью взрослых в другую детскую среду. Из детского фольклора – в детский, но в ином бытования и жанровом качестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование этнографической реальности детской поэтической классики позволяет заглянуть в тайну рождения фольклорного текста, который благодаря стабильной структуре (вопросо-ответы, кумулятивность), являющейся предпосылкой игровой формы, из плоскости практической перешел в плоскость эстетическую, стал языком продолжающей бытовать материнской поэзии. И это еще одно подтверждение актуализации идей Б. Н. Путилова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 3. № 535. Примечания. С. 446.
- ² Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, comment. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. С. 113.
- ³ Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подгот. Н. А. Лавонен на русском и карельском языках. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 147–148.
- ⁴ Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. № 80. С. 171.
- ⁵ Дзинчи фольклор / Складальник Г. А. Барташевич. Минск, 1972. № 391–396.
- ⁶ Детский поэтический фольклор: Антология / Сост., вступ. ст., примеч. А. Н. Мартынова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 574 с.
- ⁷ Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные П. В. Шейном. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1887. С. 88–89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982. 256 с.
2. Ивлева Л. Детеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 193 с.
3. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 295 с.
4. Лойтер С. М. Из воспоминаний о Б. Н. Путилове. К 100-летию со дня рождения // Живая старина. 2019. № 3 (108). С. 47–54.
5. Некрылова А. Ф. О вторичности детского календарного фольклора // Мир детства и традиционная культура: Материалы Третьих чтений памяти Г. С. Виноградов. М., 1990. С. 56–58.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2003. 457 с.
7. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. 325 с.
8. Топоров В. Н. О «драматическом» начале и формах его выражения в архаических текстах // Проблемы поэтики языка и литературы: Памяти Я. И. Гина. Петрозаводск, 1996. С. 10–15.
9. Топоров В. Н. Несколько соображений о становлении языково-поэтических «начал» // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 124–127.
10. Твардовский А. Т. О поэзии Маршака // Маршак С. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 5. С. 593–628.

Поступила в редакцию 22.10.2019

Sofia M. Loiter, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

THE ORIGIN OF CERTAIN STABLE STRUCTURES IN CHILDREN'S FOLKLORE

The article is devoted to the memory of an outstanding folklorist Boris Nikolaevich Putilov who would have turned 100 years in September 2019. The article actualizes the ideas of Putilov's monograph *Folklore and Folk Culture*, already in its second edition, which returns to the main theoretical problems of folkloristics. The variants of cumulative question-answer humorous rhymes (pribaoutki) recorded in the XIX and XX centuries in various territories from different ethnic groups are the study material. We investigate the texts of humorous rhymes which have become verbal games – the ways of their transformation and resemanticization, emancipation from mythological principles, and acquisition of a stable structure.

Keywords: variant, rite, question-answer humorous rhyme (pribaoutka), resemanticization, stable structure, typology

Cite this article as: Loyter S. M. The origin of certain stable structures in children's folklore. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 17–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.426

REFERENCES

1. Vinogradova L. N. Winter calendar poetry of the Western and Eastern Slavs: the genesis and typology of caroling. Moscow, 1982. 256 p. (In Russ.)
2. Ivleva L. Pre-theater and game language of Russian folklore. St. Petersburg, 1998. 193 p. (In Russ.)
3. Loiter S. M. Russian children's folklore and children's mythology. Research and texts. Petrozavodsk, 2001. 294 p. (In Russ.)
4. Loiter S. M. From the memoirs of B. N. Putilov. On the 100th birthday anniversary. *Zhivaya starina*. 2019. No 3 (108). P. 47–54. (In Russ.)
5. Nekrylova A. F. The secondary nature of children's calendar folklore. *World of childhood and traditional culture: Proceedings of the Third Readings in Memory of G. S. Vinogradov*. Moscow, 1990. P. 56–58. (In Russ.)
6. Putilov B. N. Folklore and folk culture. In memoriam. St. Petersburg, 2003. 457 p. (In Russ.)
7. Propp V. Ya. Folklore and reality. Selected articles. Moscow, 1976. 325 p. (In Russ.)
8. Toporov V. N. "Dramatic" beginning and the forms of its expression in archaic texts. *Problems of the poetics of language and literature: In memory of Ya. I. Gin*. Petrozavodsk, 1996. P. 10–15. (In Russ.)
9. Toporov V. N. Some reflections on the formation of linguistic and poetic "beginnings". *Proceedings of the International Congress "The 100th Anniversary of Roman Jakobson"*. Moscow, 1996. P. 124–127. (In Russ.)
10. Twardowski A. T. Marshak's poetry. *Marshak S. Collected works*. In 8 vols. Moscow, 1970. Vol. 5. P. 593–628. (In Russ.)

Received: 22 October, 2019

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

anastakot@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ГРУППЫ СРАВНЕНИЙ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА (4. 193–198, 4. 199–203)

Целью статьи является установление принципов построения группы сравнений в эпической поэме «Аргонавтика» Валерия Флакка (стихи 4. 193–198, 4. 199–203). В первом сравнении существует текстологическая трудность: после стиха 195 имеется лакуна. Проводится анализ научных мнений и делается вывод о целесообразности принятия чтения, приведенного в издании Л. Каррио. Уделено внимание вопросу пространственной организации сравнений в тексте. Установлено, что в первом и втором сравнении имеет место совпадение объекта сравнения. Относительно *tertia comparationis* отмечено, что в анализируемой группе автор использует разные основания сравнения для акцентирования различных качеств объекта. Изучение авторской техники создания сравнений направлено на определение роли этого художественного приема в индивидуальном стиле автора. Научная значимость состоит в создании нового подхода к исследованию поэтики «Аргонавтики» Валерия Флакка, расширении теоретических знаний о сравнениях и о стилистике римского героического эпоса.

Ключевые слова: язык художественного произведения, изобразительно-выразительные средства, сравнение, структура сравнений, группа сравнений

Для цитирования: Котова А. В. К вопросу о принципах построения группы сравнений в «Аргонавтике» Валерия Флакка (4. 193–198, 4. 199–203) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 21–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.427

ВВЕДЕНИЕ

Принадлежность литературного произведения к тому или иному жанру определяется его специфическими стилистическими особенностями. Героический эпос обладает целым рядом признаков, в числе которых идейное содержание, круг мотивов и сюжетов, идеализирующих подвиги героев, типы действующих лиц и ситуации действия, жанровая структура, стихотворная форма, выраженная определенным размером [2: 11–12]. Кроме того, эпос определяется всей системой свойственных ему поэтических приемов, характерным для него стилем [3: 8].

Вопрос об эпосе как жанре тесно связан с вопросом о языке эпических поэм и имеющихся в нем средствах художественной выразительности. В античных эпических поэмах мы можем наблюдать обилие характерных элементов: постоянные поэтические формулы, эпитеты, метафоры, развернутые сравнения. Что касается составляющих языкового сравнения, в нем по аналогии с логическим выделяют три части: «предмет» – то, что сопоставляется; «образ» – то, с чем производится сопоставление; «признак» – то, на основании чего одно сопоставляется с другим [4: 209].

В римском эпосе сравнения имеют характерную форму ввода в текст: с помощью прилагательных *qualis*, *quantus*, наречий *tantum*, *quam*, союзов *ut*, *velut*, *сei* и т. д. Кроме лексической специфики, эпические сравнения авторского рим-

ского героического эпоса характеризуются отходом от традиционных формульных сочетаний и наличием в них дополнительных индивидуальных черт [1: 109]. Это проявляется в том числе в организации взаимного расположения отдельных сравнений в тексте. На этом основании выделяются:

- цепи сравнений, которые представляют собой несколько связанных между собой сравнений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга;
- группы сравнений, которые содержат в себе несколько связанных между собой сравнений, расположенных непосредственно друг за другом.

Научный интерес представляет изучение функционирования выразительного приема сравнения в тексте эпической поэмы «Аргонавтика» Валерия Флакка, созданной римским автором в I веке н. э. Изучение авторской техники создания сравнений направлено на определение роли этого художественного приема в индивидуальном стиле автора.

Цель данной работы – установить принцип построения конкретной группы сравнений в поэме «Аргонавтика» Валерия Флакка.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования в данной статье выступает пассаж из четвертой

книги поэмы, где подряд идут два сравнения (стихи 193–198, 199–203). Такое пространственное расположение в тексте мотивирует выявление возможных взаимосвязей этих сравнений и рассмотрение их как группы, обладающей определенными структурными характеристиками. В работе используются как теоретические методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция), так и филологические методы интерпретации текста.

Научная значимость состоит в создании нового подхода к исследованию поэтики «Аргонавтики» Валерия Флакка, расширении теоретических знаний о художественном приеме сравнения и о стилистике римского героического эпоса. Полученные результаты могут быть ценными как для филологов, изучающих творчество Валерия Флакка, так и для исследователей римской эпической поэзии.

Прикладная значимость данного исследования состоит в том, что общие выводы и отдельные наблюдения могут использоваться при чтении лекционных и специальных курсов по истории античной литературы и истории римской литературы, поэтике и стилистике латинского языка, а также при проведении практических занятий по комментированному чтению «Аргонавтики» Валерия Флакка.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В основе поэмы лежит мифологический сюжет о плавании героев на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном. Во время похода аргонавты сделали остановку в месте обитания племени бебриков. Царь бебриков Амик, человек исполинского роста и огромной физической силы, не отпускал от своего берега ни одного чужеземца, не померившись с ним силой в кулачном бою.

В четвертой книге «Аргонавтики» описан бой Амика с аргонавтом Поллуксом. В сцене, предшествующей битве, помещена группа сравнений, состоящая из двух сопоставлений, которые расположены одно за другим. В первом говорится следующее (стт. 193–198; текст приводится по изданию [5]):

«omnibus idem animus forti decernere pugna
exoptantque virum contra^{que} occurrere poscunt.
qualiter ignotis spumantem funditus amnem
<.....>
pandit iter, mox omne pecus formidine pulsa
pone subit iamque et mediis procedit ab undis».

Стих 196 является предметом дискуссий. По сообщениям исследователей [6: 139], в рукописях *L*, *V*, *S*¹ после стиха 195 следует лакуна. В рукописи *T*² на полях читается *rumpit aquis arises medioque in gurgite doctor*, что считается явной интерполяцией. В издании Л. Каррио³, которое сделано с опорой на утраченную рукопись *C*⁴, принято чтение *taurus aquis, qui primus init, spernitque tumentem*, однако некоторые издате-

ли полагают, что это интерполяция, основанная на стихах Стация (Theb. 7. 436 ff.) [5]. С другой стороны, есть те, кто считает чтение рукописи *C* надежным⁵ [10: 127], [11: 252]. Например, по мнению Э. Смит [9: XXXVIII–XXXIX], этот стих убедителен, так как в нем названо существительное, к которому относится *ignotis*, *a primis* создает баланс с *tox*. Как более вероятную версию того, что эта строчка напоминает стихи Стация, Смит считает, что стих из «Аргонавтики» подлинный, и Стаций держал его в памяти.

П. Мергатройд также поддерживает чтение рукописи *C*, приводя в пользу этого ряд доводов. Во-первых, между стихами Валерия Флакка и Стация нет прямых лексических перекличек, чтобы утверждать, что стих 196 – интерполяция, сделанная с опорой на пассаж из «Фиваид». Во-вторых, стих 196 вписывается в контекст стилистически. Кроме того, этот стих непрост грамматически, чтобы придумать его как интерполяцию, а также достаточно эффектен: здесь нужно отметить благозвучность, близкое расположение *taurus* и *aquis*, акцентированное *tumentem*, которое значит «вздымающийся» применительно к воде и одновременно отсылает к Амику, который распален, высокомерен и напыщен. Мергатройд поддерживает Либермана [7: 263], который предположил, что стих 196 был пропущен из-за сходства его концовки со стихом 195. В любом случае из-за близости со стихами Стация очень вероятно, что животным, использованным в качестве образа сравнения у Валерия Флакка, был бык [8: 117]. Аргументы Мергатройда нашли поддержку у П. Р. Тейлор-Бриггс [13: 21]. Мы тоже склонны принять такое чтение и предлагаем следующий перевод:

«И у всех единий дух тягаться в доблестной битве, и жаждут мужа [т. е. Амика] и требуют состязаться [с ним]. Как когда река пенится из своих глубин нетронутыми <водами, бык, который входит первым и пре-небрегает вздывающейся рекой,> открывает путь; затем весь скот, отбросив страх, подходит сзади и уже в волнах [досл. от середины волн] выступает вперед».

Здесь Поллукс сравнивается с быком, который идет впереди, аргонавты сопоставляются со стадом, а Амик – с бушующими водами. *Tertia comparationis* в данном случае несколько: во-первых, бесстрашие, с которым бык и стадо идут в воду, а Поллукс с товарищами рвутся сразиться с Амиком; во-вторых, гигант сравнивается с водами на основании идеи чего-то страшного, что неотвратимо надвигается.

Второе сравнений группы, содержащее сопоставление Амика со скалой, выглядит так (ст. 199–203):

«At procul e silvis sese gregibusque ferebat
saevos in antra gigas, quem nec sua turba tuendo
it taciti secura metus. mortalia nusquam
signa manent; instar scopuli, qui montibus altis
summus abit longeque iugo stat solus ab omni».

«Но вдали из лесов и от стад шел в пещеру свирепый гигант, глядя на которого свой народ не шел, огражденный от молчаливого страха. Нигде не осталось черт смертных; как скала, которая уходит вверх высокими горами и вдали от всего кряжа стоит одна» (перевод автора статьи).

В данном случае *tertium comparationis* является размер [12: 35]. Заметим, что для эпоса привычны сравнения чего-то большого с горами; в качестве примера можно привести Hom. Il. 13. 754–755, где Гектор сравнивается с покрытой снегом горой; Od. 9. 190–192, где Циклоп сравнивается с «покрытой лесами вершиной высоких гор, которая выглядит одиноко, в стороне от других»; Verg. Aen. 12. 697–703, где Эней сравнивается с горами Афон, Эрик и Апенний и т. д.

ОБСУЖДЕНИЯ

Исходя из наших вышеизложенных наблюдений, пассаж из четвертой книги «Аргонавтики» Валерия Флакка, содержащий два сравнения, можно представить следующей схемой:

4. 193–198	
S_1	O_1
Поллукс	Бык-вожак
S_2	O_2
Аргонавты	Стадо
S_3	O_3
Амик	Волны

4. 199–203	
S_3	O_4
Амик	Скала

Схема сравнений Val. Flacc. 4. 193–198 и 4. 199–203
(S – объект сравнения, O – образ сравнения)

Figure of similes in Val. Flacc. 4. 193–198 and 4. 199–203
(S – tenor, O – vehicle)

Как можно заметить, Амик выступает объектом сравнения в обоих случаях. Однако, если в 4. 193–198 активную роль выполняют Поллукс и аргонавты, а Амик – пассивную, в 4. 199–203 ракурс меняется, и активная роль переходит к гиганту. Что касается *tertia comparationis*, основанием для сравнения Амика с волнами является угроза, для сравнения со скалой – размер. Таким образом, за счет разных *tertia comparationis* поэт подчеркивает разные характеристики объекта.

лукс и аргонавты, а Амик – пассивную, в 4. 199–203 ракурс меняется, и активная роль переходит к гиганту. Что касается *tertia comparationis*, основанием для сравнения Амика с волнами является угроза, для сравнения со скалой – размер. Таким образом, за счет разных *tertia comparationis* поэт подчеркивает разные характеристики объекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение авторской техники создания сравнений в тексте эпической поэмы «Аргонавтика» Валерия Флакка направлено на определение роли этого художественного приема в индивидуальном стиле автора. В исследовании устанавливаются принципы построения группы сравнений, состоящей из двух сопоставлений, которые расположены одно за другим (4. 193–198, 4. 199–203). В первом сравнении существует текстологическая трудность: после стиха 195 имеется лакуна. Проводится анализ научных мнений, и делается вывод о целесообразности принятия чтения, приведенного в издании Л. Каррио.

В рассмотренных сравнениях (4. 193–198, 4. 199–203) можно отметить следующие черты.

1. Развернутость. Распространенное сравнение разворачивается в законченный образ, достигая большой степени самостоятельности.

2. Два идущих подряд сравнения образуют группу, объединенную общим объектом сравнения.

3. Автор использует разные основания сравнения для акцентирования различных качеств объекта.

Художественное сравнение подчеркивает или конкретизирует признак или систему признаков, уже присущих предмету, и используется автором для прояснения объекта с ориентацией на жизненный или художественный опыт читателя. Воздействие образа, способность вызывать в читательском восприятии систему представлений зависит от степени привычности сравнения и степени его развернутости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукопись *L* (Laurentianus plut. 39, 38), написанная Никколо Никколи в 1429 г., стала источником всех позднейших полных рукописей; рукопись *V* (Vaticanus Latinus 3277) написана в 830–850 гг. в Фульде, считается достаточно полной; рукопись *S* (Sangallensis) утрачена, восстанавливается по спискам XV века.

² Рукопись *T* (Neapolitanus Bibl. Oratoriana dei Gerolamini CF2. 20, ранее Pil. X. n° XIX) написана в конце XV века.

³ Cartio L. Argonauticon C. Valerii Flacci libri VIII. Antverpiae: Ex officina Ch. Plantini, 1565. P. 90.

⁴ Рукопись *C* (Cartionis codex) использовалась белгийским гуманистом Луи Каррионом при подготовке издания «Аргонавтики», которое появилось в 1565 году. Впоследствии рукопись была утрачена.

⁵ Burmann P. C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo. Leidae: Apud Samuelem Luchtmans, 1724. P. 346; Wagner I. A. Commentarius perpetuus in C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libros VIII. Gottingae: Sumtibus Henrici Dieterich, 1805. P. 126.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков В. П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количество. СПб.: Наука, 1996. С. 107–129.
- Жирмунский В. М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гослитиздат. Ленингр. изд-ние, 1962. 435 с.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
- Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л.: Учпедгиз, 1959. 525 с.

5. Ehlers W.-W. Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo. Stuttgart: Teubner, 1980. XXVIII, 217 p.
6. Korn M. Valerius Flaccus, Argonautica 4, 1–343: Ein Kommentar. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1989. 227 s.
7. Liberman G. Valerius Flaccus. Argonautiques. T. I: Chants I–IV. Paris: Les Belles Lettres, 2003. CIX, 284 p.
8. Murgatroyd P. A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' Argonautica. Leiden; Boston: Brill, 2009. X, 363 p.
9. Smith A. H. A Commentary on Valerius Flaccus' Argonautica II. Diss. Oxford, 1987. XLIX, 299 p.
10. Soubiran J. Valerius Flaccus. Argonautiques. Introduction, texte et traduction rythmée, notes et index. Louvain, Paris, Dudley: Éditions Peeters, 2002. 352 p.
11. Spaltenstein F. Commentaire des Argonautica de Valerius Flaccus (livres 3, 4 et 5). Bruxelles: Latomus, 2004. 561 p.
12. Stover T. *Opibusque ultra ne crede paternis: Fathers and Sons on the Wrong Side of History in Valerius' Argonautica // Family in Flavian Epic* / Ed. by N. Manioti. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 14–40. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004324664_003
13. Taylor-Briggs P. R. Utete bono tuo feliciter: The Textual Transmission and Manuscript History of Valerius Flaccus' Argonautica // Brill's Companion to Valerius Flaccus. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 7–28. DOI: 10.1163/9789004278653_003

Поступила в редакцию 16.09.2019

Anastasia V. Kotova, PhD in Philology, Saint Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)
anastakot@gmail.com

PRINCIPLES OF CONSTRUCTING GROUPS OF SIMILES IN VALERIUS FLACCUS' ARGONAUTICA (4. 193–198, 4. 199–203)

The purpose of the article is to establish the principles of constructing a group of similes in Valerius Flaccus' *Argonautica* (verses 4. 193–198, 4. 199–203). The analysis of the first simile is complicated by the textual gap after the verse 195. A scholarly literature review validates that it was reasonable to rely on the version of the text from Ludovicus Carrio's edition of *Argonautica*. Attention is paid to spatial organization of the similes in the text. It is established that the comparison objects match in both similes. Another observation is that in the analyzed group the author uses different *tertia comparationis* to emphasize various qualities of the object. The study of the author's technique of creating similes is aimed at determining the role of this expressive device in the author's individual style. The research value is in creating a new approach to the study of the poetics of Valerius Flaccus' *Argonautica* and expanding theoretical knowledge of similes and the stylistics of the Roman heroic epos.

Keywords: language of fiction, stylistic devices, expressive means, simile, simile structure, group of similes

Cite this article as: Kotova A. V. Principles of constructing groups of similes in Valerius Flaccus' *Argonautica* (4. 193–198, 4. 199–203). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 21–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.427

REFERENCES

1. Berkov V. P. Comparison semantics and types of its expression. *Theory of functional grammar: Quality. Quantity*. St. Petersburg, 1996. P. 107–129. (In Russ.)
2. Zhirmunsky V. M. Folk heroic epos: Comparative historical essays. Moscow, Leningrad, 1962. 435 p. (In Russ.)
3. Propp V. Ya. Russian heroic epos. Moscow, 1999. 640 p. (In Russ.)
4. Tomashewsky B. V. Style and versification. Course of lectures. Leningrad, 1959. 525 p. (In Russ.)
5. Ehlers W.-W. Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo. Stuttgart, 1980. XXVIII, 217 p.
6. Korn M. Valerius Flaccus, Argonautica 4, 1–343: Ein Kommentar. Hildesheim, Zürich, New York, 1989. 227 s.
7. Liberman G. Valerius Flaccus. Argonautiques. T. I: Chants I–IV. Paris, 2003. CIX, 284 p.
8. Murgatroyd P. A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' *Argonautica*. Leiden; Boston, 2009. X, 363 p.
9. Smith A. H. A Commentary on Valerius Flaccus' *Argonautica* II. Diss. Oxford, 1987. XLIX, 299 p.
10. Soubiran J. Valerius Flaccus. Argonautiques. Introduction, texte et traduction rythmée, notes et index. Louvain, Paris, Dudley, 2002. 352 p.
11. Spaltenstein F. Commentaire des Argonautica de Valerius Flaccus (livres 3, 4 et 5). Bruxelles, 2004. 561 p.
12. Stover T. *Opibusque ultra ne crede paternis: Fathers and Sons on the wrong side of history in Valerius' Argonautica. Family in Flavian Epic*. (N. Manioti, Ed.). Leiden, Boston, 2016. P. 14–40. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004324664_003
13. Taylor-Briggs P. R. Utete bono tuo feliciter: The textual transmission and manuscript history of Valerius Flaccus' *Argonautica*. Brill's Companion to Valerius Flaccus. Leiden, Boston, 2014. P. 7–28. DOI: 10.1163/9789004278653_003

Received: 16 September, 2019

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ОТЛИВАНЧИК
специалист Web-лаборатории Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
AlexOt@yandex.ru

ЗАГАДКА ЛИЧНОСТИ БЕЛЛЕТРИСТА «ГРАЖДАНИНА» ИВАНА БОГДАНОВА*

Целью исследования является установление личности Ивана Богданова – беллетриста и художественного обозревателя еженедельного журнала «Гражданин» в 1872–1876 годах. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения персонального состава сотрудников «Гражданина» в период редакторства в этом издании Ф. М. Достоевского (1873–1874), а также необходимостью реконструкции с опорой на архивные и иные источники биографий малоизвестных авторов «Гражданина». Личность Ивана Богданова устанавливается на основании эпистолярных источников, отметок записной тетради Ф. М. Достоевского 1872–1875 годов, мемуаров владельца «Гражданина» князя В. П. Мещерского и данных ряда справочных изданий конца XIX – начала XX века. Проведенное исследование позволяет твердо отождествить названного сотрудника «Гражданина» с Иваном Ивановичем Богдановым (нач. 1840-х – нач. 1880-х годов), младшим братом известного поэта-сатирика В. И. Богданова, постоянного сотрудника «Искры». На основании выявленных биографических сведений об Иване Богданове впервые ставится вопрос о нем как одном из прототипов «Молчаливого наблюдателя» («Одного лица») – собирательного персонажа, героя рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок» и его фельетона «Полписьма “одного лица”».

Ключевые слова: установление личности, И. Богданов, В. И. Богданов, Ф. М. Достоевский, В. С. Карцов, «Гражданин», «Искра», «Бобок», «Полписьма “одного лица”»

Для цитирования: Отливанчик А. В. Загадка личности беллетриста «Гражданина» Ивана Богданова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 25–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.428

ВВЕДЕНИЕ

В газете-журнале «Гражданин» за все время редакторства Ф. М. Достоевского авторская подпись *И. Богдановъ* встречается всего три раза: в № 7, 8 и 15 за 1874 год под главами повести «История моего детства (Воспоминания дворового)». Окончание повести появилось в № 16, выпущенном уже преемником Достоевского по редакторству «Гражданина» В. Ф. Пузыковичем. В «Подробном обозначении содержания 52 №№ “Гражданина” за 1874 год» автор повести «История моего детства» фигурирует как *Ив. Богдановъ*, что позволяет «расшифровать» его имя как *Иван*.

В архивах сохранились три письма Ивана Богданова к Достоевскому; все три связаны с сотрудничеством корреспондента великого романиста в «Гражданине». В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – РГБ) находится письмо И. Богданова редактору «Гражданина» от 4 февраля 1873 года, в рукописной отделе Института русской литературы (далее – ИРЛИ) РАН – его письма Достоевскому от 11 апреля 1874 года и 1 апреля 1875 года. Письмо Богданова от 4 февраля 1873 года свидетельствует о принадлежности этому автору очерка «В вокзале», помещенного в № 14 «Гражданина» за тот же год под псевдонимом *И. Печеневъ*¹. Под тем же псевдонимом в «Гражданине» не-

сколько позже появились рассказ «Сапоги (Из недавнего прошлого)» (1873, № 42) и три юморески под общим заголовком «С натуры (Из записной книжки наблюдателя)» (1873, № 48). Принадлежность этих произведений перу Ивана Богданова бесспорна.

Богданов трижды упоминается в записной тетради, которую Достоевский вел в период редактирования «Гражданина». Среди недатированных отметок тетради, по содержанию относящихся к первым неделям редакторства писателя, есть запись «Иметь в виду Богданова»². Под датой «1-е март^{<а>}» 1873 года Достоевский отметил в своей тетради: «Получены две статьи: Богданова о выставке и одной дамы по женскому вопросу», а в позднейших мартовских записях упомянул: «Богданову отдана», имея в виду какую-то его рукопись³.

Беллетрист Иван Богданов принадлежит к довольно значительной плече малоизвестных сотрудников «Гражданина». В справочных изданиях по жизни и творчеству Достоевского, включая и «Указатель имен» (с приведением кратких сведений об упомянутых персоналиях) в Полном собрании сочинений писателя в 30 томах, об Иване Богданове помещена лишь предельно скжатая информация с очевидными лакунами:

нигде не указаны даже годы его жизни, точные или хотя бы приблизительные⁴. Единственная подробная словарная статья об И. Богданове, беллетристе «Гражданина», принадлежит В. А. Викторовичу – она входит в состав опубликованного в 2011 году фрагмента «Словаря авторов “Гражданина”». Но и эта статья основана лишь на источниках, имеющих непосредственное отношение к «Гражданину» (публикации И. Богданова в журнале, его письма к Достоевскому, отметки записной тетради Достоевского 1872–1875 годов, мемуары издателя «Гражданина» В. П. Мещерского) (см.: [2: 52–54]). Чем занимался И. Богданов в течение своей жизни, кроме эпизодического сотрудничества в «Гражданине», остается, по-видимому, загадкой для исследователей.

В «Моих воспоминаниях» В. П. Мещерского, действительно, есть небольшой пассаж об И. Богданове. Но он не проливает свет на личность беллетриста «Гражданина» и содержит фактические неточности: «...въ маленькомъ разсказѣ “Сапоги” оказался громадный комическій талантъ. Мы добыли автора, скромненькаго чинушку, жившаго на Охтѣ, и начали съ нимъ возиться. Но, по странной игрѣ случая, такъ дальше этого разсказа его творчество не пошло, и то, что онъ сталъ писать послѣ, къ его и къ нашему горю не стоило ни гроша»⁵. Согласно адресу, указанному самим И. Богдановым в письме Достоевскому от 4 февраля 1873 года, он жил не на Охте, а на Васильевском острове («*8^а линія, домъ № 7^а кв. № 27^а*»⁶). Васильевский остров – это часть Петербурга, противоположная Охте. Согласно же «Всеобщей адресной книге С.-Петербурга» 1867–1868 годов литератор Иван Богданов жил на Васильевском острове и в эти годы, то есть лет за пять до начала сотрудничества с «Гражданином» (правда, по другому адресу: 11-я линия Васильевского острова, д. 30, кв. 14)⁷. Не вдаваясь в оценку художественных достоинств произведений И. Богданова, помещенных в «Гражданине» после выхода там рассказа «Сапоги» (15 октября 1873 года), отметим, что Богданов печатался в этом издании как прозаик и журналист и в 1874, и в 1875 году (в комплектах «Гражданина» за эти годы есть тексты за его полной подписью), и даже в 1876 году (судим по характерному криптониму, поставленному под публикацией типичной для И. Богданова тематики⁸). Печатал ли В. П. Мещерский в своем журнале то, что, по его же словам, «не стоило ни гроша», или же мемуариста здесь подвела память, – собственно, не так важно. Установить личность И. Богданова воспоминания Мещерского (единственный, по нашим сведениям, мемуарный источник с упоминанием этого беллетриста) не помогают.

Еще одна загадка, связанная с И. Богдановым, автором «Гражданина», – это его отчество. В первоисточниках оно нигде не указано. Ни са-

мим И. Богдановым (в его письмах редактору), ни Ф. М. Достоевским, ни В. П. Мещерским (последний к моменту написания мемуаров позабыл даже фамилию и имя своего бывшего сотрудника). Неизвестен (из достоверных источников) даже инициал отчества И. Богданова. На архивной обложке письма И. Богданова Достоевскому от 4 февраля 1873 года отчество отправителя письма обозначено сотрудником Отдела рукописей РГБ предположительно: «Иван [Иванович?]»⁹. В большинстве справочных достоевковедческих изданий отчество Иванович (либо инициал отчества И.) приписывается И. Богданову уже без оговорок, хотя, к сожалению, и без каких-либо обоснований (см.: [1: 108], [2: 52–53], [6: 476], [7: 19], [11: 339]¹⁰). Исключение из правила составляют публикация Т. В. Гармашевой и Б. Н. Капелюш «Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского», где Иван Богданов указан без отчества (и без его инициала) (см.: [4: 73]), и работа Л. П. Гроссмана «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах», содержащая неверные инициалы: «Д. И. Богданов» [5: 208]. Заметим, что мы никогда не указывали ни отчества И. Богданова, ни его инициала, сознательно избегая этого (см., напр.: [12: 123]).

Рассмотрим, однако, предположение архивистов РГБ (поддержанное в дальнейшем достоевистами) об отчестве, которое мог носить Иван Богданов, корреспондент Достоевского. Литератор Иван Иванович Богданов с подходящими годами жизни (известными, впрочем, лишь приблизительно) в самом деле существовал. Проживал он во взрослый период своей жизни в С.-Петербурге. Это малоизвестная личность, упомянутая лишь в очень немногих справочниках. Гораздо более известен брат литератора И. И. Богданова: это Василий Богданов, видный поэт-«искровец», автор слов небезызвестной «Дубинушки», переводчик на русский язык «Марсельезы», медик, атеист (и пропагандист атеизма) – в общем, человек бесконечно далекий от «Гражданина». Младший брат В. И. Богданова Иван, по нашим сведениям, упомянут лишь в следующих справочных изданиях: «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» под редакцией С. А. Венгерова (в нем весьма небезынтересная заметка об И. И. Богданове В. С. Карцова¹¹), справочнике «Источники Словаря русских писателей», составленном С. А. Венгеровым же (И. И. Богданов там просто назван¹²), «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова (заметка об И. И. Богданове представляет собой сокращенную компиляцию из «Критико-биографического словаря» С. А. Венгерова¹³) и «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова.

Компилятивная заметка об И. И. Богданове в энциклопедии С. Н. Южакова как источник

информации не имеет самостоятельного значения, поэтому рассмотрим остальные справочные материалы. Наибольшей ценностью (и вообще, и для решения специальной задачи нашего исследования) обладает заметка В. С. Карцова в словаре С. А. Венгерова, поэтому позволим себе привести ее текст полностью:

«Богдановъ, Иванъ Ивановичъ, юмористъ, братъ В. И. Богданова. Родился въ началѣ 1840-хъ гг., образование получило въ Императорской академіи художествъ, но курса не окончилъ. Съ конца шестидесятыхъ гг. принялъ дѣятельное участіе въ «Искрѣ», гдѣ помѣщались юмористические очерки, и «Петербургскій листокъ», гдѣ, кромѣ того, вѣль одно время художественный отдѣль. Часть написанного Б. Богдановымъ собрана имъ въ книгѣ «Очерки, разсказы и сценки»¹⁴ (Спб. 1874).

Постоянно больной, хромой отъ природы и «съ пристрастиемъ» къ спиртнымъ напиткамъ, Б. Богдановъ терпѣлъ вѣчно нужду. Его знакомые рассказывали намъ, что у него были и болѣе крупныя веци, которыя онъ долженъ были сбывать аптекарскимъ книгопродавцамъ, получая, напримѣръ, за повѣсть въ пять печатныхъ листовъ – десять руб. Каковы эти романы и повѣсти, были ли они изданы, и подъ какими псевдонимами – намъ не удалось узнать.

Послѣдовательно пройдя всѣ скорбныя ступени столичной нищеты, Б. Богдановъ опустился, наконецъ, доnochлежныхъ приютовъ. Литературная работа и знакомства, при этомъ, конечно, были заброшены. Этимъ и объясняется то, что когда Б. Богдановъ, въ началѣ восьмидесятыхъ гг., умеръ въ больницѣ для чернорабочихъ, то не только нигдѣ не появилось некрологовъ, но и о самой смерти знакомые узнали значительно позже.

Рассказы и очерки Б. Богданова не отличаются особенной талантливостью, но читаются легко, написаны литературно, мѣстами типичны и свидѣтельствуютъ о несомнѣнной наблюдательности¹⁵.

Фактический материал заметки В. С. Карцова нас (во всяком случае поначалу) заставил скорее насторожиться, чем признать возможным четко идентифицировать И. Богданова из «Гражданина» как Ивана Ивановича Богданова, младшего брата Василия. В заметке, как видим, не только не упоминается сотрудничество Богданова-младшего в «Гражданине» (издании небезызвѣстном!), но отмечено его *дѣятельное* участие в «Искре» и «Петербургском листке» – изданиях-антагонистах «Гражданина». И если радикальные идеинные расхождения между родными братьями, конечно, случаются, и не так уж редко, то совмѣщение беллетристом и журналистом «Гражданина» с «Искрой» как площадок для печатных выступлений выглядит уже нескользко странно. Не совсѣм естественным показалось такое совмѣщение в свое время и С. А. Венгерову: в его труде «Источники Словаря русских писателей» И. Богданов из «Гражданина» упомянут (это, отметим, *единственный* случай его упоминания в справочном издании, не считая позднейших достоевсковедческих работ) *отдельно* от Ивана Ивановича Богданова из «Искры» и «Петербургского листка», то есть как *другое лицо*¹⁶.

«Источники Словаря...» С. А. Венгерова не содержат подобных сведений о литераторах, названных в них, – следовательно, в нашем исследовании, к сожалению, не могут пригодиться. В словаре И. Ф. Масанова псевдоним И. Богданова из «Гражданина» *И. Печеневъ* (*Ив. Печеневъ*) не зафиксирован. Иван Иванович Богданов, брат Василия Ивановича, в «Словаре псевдонимов» упоминается, но ему там атрибутируются другие псевдонимы: *Ив. Богд-в* и *Б-в* (см.: [10: 72]). Названы в «Словаре псевдонимов» и издания, где печатался И. И. Богданов, но среди этих изданий нет «Гражданина» – есть лишь уже известная нам «Искра» и, кроме нее, сатирико-юмористический журнал «Будильник» (см.: [8: 135], [9: 381]).

Наши затруднения и недоумения, казалось бы, мог разрешить один архивный источник. В биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1989. Т. 1.) в статье И. Г. Ямпольского о В. И. Богданове (статьи о его младшем брате в словаре нет) среди архивных источников по биографии знаменитого «искровца» значится рукописная статья А. И. Никольского «о жизненном и творческом пути братьев В. И. и И. И. Богдановых», рукопись которой хранится в ИРЛИ (Р. I. Оп. 2. Д. 88) [14: 299]¹⁷. Заказав в свое время эту единицу архивного хранения и ознакомившись с ней, мы, однако, лишь убедились в том, что в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» при указании архивных источников по В. И. Богданову допущена неточность. Названный архивный документ в действительности представляет собой переплетенный фрагмент сборника «Забытый смех» (М., 1914; составитель А. В. Амфитеатров); этот фрагмент включает в себя с. 357–375 сборника, на которых помещены перепечатки ряда стихов В. И. Богданова с предисловием А. В. Амфитеатрова. Фрагменту сборника «Забытый смех» в переплете предшествуют пять листов, на которых рукой А. И. Никольского (имеется его подпись) переписаны с минимальными изменениями уже известные нам компилятивные заметки о В. И. и И. И. Богдановых из «Большой энциклопедии» С. Н. Южакова¹⁸.

Может показаться, что наше исследование зашло в тупик. Особенно ввиду того очевидного факта, что Богданов – весьма широко распространенная русская фамилия; еще более распространено имя Иван... Следовательно, нет оснований исключать версию, согласно которой в «Гражданине» Ф. М. Достоевского сотрудничал *тезка* и *однофамилец* беллетриста-«искровца» (родного брата гораздо более знаменитого «искровца»).

Тем не менеѣ выйти из наметившегося «тупика» помогают некоторые указания приведенной выше биографической заметки В. С. Карцова об И. И. Богданове. По сведениям биографа, Иван Богданов-«искровец» был воспитанником петербургской Академии художеств. В № 22

«Гражданина» за 1875 год за полной подписью И. Богданова был помещен журналистский обзор «Годичная выставка художественных произведений в Императорской академии художеств» (написанный, отметим, с хорошим знанием дела). Перу И. Богданова принадлежат и другие публикации еженедельника «Гражданин» по вопросам искусства, и автор этих текстов предстает довольно тонким ценителем и достаточно профессиональным критиком произведений живописи и скульптуры. Таковы его заметка «Несколько слов о конкурсных проектах памятника Пушкину» (1874. № 16; подпись – инициалы *И. Б.*), его обзор «Последние художественные новости» (1874. № 19; подпись – *И. Б.*), сходные по названию обзоры «Художественные новости» (1875. № 15–16; подпись – *Ив. Богдановъ*) и «Художественные новости нынешнего года» (1876. № 11; подпись – *Ив. Б-въ*). Припомним в этом контексте и некую статью «Богданова о выставке», принятую в 1873 году к рассмотрению Ф. М. Достоевским и, судя по всему, отклоненную. Статьи И. Богданова в «Гражданине» по вопросам искусства уже достаточно веско указывают на личность их автора, хотя формально это веское указание не решает вопрос окончательно.

Но еще более интересно другое указание В. С. Карцова. Сборник «Очерки, рассказы и сцены» 1874 года издания, принадлежащий Ивану Богданову – брату Василия, сохранился в библиотеках. Он, отметим, был переиздан с небольшими дополнениями в 1875 году. Оба издания имеют на титуле авторскую фамилию с двумя инициалами: «И. И. Богдановъ». Ознакомление с содержанием обоих выпусков книги разрешает наконец загадку личности беллетриста «Гражданина». Сборники И. И. Богданова 1874 и 1875 годов содержат юмористический рассказ «Сапоги (Из недавнего прошлого)», повесть «История моего детства (Воспоминание дворового)», очерк «В вокзале», рассказы «Мировой суд (Провинциальный жанр)» и «Место на железной дороге (Картина современных нравов)» (два последних произведения впервые появились в «Гражданине» редакции В. Ф. Пуцковича, в № 24 и 45 1874 года), а также рассказ «Большой генерал», представлявшийся И. Богдановым в «Гражданин» (судя по его письму Достоевскому от 11 апреля 1874 года¹⁹), но отклоненный редакцией.

Закономерный вопрос о более чем странной «вседности» и неразборчивости И. И. Богданова, легко сочетавшего сотрудничество в «Искре» и в «Гражданине», разрешается, в сущности, достаточно просто, если вспомнить указание В. С. Карцова на постоянную нужду и нищету этого «литературного поденщика», обусловленную не в последнюю очередь его сильным «пристрастием к спиртным напиткам». И. И. Богданов просто печатался там, где платили.

Личность беллетриста и художественно-го обозревателя «Гражданина» И. И. Богданова резко своеобразна и трагична. Мягкий добродушный юмор, незаурядная житейская наблюдательность, тонкое чувство прекрасного и, наконец, собственное художественное мастерство (И. И. Богданов выступал как художник в той же «Искре»; в 1872 году в Петербурге вышел литографированный альбом его карикатур «Полусвет и тени») – и наряду с этим причастность петербургскому социальному дну, ночлежки и беспробудное пьянство. Эта трагическая двойственность облика И. И. Богданова сама собой вызывает в памяти нечто хорошо нам знакомое по начальным главам «Дневника писателя» Достоевского 1873 года. Припомним:

«Мелькает тоже рядом <...> с цинизмом красного носа, огорченного запаха <...> и разорванных сапогов, мелькает какая-то скрытая жажда нежности, чего-то идеального, вера в какую-то красоту, зензухт²⁰ по чему-то утраченному, что выходит в нем смешно»²¹.

Это вымышленный Достоевским автор «Полписьма “одного лица”», и он же – герой-рассказчик чуть более раннего рассказа «Бобок». Оба произведения были написаны Достоевским как раз в начальный период знакомства романиста с И. И. Богдановым (судим по недвусмысленным хронологическим указаниям в записной тетради Достоевского 1872–1875 годов и в письме И. И. Богданова Достоевскому от 4 февраля 1873 года²²). В плане авторских указаний на пагубную страсть «Одного лица» к пьянству наиболее характерен, по нашему мнению, текст *чернового автографа* «Полписьма “одного лица”», кое в чем более полный, чем опубликованный текст этого фельетона Достоевского. В черновом автографе читаем:

«Человек огорченный и ежедневно себя “огорчающий”. <...> человека, от которого отбивает “огорченным” запахом, я как-то не могу считать сотрудником “Гражданина”. Предрассудок, каюсь, и даже, может быть, ставлю себя сам как редактора в положение затруднительное»²³.

По первоначальному сюжету фельетона, как видим, автор «Полписьма...» приходил к Достоевскому в редакцию нетрезвым или с сильного похмелья. Возможно, это только художественный вымысел романиста. Но вряд ли стоит исключать обратное – то, что такая художественная деталь могла иметь реальную фактическую основу. Среди авторов «Гражданина» Достоевского, по нашим сведениям, лишь двое страдали тяжелой, безнадежно запущенной формой алкоголизма: это беллетристы А. А. Шкляревский²⁴ и И. И. Богданов. Однако с А. А. Шкляревским Достоевский, по свидетельству корректора «Гражданина» В. В. Тимофеевой, познакомился лишь летом 1873 года²⁵ («Бобок» и «Полписьма “одного лица”» были написаны значительно раньше).

Как уже отмечалось В. А. Тунимановым и Г. Я. Галаган, «Одно лицо» – собирательный художественный образ (см.: [3: 416], [13: 407]). Известны основные прототипы «Одного лица». «Создавая “литературную” биографию героя, Достоевский опирался на “физиологические” очерки И. И. Панаева, главным образом на “Литературную тлю” (1843) и “Петербургского фельетониста” (1841)» [13: 407]; кроме литературных прообразов, был у «Одного лица» и реальный прототип – публицист В. П. Буренин (см.: [3: 416]). По нашему мнению, этот перечень прототипов героя неполон, и он может быть дополнен именем Ивана Богданова. Конечно, не все черты «спившегося литератора-неудачника» в двух главах «Дневника писателя» 1873 года восходят к И. И. Богданову; иные имеют свой источник в совсем других прототипах. Таковы, напр., стремление «Одного лица» «поучать и давать наставления» журналистам и редакторам, его мания «забрасывать» редакции своими письмами, а также его отказ от «малейшего гонорария» (И. И. Богданов писал, конечно, за деньги). Другие черты героя И. И. Богданова подходит. Мы имеем в виду не только и не столько *общие* указания на творческие неудачи «Одного лица» (или, возможно, на его непрактичность – неумение «пристроить» свои произведения): «Написал повесть – не напечатали. Написал фельетон – отказали. Этих фельетонов я много по разным редакциям носил, везде отказывали»²⁶. В рассказе «Бобок» есть и гораздо более конкретные указания: «Перевожу больше книгопродавцам с французского. Пишу и объявления купцам <...>. “Искусство нравиться дамам” по заказу книгопродавца составил. Вот этаких

книжек я штук шесть в моей жизни пустил (жирный шрифт наш. – *A. O.*)»²⁷. Вспомним работу И. И. Богданова на «апраксинских книгопродавцов» и его псевдонимные книжки, написанные для книготорговцев за символическую плату.

Обратим внимание и на имя героя «Бобка» и «Полписьма...». Мы привыкли знать этого литературного персонажа только под его псевдонимами: «Одно лицо» и «Молчаливый наблюдатель». А ведь у героя есть и имя, и даже отчество. Имя нарочито *условное* в своей «типичности»: Иван Иваныч. «Семен Ардалионович третьего дня мне как раз: – Да будешь ли ты, Иван Иваныч, когда-нибудь трезв, скажи на милость?»²⁸. Случайно или нет, «Одно лицо» – *полный тезка* беллетриста-неудачника Ивана Богданова, эпизодического сотрудника «Гражданина», «огорченного и ежедневно себя “огорчающего”».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволило установить личность одного из небесталанных, но малоизвестных сотрудников газеты-журнала «Гражданин» 1870-х годов – беллетриста и художественного обозревателя Ивана Богданова. Изучение обстоятельств жизни И. И. Богданова, его журналистской деятельности, а также истории его взаимоотношений с редактором «Гражданина» Ф. М. Достоевским позволило дополнить творческую историю двух глав «Дневника писателя» Достоевского 1873 года: «Бобок» и «Полписьма “одного лица”».

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает признательность Т. В. Панюковой за помощь в поисковой работе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)» № 17-04-00619-ОГН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: РГБ. Ф. 93.П.1.105. Л. 1.
- ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 259.
- ³ Там же. С. 260.
- ⁴ См.: Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 29. Кн. 2. Л.: Наука, 1986. С. 330. См. также: [1: 108].
- ⁵ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. II. СПб., 1898. С. 177.
- ⁶ РГБ. Ф. 93.П.1.105. Л. 1.
- ⁷ См.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: въ 5 отд. СПб., 1867–1868. Отд. III. С. 51.
- ⁸ См.: Ив. Б-въ [Богдановъ И.] Художественные новости нынешняго года // Гражданинъ. 1876. № 11. С. 298–301.
- ⁹ РГБ. Ф. 93.П.1.105.
- ¹⁰ См. также: Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука, 1986. С. 558; Т. 29. Кн. 2. С. 330; Т. 30. Кн. 2. Л.: Наука, 1990. С. 162, 402.
- ¹¹ См.: Карцовъ В. Богдановъ, Иванъ Ивановичъ // Критико-биографический словарь русскихъ писателей и ученыхъ (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней) / Подъ ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1895. С. 119.
- ¹² См.: Источники Словаря русскихъ писателей / Собраль С. А. Венгеровъ. Т. I. СПб., 1900. С. 285.
- ¹³ См.: Богдановъ, Иванъ Ивановичъ // Большая Энциклопедія: Словарь общедоступныхъ свѣденій по всѣмъ отраслямъ знанія / Подъ ред. С. Н. Южакова: Въ 22 т. Т. 3. СПб., 1902. С. 369–370.
- ¹⁴ Так в подлиннике. Точное название сборника: «Очерки, рассказы и сцены».
- ¹⁵ Карцовъ В. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁶ См.: Источники Словаря русскихъ писателей. Т. I. С. 285.
- ¹⁷ Архивная справка сделана В. Н. Гудкиным-Васильевым.

¹⁸ См.: ИРЛИ. Р. I.2.88. Л. 1–5.

¹⁹ См.: ИРЛИ. № 29648. Л. 1 об.

²⁰ Sehnsucht – тоска (нем.).

²¹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 21. С. 308.

²² Отметка «Иметь в виду Богданова» в записной тетради 1872–1875 годов, как уже упоминалось, сделана в первые недели редакторства писателя в «Гражданине», т. е., вероятно, в январе 1873 года. Из письма И. И. Богданова Достоевскому от 4 февраля 1873 года видно, что к моменту его написания Достоевский успел просмотреть этюд Богданова «Плотники» и вернуть его автору, после чего беллетрист подготовил для «Гражданина» очерк «В вокзале». Рассказ Достоевского «Бобок» был опубликован в «Гражданине» 5 февраля 1873 года, фельетон «Полписьма “одного лица”» – 5 марта.

²³ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 21. С. 307.

²⁴ См.: Соколов А. А. Из моих воспоминаний (Фрагмент) // Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М., 1993. С. 291–292.

²⁵ См.: Тимофеева В. В. Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 176–177.

²⁶ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 21. С. 42.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. Т. I. СПб.: Алетейя, 2001. 573 с.
- Викторович В. А. Окружение Достоевского (из словаря авторов «Гражданина») // Достоевский и современность: Материалы XXV Международных Старорусских чтений 2010 года. Великий Новгород, 2011. С. 49–59.
- Гаган Г. Я. «Полписьма “одного лица”» <комментарий> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 414–421.
- Гармашева Т. В., Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–130.
- Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. II. СПб.: Академический проект, 1994. 587 с.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. III. СПб.: Академический проект, 1995. 614 с.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. I. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. 442 с.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. III. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. 415 с.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. IV. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. 558 с.
- Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. д-ра филол. наук В. С. Нечаевой. М., 1957. 588 с.
- Отливанчик А. В. Ф. М. Достоевский и редакция журнала «Гражданин» после апреля 1874 г.: по документальным источникам // Достоевский и современность: Материалы XXXII Международных Старорусских чтений 2017 года. Великий Новгород, 2018. С. 120–128.
- Туников В. А. «Бобок» <комментарий> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 402–411.
- Ямпольский И. Г. Богданов Василий Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 298–299.

Поступила в редакцию 02.12.2019

Alexander V. Otlivanchik, Web-Laboratory Specialist, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
AlexOt@yandex.ru

IVAN BOGDANOV, A MYSTERIOUS BELLETRIST OF THE CITIZEN WEEKLY

The aim of the article is to establish the identity of Ivan Bogdanov, a belletrist and art columnist who worked for *The Citizen* weekly magazine between 1872 and 1876, using epistolary sources, notes from Fyodor Dostoevsky's notebook of 1872–1875, memoirs of Prince Vladimir Meshchersky, who published *The Citizen*, and data from a number of reference publications from the late XIX and the early XX centuries. This research is a contribution to making a comprehensive list of *The Citizen* staff members during Dostoevsky's editorship, as well as to reconstructing the biographies of unrenowned contributors to the magazine with the help of archival and other sources. The study enabled us to firmly establish that *The Citizen*'s columnist Ivan Ivanovich Bogdanov (born in the early 1840s, died in the early 1880s) was a younger brother of a famous satirist and a poet Vasilii Ivanovich Bogdanov, who was permanently employed by *The Spark* magazine. The revealed biographical information gives us reasons to suggest, for the first time, that Ivan Bogdanov was one of the prototypes of a “silent observer” (a “certain person”), a collective character of Dostoevsky's short story “Bobok” and his satirical sketch “A Half-Letter from ‘a Certain Person’”.

Keywords: personal identification, I. Bogdanov, V. I. Bogdanov, F. M. Dostoevsky, V. S. Kartsov, *The Citizen*, *The Spark*, “Bobok”, “A Half-Letter from ‘a Certain Person’”

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his gratitude to T. V. Panyukova for her assistance with information search.

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 17-04-00619-OGN “The editorial archive of the newspaper-magazine *Grazhdanin* (*The Citizen*) (1872–1879)”.

Cite this article as: Otlivanchik A. V. Ivan Bogdanov, a mysterious belletrist of *The Citizen* weekly. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 25–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.428

REFERENCES

1. Belov S. V. F. M. Dostoevsky and his surrounding: Encyclopedic dictionary: In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2001. 573 p. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Dostoevsky's surrounding (from the dictionary of *The Citizen's* authors). *Dostoevsky and modernity: Proceedings of the XXV International Staraya Russa Readings, 2010*. Veliky Novgorod, 2011. P. 49–59. (In Russ.)
3. Galagan G. Ya. ‘‘A Half-Letter from ‘a Certain Person’’ <comments>. *Dostoevsky F. M. The complete works: In 30 vols.* Vol. 21. Leningrad, 1980. P. 414–421. (In Russ.)
4. Garasheva T. V., Kapelyush B. N. F. M. Dostoevsky's manuscripts and correspondence. *Bulletins of the Manuscript Department of the RAS Pushkin House*. Issue 7. Moscow, Leningrad, 1957. P. 5–130. (In Russ.)
5. Grossman L. P. Life and works of F. M. Dostoevsky: Biography in dates and documents. Moscow, Leningrad, 1935. 382 p. (In Russ.)
6. The chronicle of Dostoevsky's life and works: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 1994. 587 p. (In Russ.)
7. The chronicle of Dostoevsky's life and works: In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, 1995. 614 p. (In Russ.)
8. Masanov I. F. A dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vols. Vol. 1. Moscow, 1956. 442 p. (In Russ.)
9. Masanov I. F. A dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1958. 415 p. (In Russ.)
10. Masanov I. F. A dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vols. Vol. 4. Moscow, 1960. 558 p. (In Russ.)
11. The description of F. M. Dostoevsky's manuscripts. Moscow, 1957. 588 p. (In Russ.)
12. Otlivanchik A. V. F. M. Dostoevsky and the editorial office of *The Citizen* magazine after April of 1874: study of documentary sources. *Dostoevsky and modernity: Proceedings of the XXXII International Staraya Russa Readings, 2017*. Veliky Novgorod, 2018. P. 120–128. (In Russ.)
13. Tunimakov V. A. ‘‘Bobok’’ <comments>. *Dostoevsky F. M. The complete works: In 30 vols.* Vol. 21. Leningrad, 1980. P. 402–411 (In Russ.)
14. Yampolskiy I. G. Bogdanov Vasiliy Ivanovich. *Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary*. Vol. 1. Moscow, 1989. P. 298–299. (In Russ.)

Received: 2 December, 2019

ПАВЕЛ СТАНИСЛАВОВИЧ ЗАРУЦКИЙ

аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

WoundCulture1919@gmail.com

КОГДА АБСУРДИЗМ СТАНОВИТСЯ РЕАЛИЗМОМ: ОБ АБСУРДНОМ В ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГАХ Г. С. ГОРА И К. ЯННУЛОПУЛОСА

Рассматривается цикл «блокадных» стихотворений Геннадия Гора и книга Костаса Яннулопулоса «Δεκαδική προσήλωση των μανδαρίνων» («Десятичная приверженность мандаринов»). Целью статьи является сопоставительный анализ двух сборников, являющихся беспрецедентными на фоне остального творчества поэтов и современных литературных процессов. Основой для сопоставления служит присущая им поэтика абсурда, а также контекст, в котором создавались произведения, – в трагических условиях блокадного Ленинграда и греческой диктатуры. Последние десятилетия блокадный цикл Гора привлекает внимание все большего количества исследователей, в то время как поэтическое наследие Яннулопулоса в наши дни остается практически не изученным. Сопоставление этих экспериментальных поэтических сборников является уникальной попыткой анализа творческих стратегий двух авторов в переломные периоды политической и художественной жизни России и Греции. Актуальность исследования обуславливается значением двух книг в контексте национальных литературных авангардов. Блокадные стихи Гора представляют собой важное связующее звено между «историческим» авангардом и советской послевоенной «неподцензурной поэзией», а «Десятичная приверженность мандаринов» является одной из первых опубликованных книг третьей волны греческого авангарда. Автор сравнивает стихи двух книг, выделяя в них общие элементы, а также различия: ощущение времени, смерть как граница реального и сопровождающий ее смех, который символизирует искаженную, «неправильную» реальность, и т. д. Также в статье затрагивается вопрос проявления идеологии в произведениях вышеуказанных авторов. Сопоставления сборников двух так явно непохожих авторов, не знавших друг друга, писавших в разное время, показывает тем не менее, насколько созвучным может быть творческое осмысление тяжелых и жестоких событий.

Ключевые слова: греческая литература, русская литература, авангард, абсурд, смех в литературе, обэриу

Для цитирования: Заруцкий П. С. Когда абсурдизм становится реализмом: об абсурдном в поэтических книгах Г. С. Гора и К. Яннулопулоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 32–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.429

ВВЕДЕНИЕ

Влияние катастроф XX века на искусство невозможно оценить однозначно. Старый, привычный язык оказывается беспомощен и нежизнеспособен в страшнейшие моменты человеческой истории. Об этом свидетельствует даже не цензура, репрессии или физическое уничтожение художников, но поставленный Т. Адорно фундаментальный вопрос о возможности поэтического творчества как такового после Освенцима [10: 30]. Вторая мировая война делит искусство прошлого века на «до» и «после»; падение греческой диктатуры в 1974 году стало одной из главных причин произошедшей в стране двумя годами позднее языковой реформы. Художник, оказавшийся свидетелем травматического опыта своего народа, как правило, вставал перед выбором между политической ангажированностью и молчанием. Однако известны примеры, когда именно данный опыт создавал уникальные творческие эпизоды. К подобным стоит отнести цикл «блокадных» стихотворе-

ний Г. Гора, написанный в период 1942–1944 годов, и изданную в 1972 году книгу К. Яннулопулоса «Δεκαδική προσήλωση των μανδαρίνων» («Десятичная приверженность мандаринов»). Ни в коем случае не претендую на сравнение блокады Ленинграда и греческой диктатуры – двух абсолютно несопоставимых как по масштабу, так и по трагичности явлений, данная статья рассматривает две книги, ставшие уникальными для их авторов в выбранных средствах выражения; две книги, написание которых вряд ли было бы возможным в иное время и в иных обстоятельствах.

Г. Гор (1907–1981) известен в первую очередь как «раз и навсегда запуганный сталинскими репрессиями» [4: 180] писатель-фантаст. В молодые годы писатель живо интересовался «левым» искусством и испытывал влияние формализма, от которого впоследствии решительно отрекся. О том, что в 1926 году будущие обэриузы считали творчество Гора близким по духу,

свидетельствует в своих воспоминаниях И. Бахтерев:

«Тогда Заболоцкий подал правильную мысль: присмотреться к окружавшим нас литераторам и наиболее, говоря современным языком, перспективных включить в особый список кандидатов, не говоря им, упаси бог. А затем следить за их творчеством, стараться направить. Такой список был постепенно создан, в него входили поэты и прозаики. Вот кого я вспомнил: Варшавский, Синельников, Корпачев, Тюлевев, Геннадий Гор, Дой-вбер Левин» [2: 77].

Однако собственное «обэриутское» творчество Гор всю жизнь хранил в строжайшем секрете. Лишь в 1981 году после смерти писателя его родственниками были обнаружены рукописи 95 стихотворений, датируемых 1942–1944 годами. Данные стихотворения являются авторской попыткой фиксации и осмысливания пережитого им в блокадном Ленинграде, который он покинул с эвакуационным эшелоном в апреле 1942 года. В нечеловеческих условиях «полужизни», кровопролития и каннибализма именно обэриутский абсурдизм со свойственным ему гиперболизированным акцентом на глубокую неестественность ужасных событий позволил Гору максимально правдиво запечатлеть увиденное им в осажденном городе.

К. Яннулопулос (1948–1997) представляется полной противоположностью Горы: оставаясь до конца жизни приверженцем авангарда, он так и не посвятил себя литературному творчеству. В Греции он известен как основатель существовавшего с 1977 по 1981 год журнала «Τζάζ» («Джаз»), глава музыкального лейбла, организатор фестивалей и радиоведущий. Знатокам поэзии известны его переводы битников Г. Корсо, Р. Бродигана и Л. Ферлингетти. Однако собственное его поэтическое творчество остается практически неизвестным, даже несмотря на тот факт, что без упоминания Яннулопулоса не обходится ни одно исследование греческого авангарда 1970-х годов. В 1965–1970 годах Яннулопулос активно экспериментировал со звуковой и визуальной составляющими поэзии; написанные им в этот период работы в жанре «конкретной поэзии» (и впоследствии опубликованные в вышедшей под его редакцией всемирной «Антологии конкретной поэзии») являются первыми из известных греческих образчиков данного направления. Единственная книга автора, «Десятичная приверженность мандаринов», была напечатана в 1972 году в маленькой типографии на средства его друга, ускользнув от внимания цензуры увядавшего, но все еще грозного режима. Сборник состоит из 114 небольших произведений, по своей форме представляющих собой некий гибрид верлибра и дневниковых заметок. В отличие от ранних работ автора, в которых угадывалось влияние дада, зауми, звуковой и конкретной поэзии, стихотворения «Десятичной приверженности мандаринов» за-

труднительно определить не только по форме, но и по стилистике. Но абсурдизм и неожиданные сочетания слов и образов, которые не разрушают, но лишь добавляют убедительности конструируемой автором вселенной, позволяют говорить о том, что в 1972 году в Греции времен военной диктатуры молодой Яннулопулос неосознанно позаимствовал ряд методов из творческого арсенала ленинградских обэриутов, подобно тому как за тридцать лет до него это абсолютно осознанно сделал Гор.

В произведениях обоих писателей при одинаково отчетливом присутствии авторских «я» абсолютно по-разному передается ощущение времени. Если у Горы время нелинейно, но движимо (от авторского возвращения в детство до ощущения неминуемой смерти в ближайшем будущем), то поэтическая вселенная Яннулопулоса застягивает в некоем безвременье. Ощущением замкнутости и граничащим с обреченностью страхом перед неизменностью этого состояния переполнена вся книга: «Вдруг мне кажется, что спустя столько тысяч возрастов небеса так и не отверзутся. Мог бы кто предвидеть, что нечто столь завораживающее окажется пустой суетой?»¹. Или:

«Мой маленький мир, на что ты смотришь?
Тебя свела с ума
История? Согнись хорошенько и увидь клетку
своего разума. Не требуй рассудительности.
Хватит
с нас границ, Насилия, отцов
поездов и нас» (Γιαννουλόπουλος: 16).

Герой Яннулопулоса принимает свою реальность как данность и действует согласно ее законам, герой же Горы ощущает себя «выбитым» из его действительности в некое враждебное подпространство: «И небо вдруг окаменело»² или:

«<...>
Вдруг море погасло.
И я
Остался без мира,
Как масло» (Гор: 126).

В противовес обжившемуся в своем мире герою Яннулопулоса герой Горы – невольный гость. Быть может, именно поэтому одним из центральных образов в поэзии последнего является река, в которой тонут деревья, дома, сердце и лирический герой, но которая продолжает свое течение, в то время как у Яннулопулоса это неподвижные деревья и звезды.

Поэтические вселенные обоих авторов пограничны. В мире блокадного Ленинграда Горы смерть является единственной безусловной реальностью, она довлеет и берет свое, а сама жизнь перестает приниматься на веру: «Нас несут в подвал. И я кричу: / – Живой! Живой! / Но мне не верят» (Гор: 49). В мире же Яннулопулоса смерть – это то, что еще можно «заштукатурить», от чего можно отвернуться: «Никто

не хотел услышать усопшего» (Γιαννουλόποιος: 15). В Ленинграде Гора дети обречены еще в материнской утробе: «Еще беременный живот, / Да крик зловещий в животе, / Да сын иль дочь, что не рождаются» (Гор: 48). Но и в подаче греческого автора участь ребенка видится едва ли менее мрачной: «Вот и младенцы рождаются, умирают, не поняв, не почувствовав, слепые, глухие, одинокие, и всегда ничего, всегда боль» (Γιαννουλόποιος: 21).

В контексте обстоятельств маркером смерти, а точнее, не-бытийности у обоих авторов выступает и само авангардистское письмо. К. Ичин считает, что именно трагедия обэриутов 1930-х годах, а не смерть Маяковского, обозначила «конец так называемого русского авангарда, от которого отреклись все его представители...» [6: 103]. В подцензурной Греции начала 1970-х годов диктатура была «единственной существенной и тяжелой данностью» [13: 74], и греческая экспериментальная литература продолжала развиваться преимущественно в иммигрантской среде. Таким образом, «мертвый» язык авангарда был способен не только подчеркнуть «неправильность» описываемой реальности, но и зафиксировать некий «потусторонний» опыт авторов. Смерти и обреченности у обоих поэтов сопутствует не плач, но смех:

«<...>
Но лето в закрытые окна придет
И солнце затеплит в квартире.
И конь улыбнется недужный
И дятел ненужный,
На папе улыбка сгниет.
Мышь убежит под диван
И мама растает, и тётка проснется
В могиле с рукою прощальной
В квартире, в могиле у нас» (Гор: 29).

и

«Морской конек не смог взлететь. Сейчас все так самозабвенно смеются. Смеется и подобострастная рысь. Все скопление треугольников сделалось равнозначным. Некий ослепленный Бог верит, что он не слепой» (Γιαννουλόποιος: 11).

Смех и улыбки в данном случае являются индикаторами некоей искаженной реальности, в которой привычные законы теряют силу. Яннулопулос, как и другие представители послевоенного греческого авангарда, ориентировался на творческие практики своих предшественников – греческих сюрреалистов. Смех и абсурд в его творчестве также уходят корнями в сюрреализм, а точнее, в черный юмор, «нередко имеющий нотки трагедии» и,

«... подобно иронии Сократа, открывающий перед нами безграничность, пустоту, бездну, протяженность ограниченного в нескончаемое и дающий необозримые возможности, выходящие за узкие рамки повседневной жизни» [12: 25].

Стоит также отметить, что соседство «смеховой культуры» и смерти имеет глубокие фольклорные корни, что, в частности, нашло отражение и в творчестве русских авангардистов, в первую очередь – наиболее ценимых обэриутами поэтов А. Крученых и В. Хлебникова [8: 380]. Хлебниковской цитатой воспользовался и А. Александров, когда, подразумевая обэриутов, написал, что «[о] тех, кто пришел после Велимира Хлебникова, тоже можно сказать, что их смех отравлен “смехом смерти”» [1: 15].

В своем поэтическом творчестве Яннулопулос сторонился любой идеологии; в первую очередь его поэзия была реакционна по отношению к климату, царившему в кругах греческой интеллигенции. Однако в Греции времен диктатуры политический подтекст обретала не только форма произведения, но даже само имя автора [5: 200]. И конечно же, молодой приверженец поэтических новшеств и один из первых апологетов «свободного» джаза в Греции не мог в собственном творчестве избежать рефлексии на тему творческой несвободы, в которой оказалась его страна. В этом контексте кажется закономерным, что поэт оказался среди задержанных во время восстания в Афинском политехническом университете в 1973 году. В отличие от других, открыто левых авангардистов, чьи первые публикации пришли на закат греческой хунты (Т. Хитирис, А. Пагулатос, К. Триандафиллу), Яннулопулос ощущает себя скорее потерянным, нежели готовым сражаться. Данное состояние иллюстрирует стихотворение сборника под номером 74, которое вполне можно считать авторским автопортретом:

«Я маленький плывущий котенок. Поначалу я дрожал, но после привык. Часто срезал кору с сердец ангелов и глотал сочащееся масло подобно поездам, глотающим свои пути. В итоге это не пошло мне на пользу. Глаза мои перестали смотреть в мою сторону и стали устрицами, беспрестанно играющими с белками моей политической ипостаси. Поэтому с тех пор я не молюсь вечерами. Боюсь» (Γιαννουλόποιος: 31).

Гор, даже в своих ранних работах не отступивший от просоветского содержания, оказался вне идеологии перед лицом блокадного ужаса. Пограничная ситуация, оспаривающая своим существованием глобальные концепции и упраздняющая привычный язык как средство описания, упразднила также и перепуганного советского писателя, которым Гор был в некоей другой реальности³. «Я выстрел к безумью. Я – шах / И мат себе. Я немой. Я уже / Ничего и бегу к ничему» (Гор: 47), – пишет он. Эта ипостась Геннадия Гора не испытывает никаких иллюзий насчет своей участи:

«Двое меня на поляну к осине попросят,
А третий наденет на шею веревку.

И девушки будут смеяться воровки
Глядя на ноги мои что так странно висят» (Гор: 97).

Пограничность текстов Горя и Яннулопулоса проявляется не только в условиях, в которых они были написаны, но также и в историях двух национальных авангардов. Известный Гору «исторический» русский авангард более не был жизнеспособен, но также не пришло еще время для русского неоавангарда, взявшегося развивать достижения своего предшественника «через дополнение приоритета формы над содержанием стремлением к реконструкции утраченного значения слова и наполнением его новым “сущностным” смыслом» [7: 42]. Поэтический сборник Яннулопулоса также пришелся на переходный период между второй и третьей стадиями формирования греческого авангарда. По словам Э. Арсениу, эта третья стадия, начавшаяся в 1970-х годах, характеризуется смещением акцента с политического потенциала авангарда на формирование новой культурной идентичности [11: 414]. Более того, стихи, написанные «в стол» (в случае Горя) или ориентированные на крайне ограниченный круг читателей (в случае Яннулопулоса), нельзя в полной мере рассматривать с позиции авангардистского проекта снятия «автономного искус-

ства через его растворение в жизненной практике» [3: 83]. Анализируя прецеденты ложной деавтономизации искусства, П. Бюргер ставит вопрос: «Не обеспечивает ли разрыв между искусством и жизненной практикой пространство свободы, внутри которого мыслимы альтернативы существующему положению дел» [3: 84]. Возможно, этому пространству свободы и принадлежат два анализируемых цикла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление «блокадного» цикла Горя и «Десятичной приверженности мандаринов» Яннулопулоса обнаруживает множество параллелей между творчеством двух никогда не знавших друг друга поэтов, писавших в разных странах, в разное время, при разных обстоятельствах. После войны Геннадий Гор вновь стал «благонадежным» советским писателем, Яннулопулос же после падения режима обратился к другим видам деятельности. «Я не пишу / Я живу / Я действую»⁴, заявил он в одном из своих стихотворений. И в некоторой степени оба данных поэтических сборника стоит отнести к категории «действий», нежели к писательским экспериментам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод стихотворений с греческого языка на русский осуществлен автором статьи. Γιαννουλόπουλος Κ. Δεκαδική προσφύλαξη των Μανταρίνων. Αθήνα: Ι. ε., 1972. Σ. 14. Далее в тексте в круглых скобках указывается фамилия и через двоеточие страница.

² Гор Г. Красная капля в снегу: Стихотворения 1942–1944 годов. Real Hylaea / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. А. Муждаба. М.: Гилея, 2012. С. 125. Далее в тексте в круглых скобках указывается фамилия и через двоеточие страница.

³ См. также рецензию Олега Юрьева [19].

⁴ In free fall: tribute to Costas Yiannoulopoulos. Athens: Libra Music, 2000. Σ. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А. Эврика обэриутов // Ванна Архимеда. Л.: Худож. лит., 1991. С. 3–34.
2. Бахтерев И. Когда мы были молодыми (невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком: Сб. / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 57–100.
3. Бюргер П. Теория авангарда. М.: V-A-C press, 2014. 198 с.
4. Довлатов С. Мы начинали эпоху застоя // Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. М.: Азбука «Классика», 2010. С. 179–185.
5. Заруцкий П. С. Безграничное пространство поэтических инноваций // Иностранный литература. 2019. № 4. С. 199–205.
6. Ичин К. Авантгардный взрыв: 22 статьи о русском авангарде. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. 383 с.
7. Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.
8. Харджеев Н. И. Статьи об авангарде. Т. 1. М.: RA, 1997. 392 с.
9. Юрьев О. А. Заполненное зияние-2 (Рец. на кн.: Гор Геннадий. Блокада: Стихи / Пер. с русского с параллельным текстом. Вена, 2007) // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 260–272.
10. Adorno Th. W. Kulturkritik und Gesellschaft // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd. 10/1: Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt, Darmstadt, 1997. S. 11–30.
11. Αρσένιος Ε. Νοσταλγοί και πλαστουργοί: έντυπα, κείμενα και κινήματα στη μεταπολεμική λογοτεχνία. Αθήνα: Τυπωθήτω, 2003. 448 σ.
12. Βαλαφρίτης Ν. Το χιούμορ στον ελληνικό υπερρεαλισμό // Διαβάζω. 1985. № 120. Σ. 23–32.
13. Τριανταφύλλου Κ. Communion ground or under ground // Το Αθηναϊκό Underground 1964–1983. Αθήνα: Athens Voice Books, 2012. Σ. 73–82.

Pavel S. Zarutsky, Postgraduate Student, Saint Petersburg University
 (St. Petersburg, Russian Federation)
 WoundCulture1919@gmail.com

WHEN ABSURDISM BECOMES REALISM: THE ABSURD IN POETRY BOOKS OF GENNADY GOR AND KOSTAS GIANNOULOPOULOS

This article discusses “sieged Leningrad” poems by Gennady Gor and the book of Kostas Giannoulopoulos Δεκαδική προσήλωση των μανδαρίνων (The Decimal Commitment of Tangerines). Its aim is to make a comparative analysis of two collections, which are unprecedented against the background of the rest of the two poets’ works and contemporary literary processes. The basis for the comparison is their inherent poetics of the absurd, as well as the context in which the works were created, the tragic and inhuman atmosphere of besieged Leningrad and Greek military junta of 1967–1974. In recent decades, the Gor’s siege cycle has attracted the attention of an increasing number of researchers, while the poetic legacy of Giannoulopoulos today remains virtually unexplored. The juxtaposition of these experimental poetry collections is a unique attempt to analyze the creative strategies of the two authors during the critical periods of the political and artistic life of Russia and Greece. The relevance of the study is determined by the importance of two books in the context of national literary avant-gardes. Gor’s siege poems are an important link between the “historical” avant-garde and the Soviet post-war “uncensored poetry”, while *The Decimal Commitment of Tangerines* is one of the first published books of the third wave of Greek avant-garde. The author of the article compares the poems of two books and highlights common elements and differences between them: the sense of time, death as the boundary of reality and the laughter accompanying it, which symbolizes a distorted, “wrong” reality, etc. The article also analyzes the way ideology is represented in the works of Gor and Giannoulopoulos. All in all, we can notice that grave and brutal events can be responded to similarly by absolutely different authors, who wrote in different times and circumstances and never new each other.

Keywords: Greek literature, avant-garde, Russian literature, absurd, laughter in literature, OBERIU

Cite this article as: Zarutsky P. S. When absurdism becomes realism: the absurd in poetry books of Gennady Gor and Kostas Giannoulopoulos. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 32–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.429

REFERENCES

1. Aleksandrov A. A. The Eureka of oberiuts. *The Archimedes' bath*. Leningrad, 1991. P. 3–34. (In Russ.)
2. Bakhterev I. When we were young (a nonfiction story). *Recollections about N. Zabolotsky*. (E. V. Zabolotskaya, A. V. Makedonov, N. N. Zabolotskiy, Comp., Eds.). Moscow, 1984. P. 57–100. (In Russ.)
3. Bjurgen P. The theory of the avant-garde. Moscow, 2014. 198 p. (In Russ.)
4. Dovlatov S. We were starting the era of stagnation. *Dovlatov S. Shine and poverty of the Russian literature*. Moscow, 2010. P. 179–185. (In Russ.)
5. Zarutsky P. S. A boundless space for poetic innovations. *Inostrannaya literatura*. 2019. No 4. P. 199–205. (In Russ.)
6. Ichin K. Avant-garde explosion: 22 studies on the Russian avant-garde. St. Petersburg, 2016. 383 p. (In Russ.)
7. Sokolova O. V. From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers. Moscow, 2019. 294 p. (In Russ.)
8. Khardzhiev N. I. Articles on the avant-garde. Vol. 1. Moscow, 1997. 392 p. (In Russ.)
9. Yur'ev O. A. The filled hiatus-2 (Review of the book: Gor Gennady. The siege: Poems / Translation from Russian with parallel texts. Vienna, 2007). *New Literary Observer*. 2008. No 89. P. 260–272. (In Russ.)
10. Adorno Th. W. Kulturkritik und Gesellschaft. *Adorno Th. W. Gesammelte Schriften*. Bd. 10/1: Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt, Darmstadt, 1997. S. 11–30.
11. Aρσενίον Ε. Νοσταλγοί και πλαστούργοι: έντυπα, κείμενα και κινήματα στη μεταπολεμική λογοτεχνία. Αθήνα: Τυπωθήτω, 2003. 448 σ.
12. Βαλαωρίτης Ν. Το χούμορ στον ελληνικό υπερρεαλισμό. *Διαβάζω*. 1985. № 120. Σ. 23–32.
13. Τριανταφύλλου Κ. Commun ground or under ground. *To Αθηναϊκό Underground 1964–1983*. Αθήνα: Athens Voice Books, 2012. Σ. 73–82.

Received: 13 June, 2019

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ШАТОХИНА

аспирант отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

shato3012@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ГОРДЫНЯ» В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

Рассмотрены особенности передачи этноспецифических элементов романа Ф. М. Достоевского «Игрок» в английских переводах. Цель исследования – определить полноту воспроизведения признаков концепта *гордыня* в переводах Ч. Дж. Хогарта (1915), К. К. Гарнетт (1917), Дж. Коулсон (1966), Дж. Кентиш (1991) и Х. Аплина (2006), оценить влияние выявленных трансформаций на сохранность идеи произведения. В основу методики изучения переводов положен концептологический анализ текста. На основании асимметричности семантического наполнения концепта *гордыня* / *pride* в языковом сознании русских и англичан выдвигается гипотеза о том, что воспроизведение ряда признаков концепта в переводе может вызвать затруднения и потребовать многочисленных компенсаций. В качестве материала исследования выбран один из ключевых эпизодов, представляющих концепт *гордыня* в образе генеральши Тарасевичевой, важный для понимания ее характера и характеров других героев произведения, а также репрезентативный для изучения функций изучаемого концепта в романе в целом. В ходе анализа переводов выявляются факты полноценной передачи одних значимых признаков концепта и трансформации других. Делается вывод о том, что редукция ряда признаков концепта *гордыня* в отдельных переводах искажает образ генеральши и смысловое пространство романа. В версии Ч. Дж. Хогарта выявлено наибольшее количество потерь, К. К. Гарнетт и Дж. Коулсон демонстрируют более бережное обращение с подлинником, максимально близкими к оригиналу являются переводы Дж. Кентиш и Х. Аплина.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Игрок», художественный перевод, диалог культур, концепт, идиостиль, этнопоэтика, образ

Для цитирования: Шатохина А. О. Концепт «гордыня» в английских переводах романа Ф. М. Достоевского «Игрок» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 37–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.430

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия интерес к изучению переводов классической литературы (в частности, наследия Достоевского) существенно возрос [1], [2], [4], при этом многие произведения писателя, в том числе роман «Игрок», еще не были исследованы в этом аспекте. К настоящему времени роман переведен английскими специалистами семь раз [6]. Материалом нашего исследования явились пять наиболее издаваемых переводов (не менее четырех переизданий), представленные Ч. Дж. Хогартом (1915), К. К. Гарнетт (1917), Дж. Коулсон (1966), Дж. Кентиш (1991) и Х. Аплином (2006)¹. Каждая версия является показательной для определенного этапа рецепции творчества Достоевского в Англии и развития науки о переводе.

В основе методологии исследования лежит представление о концепте как о сжатом воплощении идеи художественного произведения, которое выражается средствами языка и проявляется на всех уровнях поэтики, организуя смысловое пространство текста [1: 71]. В «Игроке» таким элементом выступает макроконцепт *страсть*², который включает концепты *любовная страсть*³,

страсть к игре, к деньгам и гордыня. В настоящей статье мы остановимся на особенностях воспроизведения концепта *гордыня* в отобранных для изучения английских переводах романа.

ФУНКЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРДЫНЯ» В ОРИГИНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ РОМАНА «ИГРОК»

Семантическая структура концепта *гордыня* в оригинальном тексте включает такие традиционные для русской картины мира признаки, как: *мучительство, мучение, удовольствие, отсутствие объективности, рабство, унижение, болезнь, поучение, высокомерие, соперничество, власть, тщеславие, возвышение, почтение, достоинство, просьба о прощении, раскаяние, грех, наказание* и дополняется авторскими – *фатализм, ложь*. Концепт *гордыня* объективирован в образах всех персонажей романа, а его признаки выступают важными штрихами к их психологическим портретам (характерологическая функция концепта). Сопоставление таких признаков, актуализированных в образах разных героев, показало, что наиболее полный набор, включающий как отрицательные, так и положительные коннотации, представлен

в образе старой московской барыни – «бабуленьки». При этом оценка признаков с отрицательной коннотацией (*грех, осуждение, наказание*) в контексте романа зачастую усложняется: генеральша сама признает греховность собственных поступков, в результате отрицательные признаки выявляют положительные свойства ее характера. В силу специфики романной формы (записки) читатель знакомится с событиями и персонажами через призму их восприятия повествователем. В результате признаки концепта, проявленные в образах других героев, бросают отсвет на образ заглавного героя и автора записок Алексея Ивановича, дополняя его психологический портрет. Это справедливо и в отношении бабуленьки. В результате проработка концепта *гордыня* в образе генеральши формирует *аксиологический фон*, оттеняющий ложность пути учителя и других героев. Московская барыня оказывается единственной, кто способен покаяться в грехах и вернуть истинный смысл в свою жизнь (V: 288)⁴.

В портрете генеральши изначально актуализированы детали, косвенно указывающие на гордыню как значимую характеристику ее образа. Знакомя читателя с новым действующим лицом, рассказчик лаконично и выразительно обрисовывает важнейшие черты «самодовольной, прямо сидящей, громко и повелительно кричащей, всех бранящей» (V: 250) барыни. Обратимся к переводам одного фрагмента, раскрывающего особенности образа бабуленьки: здесь актуализирована значительная часть всех признаков концепта, представленных в романе. Эпизод взят из 13-й главы, завершающей линию генеральши в романе. Он носит «подытоживающий» характер, показывая, какой урок героиня извлекла из произошедшего, и тем самым заостряет контраст между ее ценностными установками и ориентирами молодых героев.

«– Здравствуйте, батюшка Алексей Иванович, – сказала она медленно и важно склоняя голову, – извините, что еще раз побеспокоила, простите старому человеку. Я, отец мой, все там оставила, почти сто тысяч рублей. <...> Не взыщи на мне, старой дуре. Теперь уж не буду молодых обвинять в легкомыслии, да и того несчастного, генерала-то вашего, тоже грешно мне теперь обвинять. Денег я ему все-таки не дам, как он хочет, потому – уж совсем он, на мой взгляд, глупехонек, только и я, старая дура, не умнее его. Подлинно, Бог и на старости взыщет и накажет гордыню» (V: 288).

В силу особого места данного эпизода в композиции (он подготавливает кульминацию) актуализированные в нем признаки (*почтение, достоинство, просьба о прощении, грех, раскаяние, наказание*) воспринимаются в соотношении с представленными ранее – как в образе бабуленьки, так и других персонажей (*мучение, удовольствие, отсутствие объективности*,

рабство, унижение, болезнь, поучение, высокомерие, соперничество, власть, тщеславие) и формируют двойную оппозицию: по отношению к предшествующему поведению бабуленьки и к поведению других героев. Проигрыш запускает механизм переоценки собственных суждений и поступков в сознании героини, что проявляется в ее речи. Обращение властной и бесцеремонной генеральши с героями становится уважительным (признаки *почтение, просьба о прощении*). При этом даже в сложной ситуации она сохраняет присущее ей самоуважение (признак *достоинство*). Единственная из всех, она признает, что согрешила, и считает проигрыш справедливым наказанием (признаки *грех, раскаяние и наказание*). Актуализация указанных признаков в образе бабуленьки позволяет автору противопоставить печальному исходу большинства героев возможный путь к спасению.

ПЕРЕДАЧА КОНЦЕПТА «ГОРДЫНЯ» В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА «ИГРОК»

Трактовка *гордыни* в английской и русской культурах созвучна: и в англиканстве, и в православии она считается источником других грехов⁵. При этом англиканская традиция «более терпима к пониманию греха» вообще⁶ (в том числе и гордыни), чем православная. Этот факт находит отражение в языке: в английском нет отдельных лексем для различия понятий «гордыня» и «гордость», что предполагает иную семантическую структуру концепта *pride* (гордость / гордыня) в английской языковой картине мира. Если в русском «гордыня» – это исключительно именование греха, то в английском значения, связанные с греховностью, сдвинуты на периферию семантического поля. В связи с этим при изучении переводов романа «Игрок» важно обратить внимание на особенности воспроизведения исследуемого концепта⁷.

В рассматриваемом фрагменте переводчики испытывают предсказуемые трудности при передаче формул вежливости (признак *почтение*). В английском языке отсутствует разделение обращений на «ты» и «вы». В результате во всех переводах в глаголах «здравствуйте», «извините» и «простите» утрачено значение аффикса: признак *просьба о прощении* сохранен, признак *почтение* нивелирован. Обращения «батюшка» и «отец мой» в британской культуре не приняты, поэтому переводчики подбирают более привычные варианты: «my good sir» (мой хороший / добрый господин – Гарнетт), «my dear» (мой дорогой – Коулсон), «old chap» (старина / старый друг – Кентиш), «my dear fellow» (мой дорогой друг – Аплин). Обращение «отец мой» передано с помощью таких выражений, как: «my (dear) friend» (мой (дорогой) друг – Гарнетт, Коулсон, Кентиш), «old man» (старина – Аплин).

Редуцируя признак *почтение*, предложенные решения позволяют воспроизвести контраст между отношением бабуленки к Алексею Ивановичу до ее проигрыша и после, а также подчеркнуть отличие поведения героини от поведения «заграничных русских». Полине, игроку и генералу есть за что просить прощения, но они на это не способны (V: 316, 290, 226, 309). В переводе Хогарта обращения генеральши не воспроизведены, вместе с ними затушевано и знаменательное для романной аксиологии противопоставление поведения молодых герояев и генеральши.

Лексемы, актуализирующие признак *достоинство* («медленно и важно склоняя голову»), воспроизведены в переводах по-разному. Наречие «медленно» передано во всех переводах как «*slow / slowly*» (медленный / медленно), при этом в версии Хогарта в связи с нарушением построения фразы оно превращается в характеристику темпа речи бабуленки и указывает на ее плохое самочувствие. В переводах Хогарта и Гарнетт утрачено наречие «важно». У Коулсона и Кентиша оно воспроизведено с помощью прилагательного «*dignified*» (величавый) и однокоренного существительного, что выводит семантику оригинальной лексемы на поверхность. В переводе Аплина использовано наречие «*gravely*» (от прилагательного «*grave*» – важный, степенный и пр.), что позволяет сохранить признак и при этом не выдвигает его на первый план. Деепричастие «склоняя» передано с помощью глаголов «*bend*» (наклонять – Гарнетт) и «*incline*» (наклонять – Коулсон, Кентиш, Аплин). В версии Хогарта употреблена лексема «*droop*» (наклонить / повесить), что искажает смысл подлинника. Попытка приблизиться к синтаксису оригинала наблюдается в версии Коулсона, его полное воспроизведение – у Аплина. Таким образом, в переводе Хогарта признак *достоинство* нивелирован, у Гарнетт – редуцирован, у Коулсона и Кентиша – воспроизведен более явно, чем в оригинале, у Аплина сохранен без искажений.

Повторяющееся сочетание «старая дура» (признак *раскаяние*) передано во всех переводах как «*an old fool*» (старый дурак / дура). Повтор сохранен всеми переводчиками, кроме Хогарта, употребившего во втором случае «*simpleton*» (простак). Кроме того, Хогарт искажает контекст, в результате по его версии бабушка считает себя умнее генерала, что противоречит оригиналу.

Признак *грех*, раскрывающий оценку генеральшей своих поступков в заключительном предложении эпизода, выражен наречием «грешно» и существительным «гордыня». Семантика наречия сохраняется только в переводах Гарнетт и Кентиша, употребивших существительное «*sin*» (грех) и однокоренное прилагательное соответ-

ственno. В других версиях предложены решения с прилагательными «*wrong*» (неправильный) и «*right*» (правильный), которые редуцируют важный для полноценной передачи авторской идеи признак.

Как было указано выше, в английском языке нет отдельных лексем, различающих «гордость» и «гордыню», оба понятия обозначаются словом «*pride*», что уже несколько редуцирует признак *грех*. В связи с этим его полноценное воспроизведение возможно только при сохранении контекста «Бог <...> накажет гордыню», что и было сделано в трех из пяти переводах (Гарнетт, Кентиш, Аплин). В версии Коулсона контекст также сохранен, при этом введено уточнение «*the sin of pride*» (грех гордыни), компенсирующее языковую асимметрию. У Хогарта ключевая лексема заменена словом «*presumption*» (самонадеянность / самоуверенность), нивелирующим православный аспект аксиологии фрагмента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом в английских переводах романа Достоевского «Игрок» достаточно полно воспроизведены такие признаки концепта *гордыня*, как *просьба о прощении* и *раскаяние*. По причине языковой асимметрии признак *почтение* трансформирован; при этом решения, продемонстрированные в четырех из пяти переводах, позволяют сохранить контраст между поведением генеральши до проигрыша и после, а также отличие ее поведения от линии молодых герояев. Признак *грех* в первом случае употребления вызвал существенные трудности, которые объясняются более мягким отношением к гордыне как греху в англиканстве по сравнению с православием. Это связано с тем, что в английской системе ценностей особое место занимает «само-сделанный» (*self-made*) человек [3: 151], то есть человек целеустремленный, уверенный в себе и своих силах. При этом во втором случае признак *грех* был компенсирован в четырех переводах из пяти за счет внимательной работы с контекстом.

Предложенные переводчиками решения не позволяют полностью воссоздать особенности поведения генеральши в проанализированной сцене. В результате конфликт, заложенный в партиях Алексея Ивановича, Полины и других герояев, с одной стороны, и генеральши – с другой, не в полной мере доступен английскому читателю. Наиболее многочисленные и существенные искажения, нивелирующие характеристическую и аксиологическую функции концепта, допущены в версии Хогарта. Близкими к подлиннику представляются переводы Кентиша и Аплина, при этом отдельные решения Гарнетт и Коулсон более адекватны оригиналу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Художественное произведение рассматривается в настоящей статье как воплощение ценностей национальной культуры, к которой принадлежит его автор, а перевод – как факт взаимодействия разных ценностных систем. Переводы романа «Игрок» изучаются в контексте взаимодействия русской и английской ментальности, поэтому версии, предложенные американскими специалистами, остались за пределами настоящего исследования.

² Организующая роль комплекса страстей в романе была отмечена исследователями [5: 47, 49], [7: 466, 469], [9: XVIII].

³ Об особенностях воспроизведения концепта *любовная страсть* в английских переводах романа «Игрока» см. [8].

⁴ Здесь и далее оригиналный текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Hayka, 1972–1990. В круглых скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – номер страницы.

⁵ См. [Пр. 8:13], [Мф. 5:3], [Ис. 14:12–15], а также: The Shorter Oxford English Dictionary (on historical principles): in 2 vol. / Ed. by C.T. Onions. Oxford at the Clarendon Press, 1936. Vol. 2. P. 1581.

⁶ Кудряшова О. М. Художественное воплощение концепта «гордость» в романах Джейн Остен. Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. С. 58–78.

⁷ Переводы изучались по следующим изданиям: Dostoevsky F. Notes from the Underground and The Gambler / Translated by J. Kentish. Oxford University Press, 1991. P. 235; Dostoevsky F. The Gambler / Translated with an introduction by H. Aplin, extra materials by I. Avsey. London: Alma Classics. 2014. P. 123–124; Dostoevsky F. The House of the Dead [Notes from a Dead House], The Gambler / Translated by C. Garnett, introduction by A. Briggs. London: Wordsworth Editions Limited. 2010. P. 415–416; Dostoyevsky F. The Gambler. Bobok. A Nasty Story / Translated with an introduction by J. Coulson. Penguin Books, 1969. P. 123–124; Dostoyevsky F. M. Poor Folk. The Gambler / Translated by C. J. Hogarth, introduction by N. Andreyev. London; New York: Everyman's Library, 1969. P. 263–264. Для анализа использовались словари: АВВЫY Lingvo Live [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/precious> (дата обращения 25.08.2019); The Shorter Oxford English Dictionary (on historical principles): In 2 vol. / Ed. by C. T. Onions. Oxford: Oxford at the Clarendon Press, 1936.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгакова Н. О. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» во французских переводах: к вопросу о полноте передачи концепта «бесовство» // Культура и текст. 2018. № 2 (33) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35564959> (дата обращения 11.09.2019).
- Васильченко Т. В. Современные англоязычные переводы романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к вопросу о переводческих стратегиях в англоязычной культуре конца XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225160> (дата обращения 11.09.2019).
- Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо: Алгоритм, 2008. 544 с.
- Кореневская О. В. Стихия православной веры в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Векторы благополучия: экономика и социум. 2011. № 1 (1) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jwtsu/journal/article/view/64/64> (дата обращения 11.09.2019).
- Назиров Р. Г. К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-avtobiografichnosti-romana-f-m-dostoevskogo-igrok-1> (дата обращения 11.09.2019).
- Седельникова О. В., Шатохина А. О. Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» в англоязычных переводах: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 154–165 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23368958> (дата обращения 25.12.2019).
- Тихомиров Б. Н. Герои Достоевского в подполье и за рулеткой // Достоевский Ф. М. Записки из подполья. Игрок / Статьи Б. Н. Тихомирова, А. Л. Дмитренко, К. Паркер, Примеч. Б. Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011. С. 456–477.
- Шатохина А. О. Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» в британских переводах: к вопросу об особенностях воспроизведения микроконцепта «любовная страсть» // Культура и текст. Барнаул, 2019. № 3 (38). С. 144–160 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41132150> (дата обращения 22.12.2019).
- Jones M. V. Introduction // Dostoevsky F. Notes from the Underground and The Gambler / Translated by J. Kentish. Oxford, 1991. P. VII–XXIII.

Поступила в редакцию 26.12.2019

Anastasia O. Shatokhina, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
shato3012@yandex.ru

CONCEPT OF “PRIDE” IN ENGLISH TRANSLATIONS OF F. M. DOSTOEVSKY’S NOVEL THE GAMBLER

The article focuses on the peculiarities of specific cultural elements transfer in the English translations of F.M. Dostoevsky’s novel *The Gambler*. The aim of the research is to define the completeness of the concept of *pride* transfer in the translations by C. J. Hogarth (1915), C. C. Garnett (1917), J. Coulson (1966), J. Kentish (1991) and H. Aplin (2006), and to estimate the effect of the elicited transformations on the idea of the novel. The method of studying the translations is based on the concept analysis of the text. On the ground of the semantic asymmetry of the studied concept in the national worldviews of the Russians and the Englishmen, it is hypothesized that the transfer of many features of the concept in translation may cause difficulties and require numerous compensations. One of the key episodes, representing the concept of *pride* in the character of Madame Tarasevitcheva (the Grandmother) and

being important for understanding both her personality and personalities of the other characters, as well as for studying the concept functions in the novel, was chosen as the material for the study. Translation analysis elicits the facts of full reproduction of some significant features of the concept and transformations of the others. It is concluded that reduction of some concept features distorts the character of the Grandmother and the sense of the novel. The largest number of translation losses was identified in C. J. Hogarth's version, while C. C. Garnett and J. Coulson handled the original text more delicately, and J. Kentish and H. Aplin reached the maximum level of equivalence in their translations.

Keywords: F. M. Dostoevsky, The Gambler, literary translation, dialogue of cultures, concept, idiom, ethnopoetics, character
Cite this article as: Shatokhina A. O. Concept of “pride” in English translations of F. M. Dostoevsky’s novel *The Gambler*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 37–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.430

REFERENCES

1. Bulgakova N. O. Dostoevsky's novel *Demons* in the French translations: on completeness of the concept “devildom” transfer. *Culture and Text*. 2018. No 2 (33). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35564959> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
2. Vasilchenko T. V. Contemporary English translations of F.M. Dostoevsky's *The Karamazov Brothers*: concerning English cultural translation strategies at the end of the XX century. *Tomsk State University Journal*. 2007. No 305. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225160> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
3. Gachev G. D. Mentalities of the people of the world. Moscow, 2008. 544 p. (In Russ.)
4. Korenevskaia O. V. Element of the Orthodox belief in German translations of F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov. Vectors of Wellbeing: Economy and Society*. 2011. No 1 (1). Available at: <http://jwt.su/journal/article/view/64/64> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
5. Nazirov R. G. The autobiographical nature of *The Gambler* by F. M. Dostoevsky. *Nazirov Archive*. 2013. No 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-avtobiografichnosti-romana-f-m-dostoevskogo-igrok-1> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
6. Sедельникова О. В., Шатокхина А. О. *The Gambler* by F. M. Dostoevsky in the English translations: problem statement. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015. No 2 (34). P. 154–165. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23368958> (accessed 25.12.2019) (In Russ.)
7. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's heroes in the underground and at the roulette table. *Dostoevsky F. M. Notes from the Underground. The Gambler*. St. Petersburg, 2011. P. 456–477. (In Russ.)
8. Shatokhina A. O. *The Gambler* by F. M. Dostoevsky in the British translations: on the peculiarities of the “passion of love” mycroconcept transfer. *Culture and Text*. Barnaul, 2019. No 3 (38). P. 144–160. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41132150> (accessed 22.12.2019). (In Russ.)
9. Jones M. V. Introduction. *Dostoevsky F. Notes from the Underground and The Gambler* (J. Kentish, Trans.). Oxford, 1991. P. VII–XXIII.

Received: 26 December, 2019

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

tvpashkova05@mail.ru

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник секции языкоznания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

santrar@krc.karelia.ru

О ВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ КОНДИЦИОНАЛА В ЛИВВИКОВСКОМ И ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА*

Целью статьи является сравнительный анализ образования и употребления временных форм условного наклонения (кондиционала) в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка. В качестве методов исследования использовались сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический. Теоретической и методологической основой послужили труды отечественных и зарубежных языковедов, посвященные вопросам грамматики прибалтийско-финских и финно-угорских языков: А. Генетца, П. М. Зайкова, А. П. Баранцева, В. Д. Рягоева, Л. Ф. Маркиановой, Я. Йыспуу и др. В научных трудах исследователи обращались к вопросам образования показателей кондиционала, его временным формам, особенностям использования, однако сравнительный анализ временной парадигмы оставался вне поля зрения языковедов. В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка вычленяется четыре временные формы кондиционала: настоящее (презенс), прошедшее (имперфект), ретроспективное (перфект), давнопрошедшее (плюсквамперфект). В собственно карельском наречии карельского языка выделяются две временные формы: прошедшее (имперфект) и давнопрошедшее (плюсквамперфект). Ливвиковское и людиковское наречия находились в наиболее тесном родстве с вепсским языком и подвергались более сильному воздействию с его стороны, что повлияло на возникновение и употребление в вышеназванных наречиях более полной временной парадигмы кондиционала. Однако с точки зрения семантики и употребления аналитических форм конструкции плюсквамперфекта и перфекта в речи информантов практически не употребляются и являются крайне нерегулярными, малочастотными, обозначая давнопрошедшее время и обычно в предложении противопоставляясь прошедшему (имперфект-плюсквамперфект) и настоящему (презенс-перфект).

Ключевые слова: глагол, наречия карельского языка, кондиционал, условное наклонение, временная парадигма, прибалтийско-финские языки

Для цитирования: Пашкова Т. В., Родионова А. П. О временной парадигме кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431

ВВЕДЕНИЕ

Кондиционал (лат. *modus conditionalis*), или условное наклонение, выражает осуществление действия при определенном условии. При этом кондиционал не только определяет условие, но и передает пожелание с некоторым оттенком неуверенности, стеснительности. Он может также выражать потенциальность, сомнение, предположение, видимость. Наряду с изъявительным наклонением кондиционал обладает весьма полной парадигмой спряжения, хотя в разных наречиях карельского языка имеет свои особенности.

Первые сведения о формах условного наклонения в ливвиковском и людиковском наречиях

карельского языка встречаются в исследованиях А. Генетца, когда при описании ливвиковских диалектов он говорит о наклонении «конъюнктива», включающего в себя как сослагательное, так и возможностное наклонение [13: 165]. В описании людиковских говоров А. Генетцом отмечается наличие форм кондиционала, образуемых как от лексической основы глагола, так и от форм II причастия актива (претерит кондиционала) [11: 23]. Среди исследователей, занимавшихся изучением людиковского глагола, назовем П. Виртаранта (работы по галлезерскому говору людиковского наречия) [23: 105], А. П. Баранцева (по южнолюдиковскому (святозерскому) диалекту))

[1: 153–158]. Условное наклонение ливвиковского наречия описано в грамматике Л. Ф. Маркиановой [17]. Из новейших исследований по глаголу следует выделить работы П. М. Зайкова [4] и И. П. Новак с соавторами [7].

В отличие от ливвиковского наречия, которое планомерно преподают как в школах и высших учебных заведениях, так и на языковых курсах, язык людиков оказался на периферии ревитализационных процессов и на сегодняшний день слабо представлен в образовательном пространстве: на нем не ведется планомерное и систематическое преподавание, и тому есть объективные и субъективные причины. Серьезными препятствиями является географическая дисперсность людиков, языковая неоднородность. Для создания учебной литературы необходим унифицированный вариант, приемлемый для носителей разных говоров: письменная норма людиковского наречия до сих пор не сформирована, в отличие от ливвиковского наречия. Ливвиковское и людиковское наречия находятся в наиболее тесном родстве другом с другом, и в дальнейшем материал, который будет проанализирован в статье, может быть использован при подготовке учебных пособий, в которых остро нуждаются представители людиковского наречия. В связи с этим в статье людиковская часть будет базироваться на диалектном материале (главным образом на святозерском диалекте), а ливвовская – на литературной норме. При этом в контекстных примерах для демонстрации употребления форм наклонения в ливвиковском наречии нами будут использоваться также диалектные примеры.

В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка простые формы кондиционала 1 и 2 л. ед. и мн. ч. образуются при помощи показателей *-iži-* (ливвиковское наречие), *-iži-* (людиковское наречие), которые присоединяются к сильной гласной основе глагола и за которыми следует лично-числовое окончание: люд. *aja-iži-n* / ливв. *ajazin*; люд. *anda-iži-d* / ливв. *andazit*; люд. *vedä-iži-mm(e)* / ливв. *vedäzimmö* и т. д. В форме 3 л. ед. ч. показателем кондиционала является *-is* (ливв.) и *-iš* (люд.): люд. *aja-iš* / ливв. *aja-is*; люд. *anda-iš* / ливв. *anda-is*; люд. *vedä-iš* / ливв. *vedä-is* и т. д.

Показатель *-zi-*, *-iži-* < *-isi-* состоит из двух элементов *-si-* и *-i-*, второй из которых является показателем имперфекта [14: 246], [21: 150]. По поводу другого элемента *-is-* у исследователей имеются разные точки зрения на его происхождение. Так, Э. Сетяля считает, что показатель *-isi-* восходит к суффиксу фреквентативных глаголов *-ksi* [21: 147–150]. П. Равила возводил показатель *-is-* к именному деминутивному суффиксу *-ise-* [20]. А. Хакулинен полагал, что показатель мог развиться из какого-то похожего словообразовательного суффикса [14: 246]. Следует

подчеркнуть, что показатель *(-i)ži-* (*-isi-*, *-izi*, *-zi*) является общим для северно-восточной группы прибалтийско-финских языков (финского, карельского, ижорского, водского и вепсского), в то время как юго-восточной группе (эстонскому и ливскому) свойственен суффикс *-ksi*, *-ks* [9: 80].

К показателю кондиционала присоединяются те же показатели грамматического лица-числа, что и в имперфекте индикатива [9: 80], [16: 154]. По мнению Я. Йыспуу, рассматриваемое наклонение не имеет прямых соответствий в более дальних языках, за исключением саамского, в котором кондиционал связывается с потенциалом, поскольку эти наклонения близки друг другу семантически [9: 81].

В младописьменном ливвиковском наречии показатель кондиционала утратил свой первый компонент *i*: ср. люд. *andaižin*, ливв. *andazin*. Впрочем, в некоторых говорах людиковского наречия *-iži-* и *-ži-* могут употребляться параллельно [9: 82].

Кондиционал имеет четыре формы времени: *презенс*, *имперфект*, *перфект* и крайне малоупотребительный *плюсквамперфект* [4: 220]. Однако не все исследователи согласны с этой точкой зрения. А. Генетц выделял так называемую простую форму кондиционала и составную форму прошедшего времени [12: 221]. Его точку зрения поддерживал и Э. В. Ахтиа, когда писал о двух временных формах: презенсе с показателями *-(i)ži-*, *-is* и перфекте с показателями *-(n)nuži-*, *-(n)nyži* [10: 76–77]. В. Д. Рягоев в тихвинском говоре также выделял две формы: презенс и образованный аналитический перфект [8: 141–143]. О двух формах в толмачовском говоре упоминал и Г. Н. Макаров [6: 71], и в более ранних работах П. М. Зайков, исследуя собственно карельские говоры [3: 30–33]. А. П. Баранцев выделял уже три временные формы: презенс, перфект (прошедшее время) и плюсквамперфект [1: 155–157]. В близкородственном вепсском языке у кондиционала есть четыре времени: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект [5: 138–158]. Не исключено, что именно вепсский язык повлиял на ливвиковское и людиковское наречия настолько сильно, что в них стали появляться новые временные формы кондиционала. Также можно предположить, что в вышеназванных наречиях существовало стремление выстроить в кондиционале полную парадигму сослагательного наклонения [4: 234].

Рассмотрим показатели всех возможных временных форм кондиционала.

В образовании *презенса кондиционала* показатель *-iži-* (люд.), *-zi-*, *-iži-* (ливв.) присоединяется к гласной основе глаголов (сильной при наличии количественного чередования ступеней согласных) и основе пассива. В формах 3 л. показатель *-iži-* модифицируется в *-iš-* (люд.), *-is-* (ливв.). В людиковском наречии при присоединении показателя кондиционала *-i* к основе глагола на *-a*, *-ä*, *-o*, *-ö*, *-u*, *-y* оба образовывают дифтонг *ai*,

äi, oi, öi, ui, yi. При присоединении показателя кондиционала к основе на -e конечная гласная основы утрачивается, а при присоединении к дифтонгу или долгой гласной в односложных основах также образуется дифтонг на -i с конечной гласной дифтонга: d'uo > d'oi, syö > sōi, sua > sai. В ливвиковском наречии показатель -zi- присоединяется к глаголам с основой на -a, -ä, -o, -ö, -u и с основой на дифтонг. При присоединении показателя -izi- к глаголам с основой на -e, -i упомянутые гласные утрачиваются. В 3 л. мн. ч. показатель кондиционала -s присоединяется к пассивной основе:

люд. **ajada** ‘ехать’: aja + -iži-(-iš) = ajaži-n, ajaš; ajatettaiš ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mändä** ‘идти’: mäne + -iži-(-iš) = mäniži-n, mäniš; mändäiš ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: syö + -iži-(-iš) = sōi-žin/syöi-žin, sōiš/syöiš, syötäiš ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: aja + -zi-(-s) = aja-zi-n, aja-s, ajetta-s ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mennä** ‘идти’: mene + -izi-(-is) = men-izi-n, men-is, **mendä-s** ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: syö + -zi-(-s) = syö-zi-n, syö-s, syödä-s ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [17: 27].

люд. Ka tuultaa štobi tuul’ **kävüiš** da štobi puhtas puhtaz oliiž ni mid ei dieiš ‘Да пропустить нужно, чтобы ветер (воздух) продул и чтобы чисто стало, ничего не осталось бы’ [18: 356]; Kui tämä lumi on vilu muga minä yilustuižin ‘Как этот снег холоден, так и я замерзла бы’ [1: 155]; ливв. enne muidu men’izit ruadoh aijoimbah huondeksel ‘пошел бы ты раньше других на работу утром’; ottazimmo hänen käes ‘мы взяли бы ее за руку’ [4: 226].

Отрицательная форма презенса кондиционала 1 л. ед. и мн. ч., 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. ед. ч. образуется при помощи отрицательного глагола ei в форме 1 л. ед. и мн. ч., 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. ед. ч. и смыслового глагола в форме 3 л. ед. ч. (в ливвиковском наречии – в 3 л. мн. ч. сохраняется пассивная основа) презенса кондиционала:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei, ajoiš; ei ajetaiš ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mändä** ‘идти’: en, ei, mäniš; ei mändäiš ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei sōiš/syöiš, ei syötäiš ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei aja-s, ei ajetta-s ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mennä** ‘идти’: en, ei men-is, ei mendä-s ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: en, ei syö-s, ei syödä-s ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 28];

люд. Minä mud en tiedäiš ka peränikät sanottih Lohmuoin oli ‘Я не знала бы [этих деревни], да сплавщики говорили, что Логозеро было’ [2: 55]; Štobi maid ei happeniš midä pidi emändäle ruata ‘Что нужно было хозяйке сделать, чтобы молоко не скинуло?’ [18: 351];

ливв. tuö emmo ottas händy meččäh ‘мы не взяли бы его в лес’; hyö ei pajatettas nämii

pajoloi, gu ei tiettäas ‘они не пели бы этих песен, если бы не знали их’ [4: 227].

Показателями имперфекта кондиционала в людиковском наречии карельского языка являются -nuiži-/nyiži-, -nuiš-/nyiš-, ливвиковском наречии – -nuži-/nyži-, -nnuži-/nnnyži-, -nus-/nys-, -nnus-/nnnyš-, где показатель имперфекта кондиционала распадается на два компонента: первый из которых -nu-/ny- относится к показателю 2. причастия актива, второй является непосредственно показателем кондиционала. Показатель присоединяется к гласной или согласной основе глагола и к основе пассива (в 3 л. мн. ч.):

люд. **ajada** ‘ехать’: aja + nu + -iži-(-iš) = mina ajanuiži-n, häin ajanuiš, hyö ajetanuiš ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mändä** ‘идти’: män + ny + -iži-(-iš) = mina männnyiži-n, häin männnyiš, hyö mändänyiš ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: syö + -ny- + iži-(-iš) = minä syönyiži-n, häin syönyiš, hyö syötänyiš ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: aja-nuži-n, aja-nu-s, ajetannus ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mennä** ‘идти’: men-nyži-n, men-ny-s mendänys ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: syö-nyži-n, syö-ny-s, syödä-ny-s ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [14: 28];

люд. Egläi minä ruadanuižin äijän, ku olnuiž aigad ‘Вчера бы много сделал, если бы время было’ [15: 281]; Ka tiedänuižin sen kai sanoinuižin ‘Если бы я знал об этом, то рассказал бы тебе’ [1: 156]; ливв. minä tiedänyzin kuz on häi, sanonuzin muamale ‘если бы знал, где он, сказал бы маме’; hyö minuu tijustettanus ‘они узнали бы меня’ [4: 237].

Отрицательные формы структурно обра- зуются так же, как и в презенсе: к отрицательному глаголу в соответствующем лице-числе присоединяется смысловой глагол в 3 л. ед. ч. в форме кондиционала. В 3 л. мн. ч. за отрица- нием ei следует смысловой глагол в форме 3 л. мн. ч. имперфекта кондиционала:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei ajanuiš, ei ajetanuiš ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mändä** ‘идти’: en, ei männnyiš, ei mändänyiš ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei sōiš/syöiš, ei syötäiš ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei ajanus-nus, ei ajeta-nnus ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mennä** ‘идти’: en, ei men-ny-s, ei mendä-nnys ‘Я, он пошел бы; они не пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: en, ei syö-nnys, ei syödä-nys ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 9];

люд. Akad siid nostettih häntte, eika sinnäi kuolnuiš ‘Женщины вытащили его, иначе там и умер бы’ [2: 123]; Ei tirpanuiš mattit panda ka lapset oldih rindal ‘Он не вытерпел бы выругаться, да дети были рядом’ [1: 156]; ливв. en tullus gu ei kicuttu ‘я не пришел бы, поскольку меня не звали’; ei käynys häin nikun ‘не ходил бы он никуда’ [4: 236].

Перфект кондиционала образовывается при помощи глагола *olla* и 2. причастия актива смыслового глагола. В 3 л. мн. ч. смысловой глагол выступает в форме 2. причастия пассива. Названная форма свойственна только ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка. В собственно карельском наречии функционирует одна составная форма, относительно которой в различных исследованиях используются наименования перфект или плюсквамперфект (*olizin / olisin / oliziin tullun / tullut* ‘я пришел бы’). В южнокарельских диалектах собственно карельского наречия отмечается возможность употребления сокращенных по звучанию вариантов лично-числовых форм вспомогательного глагола: *oiziin / oizin, oiziit / oizit, ois, oizima / oizimma, oizija / oizitta* [7: 320]:

люд. **ajada** ‘ехать’: *oližin, oliš ajanu, oldaiš ajattu* ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mändä** ‘идти’: *oližin, oliš, männny, oldaiš mänty* ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: *oližin, oliš, syöny, oldaiš syöttty* ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: *olizin, olis ajanuh, oldas ajettu* ‘Я, он поехал бы, они поехали бы’, **mennä** ‘идти’: *olizin, olis mennyh, oldas mendy* ‘Я, он пошел бы, они пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: *olizin, olis syönnhyh, oldas syödy* ‘Я, он поел бы, они поели бы’ [17: 10];

люд. *Egläi d'o oližit azunu* ‘Еще вчера ты мог бы сделать’; *Lapset oldaiš kävüttü školah da pidi ruata* ‘Дети ходили бы в школу, да надо было работать’ [1: 157]; ливв. **olizimmo tulluh** *gostih ga autobussi ei kävèle* ‘мы приехали бы в гости, да автобус не ходит’; **olizit pannuh** *peen pehkoh* ‘спрятался бы ты’ [4: 239].

Отрицательная форма перфекта условного наклонения строится из отрицательных форм презенса кондиционала глагола *olla* в соответствующем лице-числе и 2. причастия актива смыслового глагола, в 3 л. мн. ч. смысловой глагол выступает в форме 2. причастия пассива:

люд. **ajada** ‘ехать’: *en, ei oliš ajanu, ei oldaiš ajattu* ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mändä** ‘идти’: *en, ei oliš männny, ei oldaiš mänty* ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: *en, ei oliš syöny, ei oldaiš syöttty* ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: *en, ei olis ajanuh, ei oldas ajattu* ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mennä** ‘идти’: *en, ei olis mennyh, en oldas mendy* ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: *en, ei olis syönnhyh, ei oldas syödy* ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 10];

люд. **En olis nähnū,** *ka en uskonuiš* ‘Если бы я не увидел, то и не поверил бы’; *Paimoi palkattih štobi lehmät ei oldaiš hävittü* *mečäs* ‘Нанимали пастуха, чтобы коровы не пропали бы в лесу’ [1: 157]; ливв. **en olis tulluh,** *ga kučuttih* ‘я не пришел бы, да позвали’; *hyö ei oldas tuldū* *gostih gu*

ei piästänys ruadolois ‘они не пришли бы в гости, если бы не освободились от работы’ [4: 239].

Плюсквамперфект кондиционала образуется из личных форм глагола *olla* в форме имперфекта кондиционала (ливв. *olluzi-, olluh, oldanus, люд. olnuizi-, olnuiš, oldanu*) и 2. причастия актива смыслового глагола. В 3 л. мн. ч. смысловой глагол употребляется в форме 2. причастия пассива. Следует подчеркнуть, что, по мнению П. М. Зайкова, данная временная форма присуща всем наречиям карельского языка, за исключением подужемского, тихвинского и весьегонского диалектов собственно карельского наречия, в которых функции прошедшего времени обслуживаются формами перфекта [4: 240]:

люд. **ajada** ‘ехать’: *olnuižin, olnuiš, ajanu, oldanuiš ajattu* ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mändä** ‘идти’: *oližin, oliš, männny, oldaiš mänty* ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’, **syödä** ‘есть’: *olnuižin, olnuiš syöny, oldaiš syöttty* ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: *olluzin, ollus ajanuh, oldanus ajettu* ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mennä** ‘идти’: *olluzin, ollus mennyh, oldanus mendy* ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: *olluzin, ollus syönnhyh, oldanus syödy* ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [17: 33];

люд. **Minä olnuižin d'o pakutannu** *ka en tiennü nälüöt puhegit* ‘Я вылечила бы боль, да не знала тех заговоров’ [1: 158]; *Sille pid'i endepiäi mille sanuda, minä olnuižin vähäižen duumainu* ‘Надо было мне заранее сказать, я бы немногого подумал’ [22: 87]; ливв. **olluzimmo syönnhyh** *kaiken go andettas* ‘мы все бы съели, если бы нам дали’; *olluzin tulluh, ga aigu ei andan* ‘я бы пришел, да время не позволило’ [4: 244].

Отрицательные формы плюсквамперфекта кондиционала строятся при помощи отрицательных лично-числовых форм глагола *ei* (en, et, ei, emme, ette) в имперфекте кондиционала и смыслового глагола в форме 2. активного причастия, в 3 л. мн. ч. – в форме 2. пассивного причастия:

люд. **ajada** ‘ехать’: *en, ei olnuiš ajanu, ei oldanuiš ajattu* ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mändä** ‘идти’: *en, ei olnuiš männny, ei olnuiš mänty* ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: *en, ei olnuiš syöny, ei oldanuiš syöttty* ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: *en, ei ollus ajanuh, ei oldanus ajattu* ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mennä** ‘идти’: *en, ei ollus mennyh, ei oldanus mendy* ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: *en, ei ollus syönnhyh, ei oldanus syödy* ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

люд. **Ku hüö ei oldanuiš otettu** *verkkot, olnuižimme kalata* ‘Если они не взяли бы сетей, то мы были бы без рыбы’ [1: 158]; ливв. **en ollus olluh nuori** *to en luadis tädä* ‘если бы я не была молодой, то не сделала бы это’ [4: 244].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели всю возможную парадигму условного наклонения ливвиковского и людиковского наречия, которые находятся в наиболее тесном родстве с вепсским языком и подверглись более сильному воздействию с его стороны, что повлияло на возникновение и употребление в вышеназванных наречиях более полной временной парадигмы кондиционала. Однако при более внимательном рассмотрении, прежде всего с точки зрения семантики и употребления аналитических форм в речи информантов, задумываемся

об уместности выделения всех четырех форм, или же стоит пойти по пути собственно карельского наречия и выделять две временные формы (в нашем случае – презенс и перфект, как в потенциале), учитывая тот факт, что формы плюсквамперфекта и перфекта в речи информантов практически не употребляются и являются крайне нерегулярными, малочастотными, обозначая давнепрошедшее время и обычно в предложении противопоставляясь прошедшему (имперфект-плюсквамперфект) и настоящему (презенс-перфект).

* Статья подготовлена в рамках госзадания (бюджетная тема «Прибалтийско-финские языки Карелии и сопредельных областей в синхронном и диахронном аспектах»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранцев А. П. Людиковский диалект карельского языка. Фонетика и морфология Святозерского ареала (рукопись). Петрозаводск, 1985. 207 с.
- Баранцев А. П. Образцы людиковской речи (образцы корпуса людиковского идиолекта). Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
- Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 119 с.
- Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.
- Зайцева Н. Г. Вепсский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 288 с.
- Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. III. С. 61–80.
- Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
- Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
- Бысупу Я. Система глагольного словоизменения в южно-карельских перифирийных говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985. 230 с.
- Ahti E. V. *Karjalan kielioppi*. Suojärvi, 1936. 144 s.
- Genets A. *Wepsän pohjoiset etujoukot* // *Kieletär* 1: 4. Helsinki, 1872. S. 3–32.
- Genets A. *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä* // *Suomi* II: 14. Helsinki, 1880. S. 3–247.
- Genets A. *Tutkimus Aunuksen kielestä* // *Suomi* II: 17. Helsinki, 1885. S. 3–194.
- Hakulinen A., Karlsson F. *Nykysuomen lauseoppia*. Helsinki, 1979. 633 s.
- Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
- Laanest A. *Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse*. Tallinn, 1975. 240 s.
- Markianova L. *Livvin murdehen morfoloogii*. Verbit. Adverb. Petroskoi, 1995. 94 s.
- Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Петрозаводск, 1994. 455 s.
- Pashkova T. V. *Luvendo-da harjoituskogomus*. Verbit. Konditsionalu. Potensiualu. Imperatiivu (karjalan kielen livvin murdehel). Petroskoi, 2018. 41 s.
- Ravila P. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // Finnesch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1935. № 23. S. 20–65.
- Setälä E. N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in der finnisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1886. 198 s.
- Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä*, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.
- Virtaranta P. *Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia*. Helsinki: SUS, 1986. 179 s.

Поступила в редакцию 03.07.2019

Tatiana V. Pashkova, Doctor of History, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
tvpashkova05@mail.ru

Aleksandra P. Rodionova, PhD in Philology, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
santrar@krc.karelia.ru

TEMPORAL CONDITIONAL PARADIGM IN THE LIVVIAN AND LUDIAN DIALECTS OF THE KARELIAN LANGUAGE*

The purpose of this research article is a comparative analysis of the formation and use of conditional temporal forms in the Livvian and Ludian dialects of the Karelian language. The authors used comparative and historical methods for their research. Theoretical and methodological basis was formed by the works of Russian and foreign linguists studying the issues of grammar of the Finnic and Finno-Ugric languages: A. Genets, P. M. Zaikov, A. P. Barantsev, V. D. Ryagoev, L. F. Markianova, J. Oispuu, etc. In their works, the researchers addressed the issues of the formation of conditional indicators, conditional temporal forms, and the specifics of their use, however, the comparative analysis of the time paradigm has remained out of the linguists' scope of attention. In the Livvian

and Ludian dialects, there are four temporal conditional forms: present, imperfect, perfect, and pluperfect. There are also two tense forms: imperfect and pluperfect in the Karelian dialect. The Livvian and Ludian dialects were related most closely to the Vepsian language and were exposed to a stronger influence from it, which contributed to the occurrence and use of a more comprehensive time paradigm of conditionals in the above-mentioned dialects. However, from the point of view of semantics and the use of analytical forms, pluperfect and perfect constructions in the speech of the informants are practically not used and are extremely irregular, low-frequency, denoting a long-gone time, and in a sentence they are usually being opposed to the past (imperfect-pluperfect) and the present (present-perfect).

Keywords: verb, dialects of the Karelian language, conditional, the temporal paradigm, the Finnic languages

* The article was written as part of the state project “Baltic-Finnic languages of Karelia and adjacent areas in synchronous and diachronous aspects”.

Cite this article as: Pashkova T. V., Rodionova A. P. Temporal conditional paradigm in the Livvian and Ludian dialects of the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431

REFERENCES

1. Barantsev A. P. The Ludian dialect of the Karelian Language. Phonetics and morphology of the Svyatozero area (manuscript). Petrozavodsk, 1985. 207 p. (In Russ.)
2. Barantsev A. P. Samples of the Ludian speech. Petrozavodsk, 1978. 287 p. (In Russ.)
3. Zaikov P. M. Grammar of the Karelian language. Petrozavodsk, 1999. 119 p. (In Russ.)
4. Zaikov P. M. Verb in the Karelian language. Petrozavodsk, 2000. 293 p. (In Russ.)
5. Zaitseva N. G. The Vepsian verb: a comparative research. Petrozavodsk, 2002. 228 p. (In Russ.)
6. Makarov G. N. The Karelian language. *Languages of the peoples of the USSR*. Moscow, 1966. Vol. III. P. 61–80. (In Russ.)
7. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. The Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk, 2019. 479 p. (In Russ.)
8. Ryagoev V. D. The Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad, 1977. 287 p. (In Russ.)
9. Õispuu Y. The system of verbal inflection in the South-Karelian peripheral dialects: PhD dissertation (Philology). Tartu, 1985. 230 p. (In Russ.).
10. Ahtia E. V. Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936. 144 s.
11. Genets A. Wepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär 1: 4. Helsinki, 1872. S. 3–32.
12. Genets A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi II: 14. Helsinki, 1880. S. 3–247.
13. Genets A. Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi II: 17. Helsinki, 1885. S. 3–194.
14. Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979. 633 s.
15. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
16. Laanest A. Sissejuhatus läämemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975. 240 s.
17. Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbii. Petroskoi, 1995. 94 s.
18. Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Petroskoi, 1994. 455 s.
19. Pashkova T. V. Luvendo-da harjoituskogomus. Verbit. Konditsionalu. Potensiualu. Imperatiivu (karjalan kielen livvin murdehel). Petroskoi, 2018. 41 s.
20. Ravila P. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // Finnesch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1935. № 23. S. 20–65.
21. Setälä E. N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in der finnisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1886. 198 s.
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.
23. Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia. Helsinki: SUS, 1986. 179 s.

Received: 3 July, 2019

ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурных коммуникаций Гуманитарного института
Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
belov.vadim.a@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТЬ СИНОНИМИЧЕСКИХ ЗАМЕН В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ (экспериментальное и корпусное исследование)

В задачи работы входит анализ степени вариативности устойчивых сочетаний и фразеологизмов. Актуальность исследования связана с тем, что в языке существует большое количество сочетаний с разной степенью устойчивости. В лингвистике не разработаны критерии установления степени устойчивости и вариативности сочетания, что определяет проблему нашего исследования. Новизна заключается в том, что в работе используется мера ассоциативности (Mutual Information) – статистический показатель, который демонстрирует количество совместных употреблений единиц с учетом их частотности. Основным методом исследования является проведенный эксперимент по выбору синонима в высказывании. В нем приняло участие 216 человек, испытуемые выбирали синоним, наиболее подходящий контексту. Для эксперимента были отобраны 56 сочетаний с разной степенью устойчивости. Далее с этими сочетаниями были выбраны высказывания из Национального корпуса русского языка. Результаты эксперимента показали, что мера ассоциативности способна предсказывать выбор синонимов в устойчивом сочетании только с учетом других факторов. В исследовании выделены несколько факторов, которые определяют вариативность устойчивых сочетаний и фразеологизмов и которые связаны с семантическими и когнитивными аспектами речевой деятельности: неаддитивность семантики сочетания, категориальное значение (принадлежность лексико-грамматическим разрядам) входящих в сочетание слов, общий смысл высказывания, распространенность сочетаний в современной речи.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, фразеологизм, ассоциативности, синонимия, корпусная лингвистика, психолингвистика, идиоматичность

Для цитирования: Белов В. А. Возможность синонимических замен в устойчивых сочетаниях (экспериментальное и корпусное исследование) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 48–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.432

ВВЕДЕНИЕ

В языке существует большое количество несвободных (устойчивых) сочетаний, единицы которых оказываются синтагматически связанны. Свойства устойчивых сочетаний активно обсуждаются в современной лингвистике [6], [7], [10], [12], [14]. Они хранятся в лексиконе и воссоздаются в речи в готовом виде [10], [14], а также имеют ограничения в построении [6].

В отечественной системоцентрической лингвистике для определения устойчивых выражений чаще всего применялся основанный на языковой интуиции анализ. Так, наибольшую известность получила типология В. В. Виноградова. Он выделяет фразеологические сращения (значение которых не может быть выведено из значений компонентов; *попасть впросак*), фразеологические единства (значение которых образно связано с семантикой компонентов; *плыть по течению*), фразеологические сочетания (значение которых мотивировано, но один из компонентов имеет фразеологически связанное значение; *попутить взор*) [2: 140–161]. В таких случаях критерием от-

несения конкретного сочетания к тому или иному типу является интуиция исследователя, поэтому возможны противоречивые результаты.

С развитием информационных технологий открываются широкие перспективы статистической обработки языкового материала. В современной лингвистике разработаны специальные количественные меры для определения степени устойчивости сочетания¹ [13], которые регистрируют случаи совместного употребления единиц в корпусе. Очевидным преимуществом обозначенного подхода может стать объективность результатов и доступ к общирному текстовому материалу [1], [3], [9], [15].

В нашей работе анализируется возможность применения меры ассоциативности для предсказания синонимических замен в устойчивом сочетании. Как представляется, в речи устойчивые выражения ограничены в синонимических заменах, что является важнейшим показателем устойчивости выражения. Например, во фразеологизме *не в коня корм* невозможна синонимическая замена *не в коня тища*.

В научной литературе отмечается вариативность устойчивых сочетаний и фразеологизмов [4], [8]. Например, в словаре А. В. Жукова встречаются фразеологизмы, которые допускают семантические замены: *на языке (устах)*, *на свою голову (шею)*, *под конём (седлом)*, *моя хата (изба) с краю* и другие². В нашей работе изучается зависимость вариативности устойчивого сочетания от статистических показателей степени устойчивости.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основывается на результатах психолингвистического эксперимента по выбору синонима в высказывании. Для разработки эксперимента использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и сведения словарей синонимов русского языка. Проведение исследования включало следующие этапы: во-первых, отбор высказываний из НКРЯ с последующим определением меры ассоциативности сочетаний; во-вторых, подбор синонимов для выбранных сочетаний с помощью словарей синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой³, Л. Г. Бабенко⁴; в-третьих, проведение эксперимента по выбору синонима в высказывании. В дальнейшем результаты эксперимента были обработаны и обобщены. При обработке результатов оценивалась корреляция (зависимость) меры ассоциативности и возможности синонимических замен в устойчивом сочетании. Для эксперимента были выбраны сочетания с разными значениями меры ассоциативности, часть отобранных сочетаний являлась фразеологизмами. Как отмечалось ранее в работах по корпусной лингвистике, устойчивыми оказываются сочетания, имеющие значение MI 3 и выше [5: 138]. Однако в нашем исследовании будет показано, что часть фразеологизмов, зафиксированных в словарях, имеет значение MI ниже 3.

Эксперимент был разделен на два этапа с использованием разных экспериментальных таблиц. В первом этапе принял участие 144 испытуемых, им было предъявлено 43 высказывания с разной степенью устойчивости. Во втором этапе участвовало 72 человека; были специально выбраны 13 фразеологизмов из фразеологического словаря русского языка под редакцией А. И. Молоткова⁵. В двух этапах эксперимента в качестве испытуемых выступили в основном студенты Череповецкого государственного университета в возрасте от 18 до 47 лет. Испытуемым предлагались предложения, необходимо было выбрать подходящий для контекста синоним. В примерах исходная форма высказывания была скрыта от участников эксперимента. В случаях, когда пропущенные синонимы отличались по роду / числу, согласуемые слова варьировались по этим грамматическим признакам. В экс-

периментальной таблице высказывания были представлены следующим образом:

Вода сильнее всего, она точит камень и тушит (пламя, огонь, пыль).

Только не говорите мне, что если алкоголизм – это не дурной образ жизни, а заболевание, то он, как всякая/ий/ое прочая/ий/ое (хворь, болезнь, недуг, заболевание), дело приватное.

Экспериментальные задания для первого этапа были оформлены в письменном виде, во втором этапе задания предъявлялись в электронном виде с помощью программы «Google Формы» (<https://docs.google.com/forms>).

Как уже отмечалось, в работе используется показатель *мера ассоциативности*, или *MI (mutual information)*, который рассчитывается на основе данных о частоте совместной встречаемости и частотности входящих в сочетание единиц (см. более подробно см.: [11: 23]). MI рассчитывается с помощью данных НКРЯ. Формула данного показателя представлена следующим образом:

$$MI(x, y) = \log_2 \frac{P(x, y)}{P(x) * P(y)},$$

где x, y – слова, входящие в состав коллокаций;
 $P(x, y)$ – количество совместных употреблений слов;
 $P(x)$ – частотность первого слова;
 $P(y)$ – частотность второго слова;
N – объем корпуса, из которого взята частотность слов.

Так, рассчитаем значение показателя для сочетания *желудочная хворь*. Частотность лексемы *желудочный* в основном корпусе НКРЯ составляет 793 употребления, лексемы *хворь* – 325 употреблений, количество совместных употреблений лексем в контексте – 4. Объем основного корпуса составляет 230 млн. Подставляем приведенные значения в формулу и получаем показатель MI – 11,8.

Среди разработанных статистических мер данный показатель демонстрирует наилучшие результаты: «Мера MI, возможно, дает наилучшие усредненные результаты. Она позволяет выделить устойчивые фразеологизированные слово-сочетания» [5: 141]. В целом все подобные показатели оценивают совместные употребления лексем с учетом их частотности⁶. В данном исследовании мера ассоциативности рассчитывалась не только для исходных высказываний, но и для выражений, полученных после синонимической замены. Например, исходным выражением является сочетание *тушит пламя* (MI – 9), после синонимических замен получаются выражения *тушит огонь* (MI – 9), *тушит пыль* (MI – 0; так как в НКРЯ не встречается таких употреблений).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Анализ результатов показал, что не наблюдается непосредственной зависимости возможности замены элемента в устойчивом сочетании от меры ассоциативности. В первом этапе эксперимента, где присутствовали

устойчивые и свободные сочетания, регистрируется достаточно слабая корреляция (0,36⁷) меры ассоциативности и результатов экспериментов. Однако для второго этапа эксперимента (с использованием фразеологизмов) общая корреляция значительно выше – 0,69. Более того, зафиксированы примеры, когда корреляция равна 1: например, для фразеологизмов *идти в ногу со временем, валять дурака, кровная обида*.

Таблица 1. Результаты второго этапа эксперимента по выбору синонима в высказывании
Table 1. The results of the second stage of the experiment for the selection of a synonym in the utterance

№	Высказывание	Синоним	Ответы	Процент	MI	Корреляция
1	И вот обычным и ровным голосом он объясняет старшему сыну, что начиная с завтра старший будет заниматься с известным математиком Стрепетовым; если же сын не будет валять дурака и окажется не тупицей, то, поступив в университет, он, возможно, станет на долгие даже годы учеником этого блестящего ученого	дурака	65	94	10,9	1
		глупца	2	3	0	
		болвана	2	3	0	
2	– И меня в лауреаты выдвигали, да вот рожей не вышел...	рожей	31	45	2,02	0,29
		лицом	21	30	0,31	
		рылом	16	23	4,62	
		ряхой	1	1	0	
3	Или если он соберется с духом и на какой-то срок просто выбросит вон из головы эти никчемные гадания: будет – не будет?..	головы	63	91	4,45	0,59
		черепа	4	6	4,01	
		тыковки	2	3	0	
4	Желающих нагреть руки на операциях с землей немало	руки	55	80	2,79	0,99
		кисть	9	13	0	
		пясть	5	7	0	
5	Оксана принялась плакать, потому что перед чемпионатом большую часть их программы надо было еще доводить до ума	ума	60	87	5,04	0,97
		разума	7	10	1,6	
		интеллекта	2	3	0	
6	Он может отведать запретный (зародыш, плод, эмбрион) хотя бы в целях «научного» эксперимента	плод	68	99	10,7	0,93
		эмбрион	1	1	0	
		зародыш	0	0	0	
7	Травить насекомых-вредителей обычными ядами (пестицидами) – гиглое дело как в прямом, так и в переносном смысле	дело	56	81	5,51	0,94
		труд	9	13	2,37	
		поступок	4	6	0	
8	Стараясь идти в (ногу, лапу) со временем , в последние годы Пхёнъян, как предполагают наблюдатели, стал переходить на евро	ногу	66	96	1,97	1
		лапу	3	4	-0,1	
9	А ты все-таки начальник цеха – почти что вольная птица	птица	63	91	6,62	0,36
		птаха	3	4	7,93	
		пичуга	3	4	0	
10	Понятно, разворовали хранилище, затем устроили пожар – и концы в воду	воду	66	96	1,61	0,99
		водицу	3	4	0	
		влагу	0	0	0	
11	Недосказанность, неискренность воспринимались им как кровная обида	обида	59	86	9,06	1
		оскорбление	10	14	7,84	
12	Он тебе, наверное, осточертел своими любовными победами – вот ты его и втонтал в грязь , заставив полюбить свою жену	грязь	66	96	12,6	0,99
		месиво	2	3	0	
		хлябь	1	1	0	
13	Так и не получив признания, а значит, и денег, я повесил нос	нос	65	94	5,86	0,48
		сопелку	4	6	0	
		хобот	0	0	5,68	

Также высокие результаты отмечаются у следующих фразеологизмов:

- *идти в ногу со временем* – см. пример № 8;
- *концы в воду* – см. пример № 10;
- *втоптать в грязь* – см. пример № 12.

Наименее устойчивыми в эксперименте оказались такие выражения, как *рожей не вышел* (пример № 2).

Возможно, противоречивые результаты в нашем исследовании получены из-за несовершенства самих статистических показателей и источников данных. Так, в работе Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой отмечается, что мера ассоциативности некорректно работает с низкочастотными единицами [10: 35]. Также наблюдается количественный дисбаланс по наполнению НКРЯ: наиболее объемный корпус – основной корпус – включает литературу с XVIII века, поэтому часть представленных текстов может быть неактуальна для современной языковой личности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Применение статистических показателей для предсказания вариативности сочетания оправдывается частично. В большей степени мера ассоциативности, используемая в нашей работе, способна предсказывать выбор синонима для фразеологизмов. При этом нельзя определить значения MI, которое предсказывает выбор того или иного синонима. Так, для фразеологизма *концы в воду* рассчитан показатель MI – 1,91, но в 96 % случаев испытуемые восстанавливали его. С другой стороны, для сочетания *гилое дело* представлено более высокое значение MI – 5,51, но результат эксперимента оказался противоположным: его выбирали в 81 % случаев (см. примеры № 10, 7 из табл. 1).

Далее мы выделим некоторые факторы, которые влияют на возможность синонимических замен. Они связаны с когнитивными и семантическими аспектами.

1. *Неаддитивность семантики*. Ключевым фактором для восстановления сочетания является не количество совместных употреблений в корпусе, а семантический фактор, связанный с идиоматичностью выражения. Во втором этапе эксперимента фразеологизмы хорошо узнаются испытуемыми, с чем связана высокая корреляция MI и результатов эксперимента.

Однако этот фактор нельзя формализовать с помощью статистических показателей. Сложно выделить значение MI, которое бы регистрировало идиоматичность содержания. Например, устойчивое сочетание *тица для ума* имеет сравнительно невысокое значение MI – 4. Но в высказывании (1) из первого этапа эксперимента оно хорошо восстанавливается испытуемыми (66 реакций, 90 %).

(1) *Но люблю и Дали, и Босха, потому что в их картинах есть тица для ума*⁸.

Таким образом, важным для ограничения вариативности устойчивого сочетания является то, что значение сочетания идиоматично, метафорически переосмысливает значение компонентов. Этот фактор не поддается статистической обработке на данном этапе развития корпусной лингвистики, поэтому в таких случаях приходится опираться на языковую интуицию носителя языка.

2. *Категориальное значение входящих в сочетание слов*. Результаты эксперимента показывают, что фразеологизмы, включающие абстрактные имена существительные, более вариативны по сравнению с фразеологизмами, содержащими конкретные существительные.

Например, в выражении *кровная обида* (которое толкуется как «Очень тяжелая, глубоко затрагивающая обида человека»⁹) возможна замена на синоним *оскорбление*, что показывают как примеры из корпуса, так и результаты проведенного эксперимента (см. пример № 11 из табл. 1).

В основном корпусе НКРЯ насчитывается 78 сочетаний *кровная обида* и 13 сочетаний *кровное оскорбление*; пример употребления см. в (2):

(2) *Это возмущило всю Фотьянку до глубины души, как самое кровное оскорбление, какого еще не бывало*¹⁰.

Относительно высокая вариативность отмечается для всех сочетаний с абстрактными существительными: *гилое дело* (пример № 7 из табл. 1), *доводить до ума* (пример № 5 из табл. 1).

Высокая вариативность сочетаний с абстрактными существительными фиксируется не только для фразеологизмов, но и для сочетаний с разной степенью устойчивости. В первом этапе эксперимента были представлены исходные сочетания с абстрактными существительными (см. табл. 2). Как видно из табл. 2, у многих высказываний не отмечается доминирования одного ответа: здесь можно выделить примеры № 7, 9, где ответы испытуемых распределены достаточно равномерно. Однако в примерах № 1, 2, 6 доминирует один ответ, что объясняется влиянием устойчивой конструкции (которое выражается в высоком значении меры ассоциативности).

Отметим, что в эксперименте высокой вариативностью также отличалась часть конкретных существительных – наименований лиц; данная группа конкретных существительных связана с обозначением людей по различным признакам: *врач, друг, ребенок*. Для сочетаний с наименованиями лиц характерно то, что исходные сочетания не доминировали в ответах испытуемых (см. табл. 3). Наиболее равномерно ответы распределены в высказываниях № 2 и № 6.

Таблица 2. Результаты первого этапа эксперимента по выбору синонима в высказывании (сочетания с абстрактными ИС)

Table 2. The results of the first stage of the experiment for choosing a synonym in the utterance (abstract nouns)

№	Высказывание	Синоним	Ответы	Процент	МП	Корреляция
1	Фортуна распорядилась так, что Фоменко даже не удалось выступить непосредственно в гонке	доля	0	0	5,04	0,69
		судьба	61	87	7,69	
		фортуна	9	13	7,40	
2	Но ведь Фортуна – продажная девка, и колесо ее всегда вращается	доля	1	2	0	0,96
		судьба	12	17	2,20	
		удел	0	0	0	
		фортуна	57	81	4,73	
3	Неужели и ему повезло наконец? Неужели фортуна к нему лицом повернулась? Но надо теперь быть вдвойне осторожным: жизнь внезапно может опять по башке ударить, если расслабишься...	доля	0	0	0	0,99
		судьба	22	31	2,65	
		фортуна	48	69	8,09	
4	И, чтобы не было скучно, они придумали себе занятие : готовили пельмени	дело	7	10	3,43	0,86
		занятие	55	79	4,77	
		работа	7	10	2,38	
		труд	1	1	1,36	
5	Постарайтесь не ругать ее, а найти интересное для нее занятие	дело	6	9	2,29	0,91
		занятие	43	61	4,52	
		работа	20	29	4,22	
		труд	1	1	1,96	
6	Ностальгия по 80-м – это не только тоска по юности, совпавшей с концом эпохи Брежнева и началом времени политических перемен	грусть	7	10	3,40	0,56
		печаль	1	1	0	
		скука	0	0	2,19	
		тоска	62	89	3,51	
7	Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями, – напрасно	грусть	8	11	0,82	0,69
		печаль	21	30	3,48	
		скука	18	26	2,82	
		тоска	23	33	1,87	
8	Утром встала здоровая, скука и одиночество испарились, и все со мной в порядке – ни одышки, ничего, словом, дурного	грусть	13	18	0	0,6
		печаль	12	17	0	
		скука	0	0	5,65	
		тоска	47	65	0	
9	Стараясь рассеять печаль работой, я установил под микроскопом новый шлиф рудной породы из Сефидкан	грусть	15	21	7,39	0,33
		печаль	11	15	6,65	
		скука	22	31	7,18	
		тоска	23	32	5,75	

Во втором этапе эксперимента был представлен интересный пример (№ 2 из табл. 1), где реализуется фразеологизм *рожей не вышел*. Данный фразеологизм оказывается вариативным, несмотря на то что он включает конкретное существительное. Вариативность отмечается во фразеологических словарях: так, в словаре А. И. Молоткова представлено выражение *рожей не вышел*¹¹, в словаре А. И. Фёдорова – выражение *рылом не вышел*¹². Эта особенность, скорее всего, связана с эмоциональной окраской фразеологизма и входящих в него компонентов. Более того, в основном корпусе НКРЯ также наблюдается вариативность фразеологизма: 41 употребление сочетаний *рылом не вышел* и 18 употреблений сочетания *рожей не вышел*.

3. Общий смысл высказывания. Важное значение для выбора синонима в сочетании могут иметь семантические признаки, связанные с общим смыслом высказывания. Так, в высказывании (3) были предложены синонимы *корм*, *еда*, *пища*, *харчи*, но 92 % испытуемых (67 из 73 испытуемых) выбрали первое слово. Такой выбор основан на том, что слово *корм* прежде всего употребляется для обозначения пищи животных, а общий смысл высказывания касается животных (ср. толкование слова в МАС: «Корм – пища животных»¹³).

(3) Реклама – она не только на собачий **корм** спрос стимулирует, но и на самих собак¹⁴.

(4) Иногда, отдав **корм** птенцу, ласточка, слегка запрокинувшись, сидела несколько мгновений у края гнезда¹⁵.

Таблица 3. Результаты первого этапа эксперимента по выбору синонима в высказывании (сочетания с наименованиями лиц)

Table 3. The results of the first stage of the experiment on the selection of a synonym in the utterance (names of persons)

№	Высказывание	Синоним	Ответы	Процент	MI	Корреляция
1	Я знаю его – это Стас, большой шалун и любитель выпить	кроха	0	0	0	0,43
		мальш	1	1	0,54	
		ребенок	44	64	1,30	
		шалун	24	35	4,67	
2	Если какой-нибудь шалун и получал шлепок, то только в минуты веселья, и на это, конечно, нельзя было обижаться	мальш	14	20	3,59	-0,83
		ребенок	31	45	0,59	
		шалун	26	35	6,86	
3	Мой приятель внес мое имя в лотерею – проводил спортивный магазин, – и я выиграл	друг	37	53	4,71	0,31
		знакомый	8	11	4,58	
		приятель	18	26	6,39	
		товарищ	7	10	3,35	
4	Лекарь считается хорошим, если на десяток вылеченных им страдальцев приходится не больше одного-двух покойников	врач	33	46	-3,78	-0,99
		доктор	20	28	0,88	
		лекарь	16	22	1,29	
		медик	3	4	5,06	
5	И не может ли в этом случае помочь разными медикаментами уездный лекарь ?	врач	8	10	6,70	-0,07
		доктор	35	49	4,17	
		лекарь	27	38	10,02	
		медик	2	3	4,08	
6	Мой товарищ занимает важный пост в органах государственной власти, за рулем при этом всегда сидит сам, но и машина с мигалками ему нужна, потому что на дорогах пробки	друг	14	20	4,70	0,03
		приятель	32	46	6,39	
		товарищ	24	34	3,35	

Сходная закономерность отмечается в высказывании (4), где тоже речь идет о животных, испытуемые чаще всего также выбирают синоним *корм* (36 реакций, 49 %).

Однако подобные факторы достаточно сложно formalизовать, поэтому приходится опираться на языковую интуицию.

4. *Распространенность сочетаний в современной речи.* В некоторых случаях фразеологизмы с высоким показателем MI оказываются незнакомы носителям языка. Так, фразеологизм *не в коня корм* (MI – 7,5) в высказывании (5) испытуемые узнавали всего 49 раз из 72 ответов (68 %), что связано с тем, что фразеологизм не употребляется в современной речи. В эксперименте были получены реакции *еда* (14 реакций), *харчи* (9 реакций). В газетном корпусе НКРЯ представлено всего 22 употребления слов.

(5) – *Не в коня корм, – сказал Штрум, и хотя не совсем было ясно, что значат его слова, они вызвали смех*¹⁶.

(6) *И не может ли в этом случае помочь разными медикаментами **уездный лекарь**?*¹⁷

Еще меньше испытуемых восстановили устойчивое сочетание *уездный лекарь* в высказывании (6), которое имеет высокое значение MI (10), но оно незнакомо носителям языка. В эксперименте слово *лекарь* в высказывании выбрали только в 37 % случаев. Большая часть реакций

приходится на частотную доминанту *врач* с более широким значением; несмотря на то, что сочетание *уездный врач* имеет меньшее значение MI – 4. По всей видимости, это объясняется тем, что слово *лекарь* постепенно выходит из современной речи: об этом свидетельствует газетный корпус НКРЯ, где представлено всего 3 употребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа показывают, что на современном этапе развития лингвистики применение статистических показателей для предсказания вариативности устойчивых сочетаний и фразеологизмов не в полной мере оправданно. На выбор синонима в устойчивом сочетании влияет большое количество факторов, связанных с семантическими и когнитивными аспектами речевой деятельности. Таким образом, обращение к языковой интуиции по-прежнему остается основным способом анализа устойчивости сочетаний и фразеологизмов. Важным в этом вопросе оказывается обращение к языковой компетенции носителя языка и языковой ситуации. Вместе с тем выделенные нами факторы позволяют упорядочить представление о степени устойчивости сочетания и вариативности фразеологизмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хохлова М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов): Автограф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2011. 26 с.
- ² Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синонимических рядов / Под ред. В. П. Жукова. М.: Русский язык, 1987. 448 с.
- ³ Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970–1971.
- ⁴ Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: ок. 30 000 слов-синонимов / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 829 с.
- ⁵ Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
- ⁶ Также нередко используются показатели T-score, Salience.
- ⁷ Значение показателя, которое демонстрирует полную зависимость, равно 1.
- ⁸ Пример из НКРЯ: Александр Розенбаум, 1987–1998.
- ⁹ Бирик А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: Около 6000 фразеологизмов / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: АСТ, 2005. С. 484.
- ¹⁰ Пример из НКРЯ: Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1892.
- ¹¹ Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова...
- ¹² Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
- ¹³ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II. С. 104.
- ¹⁴ Пример из НКРЯ: Владислав Быков, Ольга Деркач, 2000.
- ¹⁵ Пример из НКРЯ: Фазиль Искандер, 1962.
- ¹⁶ Пример из НКРЯ: Василий Гроссман, 1960.
- ¹⁷ Пример из НКРЯ: Николай Крыштук, журнал «Звезда», 2001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борискина О. О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. № 3. С. 24–27.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 310 с.
3. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 34–76.
4. Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высп. шк., 1986. 310 с.
5. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2010», РГГУ. Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 137–143.
6. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007. 672 с.
7. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–84.
8. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высп. шк., 1990. 160 с.
9. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.
10. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. 2010. Сер. 2. № 6. С. 30–40.
11. Church K., Hanks P. Word association norms, mutual information, and lexicography // Computational Linguistics. 1996. No 16 (1). P. 22–29.
12. Cruse A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.
13. Evert S. The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations: Ph. D. dissertation. Stuttgart: Universität Stuttgart, 2004. 353 p.
14. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
15. Teubert W., Cermakova A. Corpus linguistics: A Short introduction. London: Athenaeum Press, 2008. 154 p.

Поступила в редакцию 23.05.2019

Vadim A. Belov, PhD in Philology, Cherepovets State University
(Cherepovets, Russian Federation)
belov.vadim.a@gmail.com

POSSIBILITY OF SYNONYMIC REPLACEMENT IN COLLOCATIONS (EXPERIMENTAL AND CORPUS RESEARCH)

The purpose of the paper is to analyze the degree of variation of collocations and idioms (phraseological units). The relevance of the study is that there are many collocations with different degrees of stability, but there are no criteria of stability/variation of collocations and idioms. Originality is connected with using mutual information statistical indicator for predicting the variability (stability) of collocations. Mutual information is a special statistical tool for measuring the collocation strength. The research method is based on the psycholinguistic experiment and the Russian National Corpus data. Two hundred and sixteen subjects took part in the experiment. The subjects' task was to choose a synonym for a given context. For the experiment we selected 56 collocations with different

degrees of stability, and then selected entries with these collocations from the Russian National Corpus. The results demonstrated no direct correlation between mutual information and the results of experiment. Therefore, it was assumed that the selection of synonyms in an utterance is affected by certain cognitive and pragmatic features: the idiomatic meaning of an utterance, the categorical meanings of the words in a collocation, the general meaning of an utterance, and the frequency of a collocation in modern speech.

Keywords: collocation, idiom, mutual information, synonymy, corpus linguistics, psycholinguistics, idiomatic meaning

Cite this article as: Belov V. A. Possibility of synonymous replacement in collocations (experimental and corpus research). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 48–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.432

REFERENCES

1. Boriskina O. O. Corpus study of language: fashion or necessity? *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015. No 3. P. 24–27. (In Russ.).
2. Vinogradov V. V. Selected works. Lexicology and lexicography. Moscow, 1977. 310 p. (In Russ.).
3. Golubkova E. E. Using linguistic corpora for solving semantic problems. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: kompyuterno-korpusnyy podkhod* (V. I. Zabotkina, Ed.). Moscow, 2014. P. 34–76. (In Russ.).
4. Zhukov V. P. Russian phraseology. Moscow, 1986. 310 p. (In Russ.).
5. Zakharov V. P., Khokhlova M. V. Analysis of the effectiveness of statistical methods for detecting collocations in Russian texts. *Proceedings of the International Conference “Dialogue 2010” on Computational Linguistics and Intelligent Technologies, Russian State University for the Humanities*. Issue 9 (16). Moscow, 2010. P. 137–143. (In Russ.).
6. Jordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. Sense and compatibility in a dictionary. Moscow, 2007. 672 p. (In Russ.).
7. Kustova G. I. Cognitive models in semantic derivation and a system of derived values. *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No 4. P. 68–84. (In Russ.).
8. Mokiyenko V. M. Mysteries of Russian phraseology. Moscow, 1990. 160 p. (In Russ.).
9. Plungyan V. A. Corpus as a tool and an ideology: some lessons of modern corpus linguistics. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No 2. P. 7–20. (In Russ.).
10. Yagunova E. V., Pivovarova L. M. The nature of collocations in the Russian language. The experience of automatic extraction and classification of the material of news texts. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. 2010. Series 2. No 6. P. 30–40. (In Russ.).
11. Church K., Hanks P. Word association norms, mutual information, and lexicography. *Computational Linguistics*. 1996. No 16 (1). P. 22–29.
12. Cruse A. Lexical semantics. Cambridge, 1986. 310 p.
13. Evert S. The Statistics of word cooccurrences: word pairs and collocations: Ph. D. dissertation. Stuttgart, 2004. 353 p.
14. Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford, 1991. 179 p.
15. Teubert W., Cermakova A. Corpus linguistics: a short introduction. London, 2008. 154 p.

Received: 23 May, 2019

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ГАЛКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (Кострома, Российская Федерация)

gnprav@mail.ru

УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОННЕКТОРА ПОТОМУ ЧТО В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Представлены результаты структурно-семантического и статистического анализа сложноподчиненных предложений с коннектором *потому что* в контексте их функционирования в публицистических текстах. Исследование проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчиненных предложений в произведениях книжного стиля – научном и публицистическом. Среди союзных средств, маркирующих причинные отношения, союз *потому что* считается наиболее употребительным, стилистически нейтральным, передающим общее причинное значение. В приложении к функциональным стилям, в отличие от малой употребительности данного союза в научных текстах, обнаружена его высокая продуктивность в публицистике – почти половина (48 %) исследуемых сложноподчиненных причинных конструкций оформлена связующим средством *потому что*. По результатам анализа, столь высокая продуктивность обеспечивается тем, что коннектор *потому что* обладает широким синтаксическим потенциалом, а именно: сочетаемость с частицами, сочинительными союзами и другими актуализаторами, а также возможность расчлененного и даже раздельного употребления его элементов в главной и придаточной частях предложения. Такая модификация союзного средства *потому что* служит уточнению различных причинных связей, отражаемых в публицистических произведениях, и в определенных ситуациях его использование является, пожалуй, единственным возможным. Кроме того, *потому что* выполняет ведущую роль при оформлении параллельных и парцеллированных причинных конструкций, способствующих реализации экспрессивной и действующей функции публицистической речи. В целом из всего корпуса исследуемых построений, оформленных *потому что*, предложения, в которых он функционирует в неосложненном, немодифицированном виде, занимают меньшую часть. Таким образом, продуктивность союзного средства *потому что* в публицистическом стиле обусловлена не столько нейтральной семантикой и общеупотребительностью, сколько широкими синтаксическими возможностями данного средства связи.

Ключевые слова: семантика, синтаксические возможности, причинные отношения, союз *потому что*, модификация, актуализатор, парцелляция, параллелизм, публицистика

Для цитирования: Галкина Н. П. Условия функционирования коннектора *потому что* в публицистических текстах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 56–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.433

ВВЕДЕНИЕ

Причинные отношения отличаются широтой и разнообразием оттенков и, соответственно, средств их выражения [2], [10], [14], [16: 578–586]. В данной работе мы будем говорить о наиболее типичных причинных конструкциях – сложноподчиненных предложениях с придаточными причины (далее ПСПП). Исследование проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчиненных предложений (далее СПП) в произведениях книжного стиля – научном и публицистическом. По мнению М. В. Ляпон, каузальность (причинность) рассматривается как обусловленность в чистом виде, «освобожденная от альтернативы» [13: 168]. С. И. Дружинина считает значение причины ядром семантики обусловленности [10]. Среди многообразия союзных средств,

маркирующих причинные отношения, наиболее употребительным считается союз *потому что*, передающий общее причинное значение. Об этом свидетельствует и тот факт, что толкование других причинных союзов в словарях производится через *потому что*. Многие исследователи характеризуют этот союз как наиболее употребительный и стилистически нейтральный в общелитературном языке [1: 43], [2], [3: 260], [21: 177]. Как отмечает А. Н. Гвоздев, «союз *потому что* употребляется и в разговорной, и в книжной речи, может быть, он не проникает только в лирику» [8: 356]. Тем не менее при изучении ПСПП в научном стиле русского языка нами была обнаружена низкая продуктивность (3 %) данного союза [6: 249], [7: 144]. Целью настоящего исследования является выявление условий функционирования коннектора *потому что*

в публицистических текстах. Хотя грамматика языка едина, однако «каждый функциональный стиль по-своему использует грамматические формы и конструкции, оказывая предпочтение тем или иным из них» [17: 175].

Публицистический стиль характеризуется обширностью тематики, разнообразием жанров и неоднородностью форм предъявления читателю (книги, журналы, газеты, интернет-ресурсы). В качестве источников (см. Примечания) мы использовали печатные и онлайн-книги, относящиеся к области политico-идеологической (К. Сёмин), социальной (Ф. Г. Углов), культурной (Н. Синдаловский, В. Полухина), а также периодические газеты и журналы, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно значимые темы («Комсомольская правда», «Новый мир», «Новая газета», «Солидарность», «Секретные материалы», «Аргументы и Факты» и др.). Корпус анализируемых конструкций составил 750 ПСПП, выписанных из указанных произведений методом сплошной выборки. Исследование показало, что почти половина (48 %) ПСПП оформлена с помощью *потому что*. В то же время в результате анализа мы приходим к выводу, что высокая продуктивность обеспечивается тем, что данное средство обладает широким синтаксическим потенциалом, и в определенных ситуациях его использование является, пожалуй, единственным возможным для выражения конкретных значений причинной связи.

Прежде всего *потому что*, в отличие от других причинных коннекторов, допускает присоединение различных модификаторов, что вносит дополнительный смысловой элемент и служит уточнению причинного значения. В качестве модификаторов используются частицы *именно, только / не только, лишь, только лишь, просто, уже, хотя бы;* лексические актуализаторы *прежде всего, в первую очередь, во многом, во-первых..., во-вторых..., не столько..., сколько..., парные союзы и..., и...; не..., а...* и др. Например:

1) «Революция выбрала Россию, а Россия – Революцию, именно потому, что русские подсознательно понимали: никакого шанса противостоять индустриальное, капиталистическое сверхчеловечество у большинства из них, вчера еще крепостных, не будет»¹. 2) «Такое ощущение, что само православие ценится лишь потому, что служило сориентации России»². 3) «Многие народы нашей страны сохранились только потому, что в свое время попросили покровительства у русского народа и добровольно присоединились к России»³.

В приведенных примерах в сочетании с частицами (выделительными, ограничительными) происходит конкретизация или актуализация общего причинного значения, маркируемого коннектором *потому что*. Присоединение модификаторов к *потому что* обуславливает его расчленен-

ное использование. Эта особенность отмечается в специальных исследованиях [1: 43–45], [13: 174], академических описаниях [2], [14], [16: 580], учебных пособиях⁴. Строго говоря, в случае постановки запятой между элементами *потому что* (*потому, что*) он утрачивает формальные признаки союза, так как *потому* становится коррелятом (обстоятельством причины) в составе главной части сложного предложения, а *что* – союзом (релятом) в составе придаточной части. Все сочетание тем не менее выполняет основную связующую функцию, свойственную союзам и более широкому классу слов – коннекторам, активно исследуемым в современной лингвистике в контексте изучения дискурса, в рамках функционального и типологического описания языков [4], [9: 20], [20].

Подключение модификаторов не только оказывает влияние на семантику, но и расширяет синтаксические возможности *потому что*. Данный союз отличается тем, что придаточное с ним не может занимать начальную позицию в предложении [2]. Но следующий пример иллюстрирует препозитивное использование расчлененного *потому, что* в сочетании с сочинительным союзом и частицей:

«Но именно потому, что он жив, он и не требует музейной мумификации, а вполне допускает обновление и развитие как своей грамматики, так и лексикона»⁵.

Синтаксические возможности *потому что* проявляются также в раздельном / дистантном употреблении его компонентов в главной и придаточной частях:

1) «Знатные герои Мартина потому так и зачаровывают нас, что обладают гораздо большим количеством степеней свободы, чем человек почти в любом другом обществе – от Рима и Китая до современности»⁶. 2) «Они потому и ссылаются постоянно теперь на оглушающее воздействие госпропаганды, что шкодой чувствуют...»⁷.

Смещение компонента *потому* в середину главной части служит усилиению причинной связи, способствует актуализации авторской позиции и реализации воздействующей функции публицистического высказывания.

Отметим, что расчленение *потому что* имеет место и при его самостоятельном использовании, без модификаторов. Во всех случаях расчлененности союза предложение имеет только собственно-причинное значение [16: 580]. Действительно, коррелят *потому* в главной части несет на себе логическое ударение и прямо указывает на следующую за ним причину, создавая более тесную связь между частями предложения, между причиной и следствием:

1) «Этот факт имеет особенно большое значение потому, что гипертония в настоящее время получила очень широкое распространение даже среди молодых людей...»⁸.

2) «И это сделано потому, что Новый Завет отличается от Ветхого Завета именно таким же образом»⁹.

В целом в исследуемом материале чуть менее половины (45 %) полных ПСПП, оформленных *потому что*, отличаются наличием модификаторов, расчлененной формой или раздельным / дистантным употреблением компонентов. Для сравнения отметим, что, по данным Национального корпуса русского языка, охватывающего материал «преимущественно (но не исключительно) письменных текстов без каких бы то ни было жанровых и стилистических ограничений» [15], доля расчлененной и нерасчлененной формы *потому что* составляет 26 и 74 % соответственно [14].

Коммуникативная задача публицистической речи заключает в себе экспрессивно-эмотивную, оценочную и воздействующую функции. Сложность и многогранность задач предполагает и комплексность средств их реализации. Как отмечал академик В. В. Виноградов, «приемы сцепления и сопоставления синтаксических целых» – область стилистического синтаксиса [5: 205]. Публицисты нередко прибегают к сложным синтаксическим конструкциям. В контексте нашего исследования интерес представляют многокомпонентные сложные предложения с контамированной сочинительной и подчинительной связью. Анализ таких предложений показывает, что в их построении важную роль играет именно *потому что* (преимущественно в форме расчлененного на коррелят и релят образования) благодаря нейтральности его каузальной семантики и разнообразной сочетаемости. Приведем пример сопоставительной многокомпонентной конструкции:

«Район вокруг Канонерской улицы и прилегающих к ней переулков назывался Канонерией, причем, не столько из-за названия улицы, сколько потому, что здесь в основном селились корабелы соседних Адмиралтейских верфей...»¹⁰.

Рассмотрим многокомпонентные предложения с противительной связью «параллельных» причинных придаточных, оформленных коннектором *потому что*:

1) «В самой Америке любят айфон не потому, что это “крутко”, а потому что это просто и удобно»¹¹. 2) «Но думаю, это не потому, что эти люди – гангстеры, а потому, что так все работало в советском и российском обществе, и это просто эволюция»¹².

Как отмечает Г. Я. Солганик, воздействующая функция публицистики ярко проявляется в синтаксисе: «Из разнообразного синтаксического репертуара публицистика отбирает конструкции, обладающие значительным потенциалом воздействия» [17: 205]. Реализации экспрессивной и воздействующей функций публицистической речи служат такие синтаксические средства, как параллелизм и парцелляция. Данные явления хорошо представлены в ПСПП благодаря обобщенному причинному значению и синтаксической гибкости коннектора *потому что*.

Параллелизм (от греческого *parallēlos* – рядом идущий) – одинаковое синтаксическое построение соседних предложений, смежных или со-относительных частей текста. Синтаксический параллелизм часто сочетается с лексическим повтором¹³. Выше мы отмечали параллельное построение придаточных, вводимых *потому что* на уровне многокомпонентного предложения. Приведем пример параллелизма на уровне сложного синтаксического целого:

«Люди придумали телескопы, посмотрели на Юпитер, и вот оно, Большое красное пятно. Большое – потому что оно больше Земли. Красное – потому что оно красное. Пятно – потому что пятно»¹⁴.

В данной конструкции мы наблюдаем и лексический, и синтаксический повтор, скрепляющим звеном которого является союз *потому что*. Вслед за А. К. Киклевич отметим, что в условиях повторяющихся элементов в данном речевом отрезке «содержательным может становиться сам факт повтора компонентов сообщения» [12: 39].

В следующем примере мы наблюдаем параллелизм однородных придаточных в парцеллированной структуре ПСПП:

«После распада СССР такие убийства, напротив, стали обыденностью для нас и редкостью для США. И потому что мы действительно скатились по многим показателям на уровень стран третьего мира, и потому что США установили у себя такой режим контроля и слежки»¹⁵.

Парцелляция (от французского *parcelle* – частица) – это особое членение текста, при котором части одного предложения оформляются как несколько самостоятельных предложений, для придания фразе большей выразительности. С информационной точки зрения парцелляция – это восполнение упущеных возможностей высказывания, добавление или исправление какого-либо существенного, по мнению говорящего, признака обсуждаемого предмета¹⁶. Публицисты активно используют это стилистическое средство с целью привлечения внимания, подчеркивания некоторых деталей, акцентирования на причине, обосновании и т. п. Тем самым усиливается воздействие на читателя или выделяется оценочная составляющая – обязательные характеристики публицистического стиля. В рамках данного исследования парцеллированные структуры ПСПП составляют почти четверть (23 %) всех выписанных причинных конструкций, из них более половины (60 %) оформлены союзом *потому что*. В то же время на них приходится более четверти (28 %) всех анализируемых предложений с *потому что*. См., например:

1) «И этот принцип не работает. Потому что так нельзя, всех под общую гребенку»¹⁷. 2) «Конечно, мы не можем остановить войну, но мы должны говорить о мире, о добре, о человечности. Потому что все хотят, чтобы

эта проклятая война закончилась»¹⁸. 3) «Но самое главное – противостоять ей на уроках истории. Потому что у нас 20 лет продолжался процесс дегероизации, а в результате выросло поколение манкуров»¹⁹.

В приведенных примерах парцеллированные придаточные причины, оформленные коннектором *потому что*, не просто выражают причину или основание для вывода. Отделенные от главной части и построенные как самостоятельные предложения, они привлекают внимание читателя, звучат более настойчиво, призывающе. Приведем пример парцеллированной структуры с разделительной связью «параллельных» причинных придаточных:

«Правда, писать несколько труднее... непонятно, чем это объясняется. То ли потому, что другая языковая среда вокруг, то ли просто потому, что стареешь»²⁰.

В следующем построении также имеет место парцелляция двух однородных придаточных причины. Это единственный пример в исследуемых материалах, когда при наличии парных придаточных причины одно из них вводится союзом, отличным от *потому что*:

«Инициатором разрыва стала Дашкова. По одной легенде, будто бы из-за того, что в Роще убили свергнутого императора Петра III, по другой, потому что муж Дашковой будто бы изменил ей с императрицей»²¹.

Союз *потому что* является единственным возможным при оформлении парцеллированного ответа на вопрос *Почему?* Такие вопросы, функционирующие как риторические, являются характерной чертой публицистического стиля. См., например:

1) «Он не имеет никакой цели. Почему? Потому что под отсутствие цели легко подогнать любую цель»²². 2) «Почему? Да нипочему. Потому что посмотри на себя, ведь ты же – грязное быдло»²³.

В следующем примере ответ, выражающий причину, сам имеет форму вопроса, для построения которого *потому что* употребляется в сочетании с частицами *не* и *ли*: *Почему же человек так беспечно относится к своей жизни? Не потому ли, что она ему легко досталась?*²⁴. В таком построении отчетливо проявляется присущее публицистике «авторское я» [17: 204]. В целях воздействия на читателя автор как бы вступает с ним в диалог, побуждает к размышлению, действию. В публицистическом жанре интервью при ответе на полнозначный вопрос *Почему...?* ответ часто также оформляется только придаточным предложением, вводимым союзом *потому что*:

1) «Почему вы так его любите и любите преподавать его? Потому что для меня нет поэта лучше, ни на одном языке»²⁵.

2) «А почему именно он запоминается, а не Баратынский, например? Потому что, прежде всего, Баратынский сложнее...»²⁶.

В исследуемых материалах из всего корпуса причинных конструкций, оформленных коннектором *потому что*, предложения, в которых она функционирует в неосложненном, немодифицированном, непарцеллированном виде, занимают меньшую часть (около 40%). Таким предложениям не свойственна специфическая тематика, придаточное в них констатирует непосредственную причину того, о чем сказано в главной части. См., например:

1) «Но, как об этом рассказывает другая легенда, пуля отскочила, не причинив никакого вреда Данте-су, потому что на нем под мундиром была якобы на-дета кольчуга либо еще какое-то защитное приспособление, которое и спасло ему жизнь»²⁷. 2) «Я понимаю, что это может быть смешным, но на самом деле это совсем не смешно, потому что глупцы обычно очень подлые и низкие люди»²⁸.

Отметим еще одну особенность союзного средства *потому что* – маркировать как собственно-причинные, так и несобственно-причинные отношения (причинно-аргументирующие отношения обратной обусловленности) [16: 580]. В последнем случае ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом, косвенным свидетельством, аргументом для логического обоснования вывода [10], [19: 5–6]. Такие отношения носят логический, ментальный характер, то есть внешне устанавливаются мыслящим субъектом речи, отражая угол зрения говорящего [18: 139]. Мы отметили два случая оформления союзом *потому что* отношений обратной обусловленности:

1) «КФУ, видимо, самый честный вуз, потому что платит за публикацию научных статей через систему госзакупок»²⁹. 2) «Нева вышла из берегов, потому что наступила угроза наводнения»³⁰.

В первом примере модальное слово *видимо* свидетельствует об аргументирующей позиции автора, который делает вывод о том, что вуз КФУ «является самым честным» исходя из того, что он «платит за публикацию научных статей через систему госзакупок». Представленные в предикативных частях ситуации получают статус «причины» и «следствия» в субъективной интерпретации автора высказывания, который таким образом выражает иронию в отношении вузов, стремящихся повысить свой рейтинг за счет увеличения количества публикаций, не заботясь об их качестве. Во втором примере в рамках предложения помимо союза *потому что* нет маркеров, позволяющих определить характер и направление причинной зависимости. Но в контексте автор прямо указывает на путаницу между причиной и следствием, которую дети допускают при составлении данного сложноподчиненного предложения. Хотя подобных примеров совсем немного, они представляют интерес в аспекте логического анализа языка, поскольку иллюстрируют свойство

союза потому что, в числе других функциональных союзов, не просто закреплять те или иные отношения, а как бы создавать их [11: 6]. Заметим также, что при оформлении отношений логического обоснования невозможно использование расчлененной формы потому что, которая, как мы говорили выше, прямо указывает на причину, актуализирует ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, продуктивность союзного средства потому что в публицистическом стиле обусловлена не столько его однозначностью, стилистической нейтральностью и общеупотребительностью, сколько той важной ролью, какую играют средства каузации в организации дискурсивных практик.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы С. 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения 30.04.2019).
- ² Кураев А. Трудное восхождение // Новый мир. 1993. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/pouy1_mi/1993/6/akuraev.html (дата обращения 15.06.2019).
- ³ Углов Ф. Г. Человеку мало века. С. 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (дата обращения 25.04.2019).
- ⁴ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.li-edu.ru/e-books/xbook089/01> (дата обращения 12.07.2019); Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. С. 399; Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1015483> (дата обращения 27.06.2019).
- ⁵ Кураев А. Указ. соч.
- ⁶ Латынина Ю. Тройное преступление «Игры Престолов» // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/26/80655-troynoe-prestuplenie-igry-prestolov> (дата обращения 25.06.2019).
- ⁷ Сёмин К. Указ. соч. С. 24.
- ⁸ Углов Ф. Г. Указ. соч. С. 23.
- ⁹ Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. С. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rubooks.net/book.php?book=7351> (дата обращения 20.04.2019).
- ¹⁰ Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. С. 69 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения 10.05.2019).
- ¹¹ Заякин А., Шмагин А. Пиши, Емеля // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/20/80297-pishi-emelya> (дата обращения 20.05.2019).
- ¹² Азар И. Россия – восставшее государство, которое пытается прыгнуть выше головы // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/25/80642-rossiya-vosstavshee-gosudarstvo-kotoroe-pyataetsya-prugnut-vyshe-golovy> (дата обращения 25.05.2019).
- ¹³ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 415.
- ¹⁴ Арсюхин Е. Юпитер как бы намекает, что наше время истекает // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ural.kp.ru/daily/26980/4039183/> (дата обращения 30.05.2001).
- ¹⁵ Сёмин К. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁶ Матвеева Т. В. Указ. соч. С. 297.
- ¹⁷ Полухина В. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ Союзное вече. 2015. № 11 (602). 26 марта – 1 апр.
- ¹⁹ Сёмин К. Указ. соч. С. 18.
- ²⁰ Полухина В. Указ. соч. С. 16.
- ²¹ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 75.
- ²² Сёмин К. Указ. соч. С. 6.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Углов Ф. Г. Указ. соч. С. 1.
- ²⁵ Полухина В. Указ. соч. С. 20.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 51.
- ²⁸ Полухина В. Указ. соч. С. 5.
- ²⁹ Голубицкий С. Оси для людей // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/27/80670-osi-dlya-lyudey> (дата обращения 27.05.2019).
- ³⁰ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрамонова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 176 с.
2. Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 30.06.2019).
3. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.
4. Беляевцева И. В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/index/0-133> (дата обращения 23.06.2019).

5. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития проповедника Аввакума // Русская речь: Сб. ст. / Под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. С. 195–293.
6. Галкина Н. П. О продуктивности использования союзных средств в причинных сложноподчиненных предложениях в научном стиле русского языка // Социально-гуманитарные и экономические науки. ХХI век: Материалы (сборник статей участников) Всерос. науч.-практ. конф. Магадан, 2012. С. 248–251.
7. Галкина Н. П. Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. Основной выпуск. № 3. С. 144–146.
8. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
9. Голубева Н. А., Зуева Е. В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017. № 40. С. 20–32. DOI: 10.17223/19996195/40/2
10. Дружинина С. И. Сложноподчиненные предложения с конкретичным значением причины и следствия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/2._SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (дата обращения 09.06.2019).
11. Ильинко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения. Л., 1976. 32 с.
12. Кикевич А. К. Зачем повторяют слова? // Русская речь. 2013. № 2. С. 37–45.
13. Япон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
14. Пекелис О. Е. Причинные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 13.07.2019).
15. Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 03.07.2019).
16. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.
17. Солганик Г. Я. Стилистика текста. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
18. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 230 с.
19. Теремова Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. 72 с.
20. Урысон Е. В. Союзы, коннекторы и теория валентностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf> (дата обращения 24.06.2019).
21. Ширяев Е. Н. Отношения логической обусловленности: способы выражения и их распределение по сферам языка // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1991. С. 165–238.

Поступила в редакцию 04.07.2019

Natalia P. Galkina, PhD in Philology, Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko (Kostroma, Russian Federation)
gnpav@mail.ru

CONDITIONS OF FUNCTIONING FOR THE CONJUNCTION *ПОТОМУ ЧТО* IN PUBLICISTIC TEXTS

The article presents the results of the structural-semantic and statistical analysis of complex sentences with the conjunction *потому что* in the context of their functioning in publicistic texts. The study is conducted in the framework of the study of the expression of conditional relationships by complex sentences in the works of academic and publicistic literary styles. Among the conjunctions marking causal relationships, the studied conjunction is considered to be the most commonly used, stylistically neutral, conveying a common causal meaning. In application to the functional styles, in contrast to the low usage of this conjunction in academic texts its high productivity in publicism was found out – almost half (48 %) of the complex causal structures under the study are framed by the conjunction *потому что*. The results of the analysis show that such high productivity is ensured by the fact that this linking device has a wide syntactic potential: compatibility with particles, coordinating conjunctions and other actualizers, as well as the possibility of the dissected and even separate use of its elements in the main and subordinate clauses of a sentence. Such a modification of the conjunction *потому что* serves to clarify the various causal relationships conveyed in publicistic works, and in certain situations its use is perhaps the only possible one. In addition, the conjunction *потому что* prevails in the formation of parallel and parcel causal structures which contribute to the implementation of expressive and influential functions of publicistic style. In general, from the whole list of the constructions under consideration being framed by *потому что*, the sentences in which it functions in an uncomplicated or unmodified form take smaller percentage. Thus, the productivity of the conjunction *потому что* in publicistic style is due not so much to its neutral semantics and common usage as to the wide syntactic capacity of this linking device.

Keywords: semantics, syntactic possibilities, causal relations, conjunction *потому что* (*because*), modification, actualizer, parcelling, parallelism, publicism

Cite this article as: Galkina N. P. Conditions of functioning for the conjunction *потому что* in publicistic texts. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2020. Vol. 42. No 1. P. 56–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.433

REFERENCES

1. Andramonova N. A. Compound sentences expressing adverbial relations in the modern Russian language. Kazan, 1977. 176 p. (In Russ.)

2. A presyan V. Yu., Pekelis O. E. Subordinate conjunctions. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. Available as a manuscript. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 06.30.2019). (In Russ.)
3. Bednarskaya L. D. A complex sentence in the language of Russian lyric poetry of the XIX and the XX centuries. Orel, 2012. 391 p. (In Russ.)
4. Belyavtseva I. V. Place of connectors in the system of means of expression of cause-effect relations (based on the Russian and German languages). *Language, communication and social environment*. Voronezh, 2008. Available at: <http://lse2010.narod.ru/index/0-133> (accessed 23.06.2019). (In Russ.)
5. Vinogradov V. V. On the problems of stylistics. Observations on the style of *The Life of the Archpriest Avvakum. Russian Speech: Collection of articles*. (L. V. Shcherba, Ed.). Petrograd, 1923. P. 195–293. (In Russ.)
6. Gal'kina N. P. The efficiency of using conjunction means in causal complex sentences in the scientific style of the Russian language. *Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference “Social, Humanitarian, and Economic Sciences. XXI Century”*. Magadan, 2012. P. 248–251. (In Russ.)
7. Gal'kina N. P. Functional and stylistic adaptation of causal conjunctions in the scientific style of the Russian language. *Vestnik of Kostroma State University*. 2013. Vol. 19. Main Issue. No 3. P. 144–146. (In Russ.)
8. Gvozdev A. N. Essays on the style of the Russian language. Moscow, 1965. 408 p. (In Russ.)
9. Golubeva N. A., Zueva E. V. The concept of connector in linguistics. *Language and Culture*. 2017. No 40. P. 20–32. (In Russ.). DOI: 10.17223/19996195/40/2
10. Druzhinina S. I. Complex sentences with a syncretic meaning of cause and effect. Available at: http://www.rusnauka.com/2_SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (accessed 06.09.2019). (In Russ.)
11. Ilyenko S. G. A complex sentence in modern Russian. Typology of complex sentences. Leningrad, 1976. 32 p. (In Russ.)
12. Kiklevich A. K. Why repeat the words? *Russian Speech*. 2013. No 2. P. 37–45. (In Russ.)
13. Lyapon M. V. The semantic structure of a complex sentence and text. The typology of intertextual relations. Moscow, 1986. 200 p. (In Russ.)
14. Pekelis O. E. Causal clauses. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. Moscow, 2015. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 13.07.2019). (In Russ.)
15. The project of corpus description of Russian grammar. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 03.07.2019). (In Russ.)
16. Russian grammar. In two vols. Vol. 2. Syntax. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Moscow, 1980. 714 p. (In Russ.)
17. Solganik G. Ya. Stylistics of the text. Moscow, 2001. 256 p. (In Russ.)
18. The theory of functional grammar. Locality. Existentiality. Possessiveness. Conditionality. (A. V. Bondarko, Ed.). St. Petersburg, 1996. 230 p. (In Russ.)
19. Tereanova P. M. Experience in the functional description of causal structures. Leningrad, 1985. 72 p. (In Russ.)
20. Uryson E. V. Conjunctions, connectors and valence theory. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf> (accessed 24.06.2019). (In Russ.)
21. Shiryaev E. N. Relationships of logical conditionality: methods of expression and their distribution in language spheres. *Grammar studies. Functional and stylistic aspect. Morphology. Word formation. Syntax*. Moscow, 1991. P. 165–238. (In Russ.)

Received: 4 July, 2019

НИНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

markova_nina@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ ЗАОНЕЖСКОГО ДИАЛЕКТА

Впервые представлена морфосинтаксическая система заонежского диалекта, оказавшегося вне зоны централизованного изучения русских народных говоров; предложен список выявленных морфологических и синтаксических различий; в сопоставлении с данными современной лингвогеографии отмечены специфические структурные и функциональные черты заонежских диалектных словоформ и конструкций. Актуальным представляется анализ еще не публиковавшегося материала XXI века, позволяющий определить некоторые тенденции в развитии грамматической системы на рубеже веков. На морфологическом уровне отмечается ослабление роли флексий: синкетизм падежных форм у существительных, популярность стяженных окончаний прилагательных и глаголов. Активно используемый северо-западный перфект представлен в диалекте двумя типами синонимичных конструкций – причастных и деепричастных. На уровне простого предложения сохраняется конкуренция именительного и родительного падежей в роли объекта и субъекта.

Ключевые слова: русские народные говоры, лингвогеография, заонежский диалект, морфологические и синтаксические диалектные различия, северо-западный перфект, объектный номинатив, субъектный генитив

Для цитирования: Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

ВВЕДЕНИЕ

Заповедное Заонежье, сохранившее для потомков русский былинный эпос и причитания, сопровождавшие крестьянина от свадьбы до похорон, удивительные деревянные церкви, часовни, продуманные до мелочей добротные избы, осталось за границей диалектного членения 1964 года. Несмотря на то что говоры Заонежья неизменно вызывают научный интерес, изначально связанный с изучением фольклора – П. Н. Рыбников записанную им и в Олонецкой губернии богатейшую коллекцию былин сопроводил серьезным лингвистическим комментарием [17]; несмотря на труды А. А. Шахматова [21], Ф. П. Филина [20], И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко [8], В. И. Трубинского [19], содержащие наблюдения над говорами этого края; несмотря на многочисленные диалектологические экспедиции под руководством преподавателей петрозаводских вузов, до сих пор нет монографического описания грамматической системы заонежского диалекта. Фундаментальные лингвогеографические исследования русских народных говоров позволяют выявить особенности в реализации морфологических и синтаксических различий на территории, оказавшейся вне зоны целенаправленного системного многолетнего изучения.

Заонежский диалект начала XXI века¹, объединяющий говоры Толвуи, Кузаранды, Великой Губы, Великой Нивы и др., сохраняет грамматические черты, отмеченные исследователями

еще в XIX и XX веках. В своем обзоре мы придерживаемся дифференциального принципа, отмечая лишь собственно диалектные различия уровня морфологии и синтаксиса, теснейшим образом взаимосвязанных. В настоящей работе предлагается список выявленных в диалекте грамматических различий (см. табл. 1 «Морфологические особенности заонежского диалекта» и табл. 2 «Синтаксические особенности заонежского диалекта») с комментарием некоторых из них.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Синкетизм падежных форм существительных

В говорах Заонежья собственно диалектным оказывается синтаксис форм им. падежа существительных разных типов склонения. Так, формы на *-а* в функции вин. падежа предлагается рассматривать как особый, объектный, падеж [1: 35], пусть и небезразличный к форме глагольного компонента. О постепенном исчезновении так называемого объектного падежа в говорах свидетельствует использование форм на *-а* в соответствии практически с любым косвенным падежом: родительным определения (*колбаса палка* ‘палка колбасы’; *было все время черника варенье Кузаранда*), составляющим грамматическую особенность русской разговорной речи [6: 255]; дательным адресата: *мама помогать*, другими косвенными объектами: *у Тамара страшивала; посмотри на нога*, а также

в роли обстоятельства: *живу в Великую Губу*. Объектный номинатив одушевленных существительных мужского рода (*поймали лисенок*),

отражающий этапы становление категории одушевленности, в Заонежье встречается крайне редко.

Таблица 1. Морфологические особенности заонежского диалекта
Table 1. Morphological features of the Zaonezhye dialect

№	Морфологические диалектные различия	Территория фиксации по данным лингвогеографии	Источники
1	Имя существительное		
1.1	Синкетизм падежных форм существительных 1-го склонения в ед. числе: Р. п. = Д. п. = П. п.: <i>от сестры – к сестры – о сестры</i>	Северо-западная зона, архангельские говоры	[16: 39]
1.2	Флексия <i>-у</i> в пр. падеже существительных 2-го склонения: <i>на каблуку, на столику</i>	Юго-западная зона: брянские, курские; поморские, заонежские	[3: 75, 31]
1.3	Предлог <i>с</i> в соответствии с предлогом <i>из</i> с род. падежом существительных: <i>с ямы, с Москвы</i>	Западная зона; поморские	[5: 244]; [16: 50]
1.4	Предлоги <i>мимо, подле, около</i> с вин. падежом: <i>мимо дом</i>	Северная зона; поморские	[16: 39]
1.5	Пропуск предлога <i>в</i> с пр. падежом: <i><в> Медгоре жисут</i>	Северорусские: Прионежье, Приладожье, подпорожские, лодейнопольские; кандалакшские, беломорские, белозерские	[15: 87]
1.6	Формы им. падежа мн. числа существительных ж. рода с суф. <i>ј</i> и окончанием <i>-а</i> : <i>березья, жердья</i>	Северное наречие; западные среднерусские окающие – гдовские Онежская подгруппа	[5: 270]; [16: 50]
1.7	Омонимия форм мн. числа в дат. и тв. падежах: <i>ддум старухам</i>	Северное наречие; вологодские	[16: 46]
1.8	Флексия тв. падежа существительных во мн. числе <i>-амы</i> сущ.: <i>с худыми руками; с худыми руками</i>	Онежские говоры	[16: 50]; [5: 270]
1.9	Флексия <i>-ама</i> тв. падежа существительных во мн. числе: <i>своими руками</i>	Онежские говоры	[5: 270]
2	Имя прилагательное		
2.1	Формы род. падежа муж. рода: <i>нового – нового</i>	Онежские говоры; заонежские	[16: 95]; [4: 385–387]
2.2	Стяженные окончания ср. и ж. рода в им. и вин. падежах: <i>стары люди; замне время; така жизнь</i>	Заонежские Северное наречие	[18: 19]; [16: 87, 89]
2.3	Метоименное прилагательное <i>тая</i>	Западная зона	[5: 270]
3	Местоимение-существительное		
3.1	Местоимения <i>йон, йона, йоно, йоны</i>	Западная зона; Онежские говоры	[5: 270]
3.2	Форма вин. п. 3 л. ж. рода <i>йу</i>	Онежские	[5: 270]
4	Глагол		
4.1	Формы <i>есте, ѿе</i> ‘есть’	Северная зона	[16: 39]
4.2	3 л. ед. и мн. число без <i>-т</i> : <i>он делае, они сидя</i>	Западные среднерусские окающие говоры; северо-западная диалектная зона; онежские	[16: 39, 51]
4.3	Стяженные окончания 3 лица ед. числа: <i>знат, делат</i>	Владимиро-половые говоры	[16: 71]
4.4	3 л. ед. и мн. число <i>-т</i> : <i>несётъ, несуть</i>	Южное наречие; Заонежье	[4: 377]
4.5	Формы нсв. в. <i>видывал, хаживал, бывал</i>	Поморские	[16: 49]
4.6	Ударение у глаголов пр. вр. ж. р.: <i>ткала, брала, звала, взяла, дала</i> и др.	Онежские; северо-западные говоры	[5: 270]; [16: 39]
4.7	Давнопрошедшее время: <i>был ушел</i>	Поморские	[16: 49]
4.8	Причастные перфектные формы от непереходных глаголов: <i>уйдено, в т. ч. возвратных: жененось</i>	Западные средне- и северорусские говоры; западная часть северорусских говоров	[7: 140]

В заонежском диалекте общерусские формы род. падежа на *-ы* (*нет воды*) и диалектные формы на *-ы* дат. (*Нины некогда было ехать Великая Губа; стала помогать мамы Кузаранда*) и пр. падежей (*в кузнице, в Москве, на войны, на Украины; в будки, в Америки*) существительных 1-го склонения различаются лишь на функциональном уровне, что объединяет его с другими говорами северо-западной диалектной зоны [16: 39]. По-видимому, шире, чем в других говорах, здесь наряду с безусловно преобладающим окончанием *-а* род. падежа существительных 2-го склонения употребляется флексия *-у* (с предлогами и без предлогов): *голосу нету; дому почти не было: ни крыши, ничё не было; купить хлебу Фоймогуба; ото льду очищали; тоже ремонту порядочно надо Кузаранда*. Отмечается изредка эта флексия и в формах вин. падежа: *суду смотрю; делали сватовству Великая Губа; дак этова гулянью такое празднують Кузаранда*. Таким образом, омонимичными оказываются формы род., вин. и пр. (*в ящику где-то есть*) падежей существительных 2-го склонения. Диалектные предложно-падежные формы связаны с заменой одного предлога на другой (*в//на*) или их пропуском (*вот <в> воскресенье пекла Великая Губа; пана <в> школу не сунут был Фоймагуба*). Так, при явном преобладании вин. падежа с предлогом *на* регулярно встречаются диалектные формы вин. падежа с предлогом *в*: *ходили в маслозавод Кузаранда; ездила в остров Великая Губа*. Здесь же фиксируются характерные для северного наречия [16: 39] формы вин. падежа с предлогами *о, около: о берег проходит* (дорога) ‘по берегу проходит’ Кузаранда; *около прилавок Великая Губа*. В пр. падеже отмечается замена одного предлога на другой: *на хлеву жили; люди работают тут на разном, не только на совхозе Фоймогуба; на сенях Великая Губа*.

В современном заонежском диалекте достаточно заметны аналитические тенденции, проявляющиеся в омонимии падежных форм род., дат., пр. падежей существительных 1-го и 2-го склонений в ед. числе: *без воды, к воды, на воды; из земли, к земли, на земли; из городу, к городу, в городу*. В русле этой тенденции, по-видимому, оказывается некоторая свобода замены одного предлога на другой (*на хлеву, в остров*) и, конечно, их пропуск (*у нас <в> комнаты жарища Великая Губа*).

Диалектные окончания прилагательных

Наиболее броские диалектные формы прилагательных – стяженные окончания, характерные в целом для севернорусского наречия [16: 87, 89]. На эту морфологическую особенность говоров Заонежья впервые в середине прошлого столетия обратила внимание Н. И. Скуратова, отметив их широкое (наряду с полными фор-

мами) употребление [18: 19]. Стяженные окончания женского рода и мн. числа используются как в предикативной функции, так и в роли определения: *мы больши да велики; а пензюю совсем маленьку получила Кузаранда; он давал розову таблетку; лето цело нету отыху Фоймогуба*. Как и в середине прошлого века, в настоящее время в Заонежье стяженные окончания в им., вин. падежах могут иметь прилагательные всех лексико-грамматических разрядов: *карельска деревня Великая Губа; медны ямы были Толвуя; осталась стара бабушка Великая Губа; я и сёстра сама меньши; в первую очередь Фоймогуба; погода сиодня никака Толвуя*. Субстантивы сохраняют диалектные окончания: *в столову ходила на работу; возили в Песчано Кузаранда; его забрали и расстреляли, русьски Великая Нива*.

Крайне редко стяженное окончание встречается у прилагательных в род. падеже: *ну дошкольна возраста [о мальчике] Кузаранда*. Им противостоят диалектные архаические окончания род. падежа прилагательных в ед. числе, произносимые как *[-ого] ([-ою])*, известные всем современным онежским говорам [16: 95], которые нередко можно услышать у старшего поколения заонежан: *дорос до солидного возраста; до определённого места Кузаранда; высказывались всё у клуба этого, этой церкви Фоймогуба*. Противостоят тенденции на стяжение и членное местоименное прилагательное *тая* (реже *тое*): *вот тая порода приезжала к нашим Великая Губа, также употребляемое во всех говорах онежской группы [5: 270]*.

Регулярность стяженных окончаний прилагательных в диалекте находит поддержку, на наш взгляд, со стороны активно используемых кратких страдательных причастий (*молоды все уеханы*).

Временные глагольные формы

Особое развитие в заонежском диалекте получила система времен глагола. Здесь сохраняется давнепрошедшее время, глубокая старина проявляется в формах настоящего времени. При этом Заонежье стало, если можно так сказать, лабораторией по выработке причастного и деепричастного перфекта.

К одним из древнейших относятся формы 3-го лица без *т*. В заонежском диалекте, принадлежащем онежской группе, где отмечаются формы 3-го лица ед. числа без *т* [16: 51], еще можно услышать: *ну, спрашивайте, бабка ведь так не зна Великая Губа; ему сорок девятый иде Великая Нива; сирень-то цветя Кузаранда*.

При безусловном преобладании общерусских форм настоящего времени в заонежском диалекте фиксируются стяженные окончания 2-го и 3-го лица ед. числа и спорадически 1-го лица мн. числа: *таскам Великая Губа; думашь, знашь Фоймогуба; помогат маленько, работат Кузаранда*.

В заонежском диалекте фиксируются формы давнопрошедшего времени, известные севернорусским, в частности поморским, говорам [16: 49]: *я была с лагеря приехала туда в Ламба; то были еще между собой-то скандалили, что мало достается травы-то косить было; в колхозе-то как были следили как-то большие все получше было; на похороны-то она была приходила Фоймогуба.*

По-видимому, следы давнопрошедшего времени можно отметить в тех случаях, когда бытыйный глагол используется в застывшей форме среднего рода: *я сразу работала было бригадиром Толвуя; тут еще дом сгорел было; ферму было раскурочили Кузаранда; а раньше было вело тут праздновали Фоймогуба.* Отсутствие координации подлежащего со сказуемым на *-ло*, отмеченное Ф. П. Филиным [20: 460], до сих пор фиксируется в заонежских говорах: *лось бывало; чашка и сахар стояло Кузаранда.*

Однако наиболее выразительными в Заонежье стали причастные и деепричастные формы глагола, которые формируют северо-западный перфект. Экзотическими являются краткие квазистрадательные причастия прошедшего времени, образованные от непереходных, в том числе и возвратных, глаголов: *уйдено, придено, жененось* и др. Деепричастные формы с суффиксами *-вши, -ши* в заонежских говорах сохраняют возвратность: *больница уж открывшись тут была; одни женщины оставшись были Великая Губа.* Предикативные причастные и деепричастные формы создают ряд синтаксических диалектных различий.

Как видим, в говорах Заонежья в основном представлены черты севернорусского наречия, в своих морфологических особенностях диалект близок другим русским говорам северо-западной зоны, при этом здесь причудливо сошлись особенности разных русских говоров, что обусловлено историей образования самого заонежского диалекта [2]. В говорах действуют общие для национального языка законы, которые приводят порой к эффектным результатам. Сильными оказываются здесь аналитические тенденции, которые приводят к многофункциональности номинатива, синкетизму косвенных падежей, утрате предлогов. Особой сложностью отличается система времен глагола: на смену затухающим архаическим формам давнопрошедшего времени (*была работала*) приходят перфектные, результативные (*у него уйдено*). Нельзя не заметить специфическую заонежскую особенность – редукцию флексий. Возможно, ярчайшая фонетическая особенность этого диалекта – фиксированное на первом слоге ударение – способствует сохранению древних глагольных форм (*иде*), стяжению окончаний имен (*каждын вёсну*) и глаголов (*знат*).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Изучение синтаксиса заонежского диалекта связано с именами А. А. Шахматова, Ф. П. Филина, И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, В. И. Трубинского. Синтаксическим особенностям диалекта посвящена диссертация Т. Г. Доля², много лет руководившей диалектологической практикой студентов ПетрГУ. В настоящее время севернорусские синтаксические явления, с особой выразительностью преломленные в Заонежье, получают освещение в работах сравнительно-исторического [7], [8], [10] и структурно-типологического [9], [13], [22], [23] направления. К наиболее ярким особенностям функционирования синтаксических различий в заонежском диалекте относятся вариативные формы выражения субъекта и объекта действия, а также синонимия перфектных причастных и деепричастных конструкций.

Диалектные способы выражения прямого объекта

В говорах Заонежья зафиксированы собственно диалектные формы прямого объекта при переходном глаголе – объектный (им.) и род. падежи, употребление которых в какой-то степени связано с формой глагольного компонента, семантикой глагола и имени, хотя, при доминировании в говорах общерусского вин. падежа, все три объектные формы находятся в отношениях варьирования и синонимии.

Конструкции типа *косить / кошу трава*

Глубоко архаические глагольные конструкции с формами на *-а* прямого дополнения здесь получают своеобразное развитие. При сохранении изначально инфинитивных единиц (*тут дорога перейти и всё Толвуя*), которые количественно уступают безличным предложениям с инфинитивом, зависящим от предикатива (*надо баня топить; неможно справка дать*), широко употребительным в севернорусских говорах XIX века, и, видимо, ранее, в Заонежье объектный номинатив, как будто избегая двойного номинатива, вовлекается практически во все типы односоставных глагольных предложений: определенно-личные *лей вода побольше Шуньга; неопределенно-личные курица держат Великая Нива; вон музыка включат Кузаранда; обобщенно-личные прялка такая деревянная так вот кладешь Кузаранда.* Лишь изредка форма на *-а* фиксируется в двусоставных предложениях: *я нога поморозила; а рыба они выловят Кузаранда.* При этом упомянутое ранее использование формы на *-а* в позиции любого косвенного падежа свидетельствует о постепенном ее нивелировании.

Объектный номинатив одушевленных существительных других типов склонения в ед. и мн. числе (*я лисенок поймал; никто не пускал жители Кузаранда*) не получил большой поддержки

Таблица 2. Синтаксические особенности заонежского диалекта
Table 2. Syntactical features of the Zaonezhye dialect

№	Диалектные различия	Территория фиксации по данным лингвогеографии	Источник
1	Формы существительных на <i>-а</i> в функции прямого объекта: <i>косить /кошу трава</i>	Севернорусские говоры за исключением костромских, южной части белозерских, юго-западной части вологодских; поморские; онежские	[7: 7–8] [16: 49, 95]
2	Объектный номинатив одушевленных существительных: <i>поймал лисенок; нанимали музыканты</i>	Западная часть псковских и западная группа южнорусского наречия	[7: 25]
3	Род. падеж прямого объекта: <i>косить травы; здымать самовара</i>	Севернорусские и часть среднерусских (новгородские и владимиро-поморские)	[7: 29]
4	Им. падеж числительного + им. падеж существительного в ед. числе: <i>двенадцать год</i>	Заонежские Ср.: западные южные говоры: им. падеж числительного + им. падеж существительного во мн. числе: <i>Два мужики</i>	[16: 53]
5	Отсутствие координации подлежащего и сказуемого на <i>-ло</i> : <i>школа было</i>	Севернорусские: ярославские, ладого-тихвинские, новгородские, псковские	[20: 460]
6	Форма им. падежа существительных на <i>-а</i> при предикативе: <i>надо вода</i>	Севернорусские, за исключением костромских; среднерусские и южнорусские на западе	[7: 109, 126]
7	Субъектный генитив в глагольном предложении: <i>медведей есть</i>	Западная часть северного наречия, особенно онежские, ладого-тихвинские, белозерско-бежецкие; северная диалектная зона; онежский диалектный тип	[7: 109, 114–115]; [16: 39, 95]
8	Предложения с прич. на <i>-ии</i> : <i>я была выучившись; лес зазеленевши</i>	Севернорусские и западные среднерусские говоры, от восточного побережья Онежского озера до Белгорода; западная диалектная зона; новгородский, ярославский диалектный тип	[7: 135, 115, 172]; [16: 91, 104]
9	Полные формы страдательных причастий прошедшего времени в предикативной функции: <i>дом был купленный</i>	Южнорусские, северо-западные, особенно гдовские и к западу от Онежского озера	[10: 92–93]; [8: 284–294]
10	Страдательно-безличный оборот с причастиями на <i>-но, -то</i> от переходных глаголов с им./вин. и род. падежом: <i>У меня вода / воду принесено; принесено воды</i>	Севернорусские, кроме костромских и южной части вологодских; западные среднерусские: псковские, новгородские, западная часть селигеро-торжковских, поморские	[7: 135, 136]; [16: 40, 49, 66]
11	Двусоставное предложение с предикативным причастием на <i>-но, -то</i> : <i>шоффр был выпито</i>	Заонежье	[12: 141]
12	Предложения с предикативными причастиями, образованными от непереходных глаголов, и разными способами выражения субъекта действия: <i>уйдено; жененось; у него уйдено; нам привкнуто; всех уехано</i>	Западные среднерусские и севернорусские говоры, за исключением костромских и южных вологодских говоров	[7: 139–140]; [12]
13	Двусоставные предложения с предикативным причастием с суффиксами <i>-н-, -т-</i> от непереходных глаголов: <i>она выученось</i>	Заонежье, псковские, новгородские, вологодские говоры	[8: 83]
14	Предложения с грамматической основой – образованиями на <i>-ность</i> от возвратных глаголов: <i>у нее в Толице устроеность</i>	Заонежье	[12: 140–141]
15	Двусоставные отрицательные предложения: <i>работа нет; химикаты не были</i>	Верховье Камы, северо-восток Сибири, некоторые местности Карелии	[7: 122]

и отмечается в диалекте крайне редко, что противоречит утверждениям о прибалтийско-финском влиянии – субстратном и даже заимствованном происхождении конструкций типа *косить трава* [24: 220].

Конструкции типа *косить травы, петь песен*

Если объектный номинатив теряет свои позиции под влиянием нормативной грамматики и аналитической стихии, то генитив успешно конкурирует с вин. падежом объекта. В диалекте глаголы несовершенного вида свободно управляют род. падежом: *кошу травы, собирали ягод, бережет живота*. Таким образом, непол-

нота охвата объекта и незавершенность действия оказываются взаимосвязанными. Дело в том, что в заонежском диалекте, как и в других севернорусских говорах, управление род. падежом прямого объекта (наряду с вин.) сохраняют глаголы конкретного физического действия, восприятия, мысли, речи и др. (*рубить дров, здымать самовара, говорить пустяков, петь песен*), которые в современном литературном языке такую вариативность утратили [10: 120]. Интересно, что заимствованные из карельских говоров глаголы, с одной стороны, калькируют управление партитивом – род. падежом неполного объективирования, с другой стороны, оказываются

под влиянием русских глаголов близкой семантики: *вярандали пустого – говорили пустяков*.

Глагольные конструкции с субъектным генитивом

Некоторое своеобразие присуще предложениям с субъектным генитивом. В Заонежье, как и в других северорусских говорах, широко представлены глагольные конструкции, утверждающие существование, наличие чего-то в большом количестве: *А таких было сказителей, бывало дак сплошь и рядом Кузаранда*. При этом генитив в заонежских говорах может указывать на неопределенное количество чего-либо: *туда не стало людей ходить Кузаранда*. Более того, в заонежском диалекте спорадически встречаются предложения с род. падежом конкретного существительного, лишенного идеи количества: *самовара есть; пустыря как будто будет; есть у ей гостя такого?* Кузаранда. В данных случаях в предложениях с вопросительной и ирреальной модальностью род. падеж выражает неопределенность субъекта.

Двусоставные отрицательные конструкции

Интересно, что в кузарандском говоре сосуществуют диалектные односоставные утвердительные бытийные и двусоставные отрицательные предложения: *есть подружек – все подружки нету*. Грамматическим вариантом общерусского односоставного отрицательного предложения (*нет работы*) в заонежском диалекте (в одном из говоров) еще встречаются, хоть и крайне редко, архаические двусоставные отрицательные конструкции: *невеста еще, верно, нету, где невеста?*; *сказали, что нет работа; все подружки в живых нету* Кузаранда. Если не тождественность, то семантическая близость общерусских и диалектных предложений (*работы нет ≈ работа нет*) способствует вытеснению последних из речи жителей деревни, о чем свидетельствует нерегулярность диалектных отрицательных предложений [11].

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Внимание на сосуществование в заонежском диалекте двух перфектных конструкций – деепричастных и причастных – обратили Т. Г. Доля³ и И. Б. Кузьмина [8: 146], «зоной столкновения двух перфектов» назвал Заонежье В. И. Трубинский [19: 182]: *я была этого выйдевши замуж; они как-то из дома уехавши были; дак сын уехачи и один живет Великая Губа – вот там было жененось у него; вылезла замуж, но рановато у ней выйдено; у него утром приехано Кузаранда*. На протяжении XX века исследователи отмечают, что, несмотря на более широкие возможности деепричастного перфекта, субъект которого может быть и неодушевленным существительным (*выцветши коричнева така*

фуфайка Великая Губа), заонежане предпочтение отдают причастному перфекту. Субъектный датерминант *у + род. падеж* является главным распространителем причастных диалектных конструкций, как безобъектных, так и с разными формами объекта. Предложно-падежная форма не всегда сохраняет посессивность, ср.: *но заявление подано у населения этому, в церкви-то самый главный Толвуя; это у дочки было подарено мне Сенная Губа; а эти прялицы у меня в музей сданы; морда вся съедена у комаров Кузаранда*. В собственно диалектных предложениях с объектом в вин. падеже залоговое значение страдательных причастий приглушается: *у него дорогу перейдено Вороний Остров; а вот картошку у Тани посажено Кузаранда*. Квазипассивными назвал такого типа конструкции В. И. Трубинский [19: 111]. Преодоление страдательности ярко проявляется и в двусоставных предложениях с предикативными причастиями переходных глаголов в абсолютном значении: *а шофер был выпито Кажма; я была окончено б месяцев курсы на медсестру; я куплено одеколон, купила Кузаранда*.

Наибольший интерес представляют частотные в Заонежье предложения с причастиями от непереходных глаголов. Образованные преимущественно от глаголов движения, псевдострадательные причастия выражают результат действия субъекта, который может быть обозначен разными падежными формами существительного. Самым распространенным способом является датерминант *у + род. падеж*. Посессивное для общерусского языка, в говорах сочетание лишено идеи обладания чем-либо, а называет чистого агента. В. И. Трубинский на этом основании отмечает особую, равную подлежащему, значимость его в конструкциях типа *у него жененось* [19: 149]. Как факт «расширения сферы употребления сочетания *у + род. падеж* от выражения значения лица, являющегося реальным производителем действия, агентом, до выражения значения предмета» расценивает пример *у дожжа быто* В. А. Матвеенко [14: 125]. И в Заонежье зафиксирован за полвека еще один пример с неодушевленным существительным *у цветов совсем засохнуто Кузаранда*. На рубеже веков в Заонежье используются разные способы выражения субъекта действия в причастных оборотах при сохранении наиболее употребительного *у + род. падеж*: *у девок иных не выйдено замуж Сенная Губа; в 21 году у него к финнам было перейдено от русских; у всех уйдено, думаю Толвуя*. Изредка встречается, не без влияния широко употребляемого в глагольных предложениях типа *медведей есть*, субъектный генитив: *милиции было наехано за порядком следить Великая Губа*. Немногочисленны примеры с дат. падежом субъекта: *привыкнуто мне работать тяжело Сенная Губа*. Крайне редко фиксируется

форма тв. падежа: *мной туды перейдено* Кузаранда.

Синтаксической особенностью рассматриваемого диалекта являются регулярно употребляемые в говорах двусоставные предложения с номинативным подлежащим и причастиями на *-н-*, *-т-* без координации и с координацией главных членов:

они-то этого уехано; Сережка тоже было падено с этого причала; ну я сама не записанась была Толвуя; мы были перееханы в 39 году; два сына уехано в Питер Шуньга; внуки выйдены замуж; невеста-то не очень, не привыкнута; эта Катя с города приехана; да в город потом я была съехана; я была привыкнута; ну я сама не записанась была. Кузаранда.

При этом надо признать, что не все носители диалекта используют двусоставные перфектные конструкции. Интересно, что в материалах Т. Г. Доля середины XX века предложения такого типа в Заонежье не зафиксированы. А уже в восьмидесятые годы в Кузаранде отмечены двусоставные предложения без координации и с координацией главных членов: *внук уехано в Петрозаводск; он спотета; гостя придано; я была выйдена замуж на 19 году* [12]. Субъектный номинатив становится все более употребительным в перфектных конструкциях с причастиями на *-н-*, *-т-*, образованных от не-переходных глаголов и не предполагающих страдательного элемента значения (*мы перееханы, он жененось*). Безусловно, его утверждение происходит как под влиянием двусоставных обще-русских предложений с финитным глаголом (*мы переехали*), так и деепричастных (*мы переехавши, он женившись*).

С таким богатым выбором форм субъекта действия – род. – дат. – тв. – им. падежи – причастные конструкции не зафиксированы в других онежских говорах. Это отражает, если можно так сказать, поиск грамматической системой на ограниченной территории наиболее адекватного выражения агента в перфектном обороте.

Особого внимания заслуживает фиксируемая исключительно в Заонежье группа предложений, грамматическую основу которых составляют образования на *-ность*, *-тость*, мотивированные возвратными глаголами: *у ней выученость на бугалтера; а тут выходит, что у них разойденость* Кузаранда. Здесь отчетливо проявляется посессивное значение сочетания *у + род. падеж* (ср.: *у нас договоренность*). Как видим, образования на *-ость* двойственной природы. В предложении с образованием на *-ность* нами

зафиксирован детерминант в дат. падеже: *мне прописаность у детей, а на лето приезжаю* [\approx * *у меня прописаность у детей* – речь идет о том, что мать прописалась / прописана у детей] Кузаранда. Напомним, что в диалекте эти детерминанты близки к взаимозамене.

В целом синтаксическая система заонежского диалекта отличается, с одной стороны, сохранением ряда морфологических и синтаксических диалектных явлений, уходящих в глубокую историю языка (*сказать сказка; петь песен; жители не были*), а с другой стороны, смелыми новациями (*мы перееханы*). Экзотичность оборотов типа *у них уехано, у него жененось*, их бытование в пограничной с говорами прибалтийско-финских языков территории, в двуязычной семье подводят к идее влияния со стороны финского перфекта [15: 98], [25: 137–139]. Однако предположение о полигенезисе перфекта, самостоятельном возникновении и развитии его в разных типологических системах, высказанное Ю. С. Масловым на основе известных грамматических параллелей индоевропейских языков, представляется более убедительным [13: 95]. Не противоречит высказанной гипотезе заявленный потенциал русской грамматической системы – наличие в литературных форм *говорено, думано, хожено*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заонежский диалект представляет собой уникальную языковую подсистему, характеризующуюся устойчивой совокупностью тесно взаимосвязанных единиц разного уровня, в которой отмечаются черты, выделяющие его на общесеверорусском фоне. Самобытность говоров обусловлена некоторой территориальной изолированностью полуострова, что выделяет его диалект даже на фоне межзональной онежской группы. Известная обособленность заповедного края способствовала сохранению глубокой старины не только в архитектуре, фольклоре, но и в речи заонежан. Однако уникальность говоров, на наш взгляд, складывается за счет не только поддержания старого, традиционного, но и переосмысливания архаических явлений, наполнения новым содержанием, а также создания новых диалектных различий. Таким образом, диалектная грамматическая система отличается развитием форм, выражающих категорию времени, вариативностью морфологических форм и синтаксической синонимией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей работе использованы материалы диалектологических экспедиций в Заонежье 2007–2017 годов.

² Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: Дис. ...канд. филол. наук. Петрозаводск, 1967. 359 с.

³ Там же. С. 77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. 448 с.
- Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 206–213.
- Герд А. С., Капорулина Л. В., Рускова М. П., Черепанова О. А. Севернорусское именное склонение на общеславянском фоне (материалы к истории славянского именного склонения) // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. С. 23–51.
- Гринкова Н. П. К изучению олонецких диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 365–392.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1969. С. 227–296.
- Земская Е. А. Наблюдения над синтагматикой разговорной речи // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 225–287.
- Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 312 с.
- Лютикова Е. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Дифференцированное маркирование аргументов: Семантика, морфология, синтаксис // Вопросы языкоznания. 2016. № 6. С. 113–127.
- Малышева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Диалектология / Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: Наука, 2014. С. 120–144.
- Маркова Н. В. Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современном севернорусском говоре // Севернорусские говоры. Вып. 11. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2010. С. 25–33.
- Маркова Н. В. Диалектные перфектные конструкции в одном заонежском говоре и идиостиле // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб.: Нестор-История, 2014. 137–148.
- Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. Филологические науки. 1949. Вып. 14. С. 76–104.
- Матвеенко В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: АН СССР, 1961. С. 103–139.
- Мызникова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. СПб.: Нестор-История, 2014. 195 с.
- Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 220 с.
- Рыбников П. Н. Об особенностях олонецкого подречия // Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 267–287.
- Скуратова Н. И. Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1978. С. 16–20.
- Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. 214 с.
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 656 с.
- Шахматов А. А. Отчет о поездке в Олонецкую губернию летом 1886 г. // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 762.
- Lavine J. Remarks on Object Case in the North Russian Perfect // Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, North-West Russian and Barusian Dialects. (I Seržant & B. Wiemer, Ed.). Bergen, 2014. P. 167–194.
- Seržant I. Nominative Case in Baltic in the typological Perspective // (A. Holvoet, N. Nan, Ed.) Argument Structure in Baltic. Amsterdam, Philadelphia, 2015. P. 137–198.
- Timberlake A. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974. 265 p.
- Veenker W. Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 p.

Поступила в редакцию 22.12.2019

Nina V. Markova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
 (Petrozavodsk, Russian Federation)
 markova_nina@mail.ru

GRAMMATICAL FEATURES OF THE ZAONEZHYE DIALECT

This paper is the first of its kind to present the morphological and syntactical system of the Zaonezhye dialect, which somehow fell outside the scope of centralized studies dealing with Russian folk dialects. The author gives a list of identified specific morphological and syntactical characteristics, as well as the structural and functional distinctive features of Zaonezhye dialectal word forms and constructions revealed in the comparison with modern linguogeographical data. The relevance of the article is enhanced by the fact that it analyzes the unpublished materials of the XXI century, which enables to track certain tendencies in the grammar system development at the turn of the century. At the morphological level, the diminishing role of inflectional suffixes or endings is revealed: the syncretism of noun cases (*u sestry – k sestry – o sestry*), as well as high frequency of reduced endings of adjectives (*stara babka*) and verbs (*znat*). So-called “Northwestern Perfect”, actively used in northwest Russia, is represented in the Zaonezhye dialect by two types of synonymous clauses – with participles (*u nego uidenno*) and verbal adverbs (*on usheshshi*). At the simple sentence level, nominative and genitive cases still compete with each other when they function as objects and subjects (*raboty yest’ – rabota net*).

Keywords: Russian territory dialects, linguistic geography, Zaonezhye dialect, morphological and syntactic dialect differences, Northwestern Perfect, nominative object, genitive subject

Cite this article as: Markova N. V. Grammatical features of the Zaonezhye dialect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

REFERENCES

1. Bromley S. V., Bulatova L. N. Essays on the morphology of Russian dialects. Moscow, 1972. 448 p. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the Zaonezhye dialects formation. *Northern Russian dialects*. Leningrad, 1979. Issue 3. P. 206–213. (In Russ.)
3. Gerd A. S., Kaporulina L. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A. Northern Russian nominal declension against the general Slavic background: materials on the history of Slavic nominal declension. *Northern Russian dialects*. Issue 2. Leningrad, 1975. P. 23–51. (In Russ.)
4. Grinkova N. P. The study of Olonets dialects. *Shakhmatov A. A. 1864–1920: Collected articles and materials*. Moscow, Leningrad, 1947. P. 365–392. (In Russ.)
5. Zakhарова К. Ф., Орлова В. Г. Дialect stratification of the Russian language. *Russian dialectology*. Moscow, 1969. P. 227–296. (In Russ.)
6. Zemskaya E. A. Observations on the syntagmatics of spoken language. *Russian spoken language*. Moscow, 1973. P. 225–287. (In Russ.)
7. Kuzmina I. B. The syntax of Russian dialects in the linguo-geographical aspect. Moscow, 1993. 224 p. (In Russ.)
8. Kuzmina I. B., Nemchenko E. V. The syntax of participial forms in Russian dialects. Moscow, 1971. 312 p. (In Russ.)
9. Lyutikova E. A., Ronko R. V., Zimmerling A. V. Differentiated marking of arguments: Semantics, morphology, syntax. *Voprosy yazykoznaniya*. 2016. No. 6. P. 113–127. (In Russ.)
10. Malysheva A. V. Object genitive in Russian chronicles and modern dialects. *Dialectology. Proceedings of V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Issue 3. Moscow, 2014. P. 120–144. (In Russ.)
11. Markova N. V. Two-part negative existential sentences in one modern northern Russian dialect. *Northern Russian dialects*. Issue 11. St. Petersburg, 2010. P. 25–33. (In Russ.)
12. Markova N. V. Dialectal perfect constructions in one Zaonezhye dialect and idiosyncrasy. *Northern Russian dialects*. Issue 13. St. Petersburg, 2014. P. 137–148. (In Russ.)
13. Maslov Yu. S. The origin of possessive perfect constructions. *Proceedings of Leningrad State University*. 1949. Issue 14. P. 76–104. (In Russ.)
14. Matveenko V. A. Some structural features of passive impersonal construction in Russian dialects. *Materials and research in Russian dialectology*. Moscow, 1961. P. 103–139. (In Russ.)
15. Myznikova Ya. V. Russian-Baltic-Finnish language contacts and their reflection in the field of dialectal syntax. St. Petersburg, 2014. 195 p. (In Russ.)
16. Pshenichnova N. N. Linguistic geography (using the materials of Russian dialects). Moscow, 2008. 220 p. (In Russ.)
17. Rybnikov P. N. The peculiarities of the Olonets subdialect. *Rybnikov P. N. Songs collected by P. N. Rybnikov*. Vol. III. Petrozavodsk, 1991. P. 267–287. (In Russ.)
18. Skuratova N. I. Declension of adjectives in Zaonezhye dialects of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. *Northern Russian dialects*. Issue 3. Leningrad, 1978. P. 16–20. (In Russ.)
19. Trubinsky V. I. Essays on Russian dialectal syntax. Leningrad, 1984. 214 p. (In Russ.)
20. Filin F. P. Origins of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Leningrad, 1972. 656 p. (In Russ.)
21. Shakhmatov A. A. A report on a visit to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. St. Petersburg, 2005. P. 762. (In Russ.)
22. Lavine J. Remarks on object case in the North Russian perfect. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Barusian dialects*. (I Seržant & B. Wiemer, Ed.). Bergen, 2014. P. 167–194.
23. Seržant I. Nominative case in Baltic in the typological perspective. (A. Holvoet, N. Nan, Ed.). *Argument structure in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia, 2015. P. 137–198.
24. Timberlake A. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974. 265 p.
25. Veenker W. Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 p.

Received: 22 December, 2019

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА СМИРНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора теоретической семантики

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

katarzina@yandex.ru

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
(из материалов к Семантико-грамматическому словарю)*

Представлено описание парадигматических возможностей глагольной группы профессиональной деятельности на *-ничать* и выявлены семантико-синтаксические запреты на образование тех или иных глагольных форм. На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показаны тенденции в области глагольного словоизменения и словообразования внутри данной группы: заполненность глагольных парадигм (степень частотности форм), количество употребляемых в языке значений, а также их соответствие парадигмам и толкованиям, приводимым в грамматических и толковых словарях русского языка. Описываемый класс глаголов профессиональной деятельности на *-ничать* анализируется в Семантико-грамматическом словаре по следующим параметрам: словообразование (акцентологический тип), морфология (объем парадигмы), лексическая семантика (количество значений), синтаксис (типы конструкций, набор валентностей), текст (регистровые условия, субъектная перспектива). Такой подход к обработке языкового материала дает возможность отсечь потенциальные глагольные формы, которые описываются в словарях и приводят к искажению реальной картины употребления глаголов. Группа неизосемических глаголов на *-ничать* демонстрирует в языке парадигматические лакуны, отсутствие полисемии, ограничение функций видо-временных форм, при этом наличие словообразовательной и семантической синонимии, а также большого количества аналитических конструкций. В конце статьи приводится таблица, в которой на примере глагола *маярничать* представлено актуальное употребление глагольных форм данной семантической группы.

Ключевые слова: словообразование, морфология, лексическая семантика, синтаксис, глагольная парадигма

Для цитирования: Смирнова Е. А. Семантико-синтаксическое описание глаголов профессиональной деятельности (из материалов к Семантико-грамматическому словарю) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 72–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.435

ВВЕДЕНИЕ

В статье описывается группа глаголов профессиональной деятельности как одного из функциональных классов находящегося на стадии разработки «Семантико-грамматического словаря русских глаголов». Являясь словарем активного типа, он обеспечивает нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов: «Решение этой задачи достигается помещением в словарь возможно более полной информации обо всех существенных для правильной речи сторонах слова, – его формах и значениях», условиях его употребления, его синонимах, антонимах и т. д.¹

Семантическая группа глаголов со значением профессиональной деятельности, часто упоминаемая лингвистами [1], [2] и др., до настоящего времени подробно не описана. В статье представлено описание парадигматических возможностей глагольной группы и выявлены семантико-синтаксические запреты на образование тех или иных форм, существующих в текстах конца XX – начала XXI века. В некоторых случаях сделана ретроспекция также более ранних времен-

ных периодов функционирования глагольных форм.

Цель статьи – выявление на реальном языковом материале² тенденций в области глагольного словоизменения и словообразования внутри данной группы: заполненность глагольных парадигм (степень частотности форм), количество употребляемых в языке значений, а также их соответствие парадигмам и толкованиям, приводимым в грамматических и, соответственно, толковых словарях русского языка; контекстуальная обусловленность значений, разные текстовые регистры. Такой подход к обработке языкового материала предоставил возможность отсечь потенциальные глагольные формы, которые описываются в словарях [3] и приводят к искажению реальной картины употребления глаголов. Анализ грамматических лакун в глагольных парадигмах позволил интерпретировать семантическую классификацию глаголов, представленную в «Русском семантическом словаре»³. Описываемая группа неизосемических глаголов [4] демонстрирует в языке парадигматические лакуны, отсутствие полисемии, ограничение

функций видо-временных форм (см. раздел II), при этом наличие словообразовательной (см. раздел I) и семантической синонимии (см. раздел III), а также большого количества аналитических конструкций.

I. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В данной семантической группе выделяются отыменные одновидовые глаголы несов. вида на *-ничать*, формально ограниченные нами до десяти единиц в целях более глубокого их исследования: *извозничать, кустарничать, кухарничать, малярничать, плотничать, портняжничать, рукодельничать, скорняжничать, слесарничать, столярничать* (всего в грамматическом словаре А. Зализняка приводится 23 глагола из этой группы [3: 588–590]); глаголы, не вошедшие в статью:

бортничать, бочарничать, гончарничать, коробейничать, крючничать, пекарничать, перевозничать, поварничать, ремесленничать, садовничать, сапожничать, токарничать, шорничать.

Следует отметить, что семантическая группа является более обширной – ср. разбивку глаголов по словообразовательному типу [5: 741–744]: *лекарь – лекарничать, сиделка – сидельничать, водопроводчик – водопроводничать (окказ.), проводник – проводничать (окказ.)* и т. д.

Рассматриваемые глаголы с суффиксом *-ничать* мотивируются существительными и имеют значение «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *столярничать* ‘совершать действия, свойственные столярю’⁴ [6: 291]. В «Русском семантическом словаре», где глаголы сортируются по принципу выделения гиперонима, данные глаголы относятся к группе *Сами занятия как постоянная работа, постоянный труд*, включающей 49 словарных лексем (РСС) (большинство лексем имеют семантические пары (табл. 1)). Однако подобная классификация для данного исследования не дает исчерпывающей картины, так как глаголы со значением профессиональной деятельности в опоре на *genus proximum* распределяются по нескольким семантическим группам. Так, например, глаголы *коробейничать, лоточничать, мешочничать, челночничать* и т. п. попадают в отдельную группу *Торговля, купля-продажа* (РСС). Поэтому для исчерпывающего описания исследуемой глагольной группы представляется наиболее удачным отталкиваться от акцентологии, единой для всех глаголов этого типа.

Все глаголы данной семантической группы с суффиксом *-ничать* относятся, по А. Зализняку, к акцентологическому типу: Ia, НСВ, непереходные. Йотовый класс на *-ничать* имеет «несложное» словоизменение, и поэтому является открытым для новых глаголов. Исторически к этому классу также относились глаголы, обозначавшие ушедшие профессии типа *бродяжничать* (← *бродяга*), *разбойничать* (← *разбойник*), *скомо-*

рошничать (← *скоморох*), *паясничать* (← *паяц*) и т. д. Сейчас эти глаголы относятся к классу интерпретационных, оценивающих поведение человека, и имеют переносное значение.

В последнее время в данную группу попадают глаголы, обозначающие хобби: *собачничать* (‘профессионально делать стрижки, прически для собак’), *художничать* (‘заниматься творчеством, связанным с рисованием’), *креативничать* (‘заниматься творчеством, отклоняясь от традиционных схем мышления, порождая новые идеи’), *огородничать* (‘заниматься огородом, работать в огороде’), *богомольничать* (‘ходить на поклонение православным святыням’), *челночничать* (‘совершать поездки за товаром (обычно – за границу) для дальнейшей перепродажи’) и т. п.

В табл. 1, приведенной ниже, представлены семантические пары описываемых глаголов. Подобные пары, с суффиксальной редукцией, как правило, образуются в языке; за исключением глаголов *кустарничать* и *плотничать*.

Таблица 1

Формы на <i>-ничать</i>	Формы с суффиксальной редукцией
извозничать (извозничати)	извозить, извощичать
кустарничать	–
кухарничать	кухарить или кухарить
малярничать	малярить
плотничать (плотничати)	–
портняжничать	портняжить
рукодельничать (рукодельничати)	рукодельствовать
скорняжничать	скорняжить, скорнячить (скорнячити)
слесарничать	слесарить
столярничать	столярить

Глаголы из обеих колонок приводятся в толковых словарях без помет (*б/п*) или могут иметь стилистические пометы *разг.*, *прост.*, реже *сниж.* (*малярить, кухарничать, кухарить, скорняжить*) и *устар.* (*извозничать*). Пометы в разных словарях XX века для одной и той же лексемы часто не совпадают. В словаре русского языка XI–XVII вв. встречаются не все исследуемые лексемы; ни одна из них стилистически не помечена. В словаре В. Даля все рассматриваемые лексемы приводятся без стилистических помет, кроме глагола *рукодельствовать* с пометой *стар.* То есть еще в XIX веке данная глагольная группа не являлась стилистически маркированной.

Распределение стилистических помет по словарям можно проследить ниже:

1. Словарь В. И. Даля⁵: *б/п извозить* (вокабула), *извощичать, извоздничать*; *б/п кустарничать, б/п кухарничать, кухарить или кухарить* (вокабула); *б/п малярничать, малярить*; *б/п плотничать*; *б/п портняжничать, портняжить*; *рукодельничать, стар. рукодельствовать*; *б/п*

скорня́жничать, скорня́жить, скорня́чить; б/п слесáрничать, слесáрить; б/п столярничать, столярить;

2. МАС⁶: **устар. извóзничать; б/п кустáрничать; прост. кухáрничать, прост. кухáрить; разг. маля́рничать, прост. маля́рить; б/п плóтничать; разг. портня́жничать, прост. портня́жить; разг. рукодéльничать; разг. скорня́жничать, б/п скорня́жить; разг. слесáрничать, прост. слесáрить; разг. столярничать, прост. столярить;**

3. НСРЯ⁷: **б/п извóзничать; кустáрничать 1. разг. 2. перен.; разг.-сниж. кухáрничать, разг.-сниж. кухáрить; разг. маля́рничать, разг.-сниж. маля́рить; б/п плóтничать; портня́жничать 1. б/п, 2. разг., разг. портня́жить; б/п рукодéльничать; б/п скорня́жничать, б/п скорня́жить, разг.-сниж. скорня́чить; разг. слесáрничать, разг. слесáрить; б/п столярничать, разг. столярить;**

4. СРЯ XI–XVII вв. 1979⁸: **б/п извóзничать (вокабула – извóзничати);**

5. СРЯ XI–XVII вв. 1989⁹: **б/п плóтничать (вокабула – плóтничати);**

6. СРЯ XI–XVII вв. 1997¹⁰: **б/п рукодéльничать (вокабула – рукодéльничати);**

7. СРЯ XI–XVII вв. 2000¹¹: **б/п скорня́чить (вокабула – скорня́чити);**

8. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова¹²: **прост. извóзничать; кустáрничать 1. разг. 2. нов. пренебр.; прост. кухáрничать; прост. маля́рничать, обл. маля́рить; б/п плóтничать; прост. и разг. шутл. портня́жничать, прост. || разг. шутл. портня́жить; б/п рукодéльничать; б/п скорня́жничать, б/п скорня́жить, б/п скорня́чить; разг. слесáрничать, разг. слесáрить; б/п столярничать, прост. столярить;**

9. Толковый словарь под ред. Н. Ю. Шведовой¹³: **устар. и разг. извóзничать; разг. кустáрничать; разг. кухáрничать; разг. портня́жничать, разг. портня́жить; разг. рукодéльничать.**

По материалам Корпуса, уже в XIX веке, когда рассматриваемые глагольные пары еще не были стилистически маркированными, словообразовательная модель на -ничать была более частотной по сравнению с глаголами с редукцией суффикса:

извозничать (22) – извозить (2), извоюичать (0); кухарничать (1) – кухарить (0), малярничать (2) – малярить (1); портняжничать (5) – портняжить (5); рукодельничать (4) – рукодельствовать (0); скорняжничать (1) – скорняжить (0), скорнячить (0); слесарничать (1) – слесарить (1); столярничать (10) – столярить (1).

Значения глаголов данной группы непосредственно связаны с ремеслом / промыслом, поэтому, как правило, присутствует гендерная дизьюнкция. Большая часть перечисленных ремесел по умолчанию относится к мужским, кроме рукоделия и готовки, исторически являющихся преимущественно женскими занятиями:

извозчик → извозничать, кустарь → кустарничать, маляр → малярничать, плотник → плотничать, портной → портняжничать, скорняк → скорняжничать, слесарь → слесарничать, столяр → столярничать, но кухарка, кухарь (обл.) → кухарничать, рукодельница → рукодельничать («рукодельничать, стар. -дельствовать, заниматься рукодельем, ручной работой, и более женской: шитьем, вязаньем и пр.» [4: 112]).

II. МОРФОЛОГИЯ

Все рассматриваемые глаголы являются одновидовыми (НСВ), в то время как, например, некоторые интерпретационные глаголы на -ничать имеют видовые пары: ябедничать (НСВ) – наябедничать (СВ), жадничать (НСВ) – сжадничать (СВ) и т. д. Однако стоит отметить, что интерпретационный глагол пожадничать не является видовой парой к жадничать, как и встречающиеся формы от описываемых глаголов – послесарничать, постолярничать, на малярничать, на извозничать и т. п., указывающие на способ глагольного действия: временное ограничение с приставкой по- и степень действия (= вдоволь) с приставкой на. Видовые лакуны данной группы могут заполняться с помощью фазисных и модальных морфем, то есть значение СВ может передаваться аналитически: в составном глагольном сказуемом. В этих случаях рассматриваемые глаголы выражены инфинитивом (в НКРЯ более 100 примеров):

«Понемногу, при пособии братьев, он обзавелся лошадью, **стал извозничать**, возить с вокзала и на вокзал, а также брался ездить и с кладью» (Г. И. Успенский (1885)). «Накопал себе Сашка клубней, примостился к одному костеруку, где братва себе лепехи жарила, и, когда кончили они, **стал сам кухарничать**» (В. Кондратьев (1979)). «Он умел все – и **плотничать**, и **слесарить**, и выгнуть лодку, и управляться с любыми машинами, и брать зверя, и прийти ему на помощь в тяжелые снежные зимы, и ночевать в снегу в кляющие морозы, и сложить печку, и затянуть песню» (В. Распутин (2003)).

Независимые инфинитивные формы встречаются в НКРЯ редко:

«– Отчего же, Александр Николаевич, и мне не **столярничать**? И так я очумел от книг да от ученья: столярница себе...» (А. Белый (1909)). «Поскольку каждый студент должен был зарабатывать себе на пропитание – то ли лекции читать, то ли **плотничать**, чинить, паять, кто что умел, – лабораторию Кольцов держал открытой круглые сутки» (Д. Гранин (1987)).

По мнению Ю. Д. Апресяна, у глаголов данной семантической группы нет актуально-длительного; нет общефактического результивативного и потенциального значений граммемы НЕСОВ; плохо выражено профетическое значение (запланированное будущее); характерное аспектуальное значение – процессное (дуративное) [1: 90]. На материале НКРЯ эти данные подтверждаются. Стоит отметить, что примеры с профетическим будущим в НКРЯ встречаются, однако

не во всех лицах и числах (подробнее об этом ниже).

Потенциальный набор словоформ данной семантической группы: 6 форм настоящего времени, 6 аналитических форм будущего времени, 4 формы прошедшего времени (так как в прошедшем времени нет морфологического показателя лица: 3 формы в ед. числе, с разделением по родам; 1 форма во мн. числе), 2 действительных причастия – настоящего и прошедшего времени, 2 деепричастия – настоящего и прошедшего времени, 2 формы повелительного наклонения – 2 л. обоих чисел. Однако, по результатам выборки в НКРЯ, глагольная парадигма данной группы заполнена неравномерно (табл. 2). Формы настоящего времени встречаются 60 раз и представлены в основном 1 л. ед. ч. (10 примеров) и 3 л. обоих чисел (44 примера):

«Лошади в селении моем весьма малы ценою, от 6 до 25 рублей: ибо из селян моих мало извозчичают и дорогих лошадей не держат» (А. Н. Радищев (1800–1801)). «Вот уж четвертый год, как я в Москве извозчичаю» (М. Н. Загоскин (1842–1850)). «В одних селеньях слесарничают, в других скорняжничают, шорничают, столярничают, веревки вьют, сети вяжут, проволоку тянут, гвоздь куют, суда строят, сундуки делают, из меди кольца, наперстки, кресты-тельники да бубенчики льют, – всего не перечесть...» (П. И. Мельников-Печерский (1875–1881)). «– Ничего, вы шейте, я люблю, когда при мне рукодельничают» (Л. М. Леонов (1927)).

Примеры 3 л. мн. числа встречаются преимущественно в произведениях XIX – начала XX века.

Единичными примерами представлены формы 1 л. мн. числа и 2 л. обоих чисел настоящего времени:

«– А вы с Федей? – А мы, вот видите... **столярничаем**... Есть тут крахмальный завод, мы поставляем ящики...» (Г. И. Успенский (1873)). «– Ты вот ушел от нас – опять **плотничаешь**! Захарыч усмехнулся: – Опять плотничаю! – Что же ты из города-то ушел? Ведь там ты голосом вятеро большие зарабатываешь, чем здесь топором!..» (Скиталец (С. Г. Петров) (1900)). «Огороды есть, работников держу троих, скотина... Вот, Бог даст, все продам, на материк поеду... – Как на материк? Да ведь у вас и тут хозяйство идет, сами же говорите, – слава Богу, **столярничаете**. – Ну, это что! Какое здесь мастерство? Поселенцам столяр не нужен, – а господа в тюрьме все себе делают, задарма» (В. М. Дорожевич (1903)).

В прошедшем времени в НКРЯ зафиксировано 111 употреблений, из которых 77 вхождений приходятся на 3 л. ед. ч. (1 л. ед. ч. – 10 примеров, 3 л. мн. ч. – 24 примера). В 1 л. мн. числа и 2 л. обоих чисел вхождений в НКРЯ нет. Примеры употребления форм 1 л. ед. числа:

«Я извозчичал и даже брал с посторонних полкопейкой на пуд хлеба дешевле мужиков» (А. А. Фет (1863)). «– Любопытно, – опять заговорил городской. – А почему вы решили, что он топор неправильно держит? – Да потому, что я сам всю жизнь **плотничал**» (В. Шукшин (1964)).

Примеры форм прошедшего времени 3 л. обоих чисел:

«Нянка присматривала за всем и пестовала маленького Сережку; дочь – **кухарничала**, сын с женой ходили за скотом, за птицей, обрабатывали огород, сад и проч.» (М. Е. Салтыков-Щедрин (1886)). «Мужики считали деда умным и знающим стариком: он не только прожил трудную жизнь, но и на стороне в разных местах бывал – **извозчичал** и наблюдал, как живут люди в других уездах и губерниях» (Ф. В. Гладков (1948)). «В ответ на мои “двадцать четыре дня без выходных” Авенир выпустил дым и сказал, что раньше у подрядчика **плотничали** без всякого отпуска» (В. Белов (1968)). «Он отлично тачал сапоги, портняжил и **столярничал**, переплетал книги, мастерил чемоданы и портфели, чинил замки и часы» (Б. Ефимов (2000)).

Будущее время в данной семантической группе выражается только аналитическим способом: глагол-связка быть в буд. времени + инфинитив спрягаемого глагола (в НКРЯ – 9 примеров; во 2 и 3 лице мн. числа примеров не зафиксировано). В контексте связка может опускаться:

«Бабка сочувственно покачала головой. – Что же вы делать будете? – Работать. **Столярничать**» (А. Кузнецов (1965–1970)).

В 1 л. обоих чисел встретилось 6 примеров:

«– Ах, хороша девица! – хвалил он свою невесту, – и из себя хороша, и скромница, и стирать белье умеет. Я буду **портняжничать**, она – по гостям стирать станет ходить» (М. Е. Салтыков-Щедрин (1886–1887)). «– Приезжайте к нам на будущий год, – улыбаясь, говорил Николай Рыбалин. – Опять **будем плотничать**» (А. Рыбаков (1955–1956)). «И начались у меня по ночам старики мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить **буду, плотничать** и внучат нянчить» (М. А. Шолохов (1956)).

Во 2 л. ед. числа встретился только один пример:

«Однажды он взял в руки мельницу, которая была величиной с четыре Псалтыря, и внимательно осмотрел ее и снаружи и внутри. – **Плотничать будешь**, Семка. С докукою к Архипу Уколову аль к Москою-пожарнику не пойдем, коли нужда будет в плотнике» (Ф. В. Гладков (1948)).

В 3 л. ед. числа зафиксировано 2 примера:

«Везет дочь в Питер сам отец – он там снова **будет извозчичать**» (Н. С. Лесков (1885)). «Клава Ивановна сказала, милые бранятся – только тешатся, а они с Овсичем пришли за другим: как долго Иосиф Котляр **будет еще кустарничать** у себя дома и в глаза смеяться над всеми соседями и двором?» (А. Львов (1981)).

Формы повелительного наклонения, образованные аналитическим способом (синтетических форм нет), встречаются в Корпусе только 3 раза: частица *пусть* + спрягаемая форма глагола в наст. времени (3 л. ед. ч. – 2 примера, 1 л. мн. ч. – 1 пример):

«К лету я непременно подарю ему верстак, **пусть столярничает**» (А. К. Шеллер-Михайлов (1871)). «Вот получу на трудодни сено, куплю ей швейную машинку, думал он, начиная задремывать. **Пусть себе рукодельничает**» (Е. Носов (1977)).

В 1 л. мн. числа встречается форма инфинитивного императива:

«— Вот, значит, Митька приехал да и говорит: **поесть**, дескать, **плотничать**, хватит из кулька в рогожку перекладывать» (В. Белов (1967)).

Причастия и деепричастия представлены в НКРЯ единичными фиксациями (4 примера). Два из трех зафиксированных действительных причастий настоящего времени и единственное деепричастие настоящего времени встретились в произведениях А. Белого, что говорит скорее об авторском употреблении и стиле автора, нежели о языковом употреблении в целом:

«[Булгаков] Был идейно враждебен; а жестом и мягкостью был он приятен весьма; <...> несло свежим лесом; стиический, чернобородый философ мне виделся в ельнике **плотничающим**; сквозь враждебное слово он мне имитировал жизненностью и здоровьем» (А. Белый (1930)). «Одежды спадали со странника, точно дней кружевые метели; и он лукаво их отрясал, восходя над смертию, когда, **плотничая** для старца, хохотал над земным своим делом безумно, все безумнее – стружки срезал рубанком...» (А. Белый (1907)). «Пасмурные утра после тех встречали ночей; солнце палило; ясная тянулась по воздуху паутина; благоуханный свет пронизывал все; бледные лица угрюмо работавших людей не выдавали волненья; падали стружки; падала белая стружка отликов на босые ноги **столярничающих** людей» (А. Белый (1909)). «Только одно употребление встречается в журнале: Порой, когда красишь окна или стены, просто не знаешь, куда положить кисть на время небольшого перерыва. Сунуть в банку с краской – утонет вместе с черенком. Положить – перемажет что-нибудь. Чтобы каждый раз не ставить **малярничающих** перед этой проблемой, одна американская фирма наладила выпуск приспособлений для кистей, устройство которых ясно из рисунка» («Техника – молодежи», 1975).

Таблица 2¹⁴

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
Настоящее время	10	2	24	1	3	20
Прошедшее время	10	–	77	–	–	24
Будущее время (аналитич.)	3	1	2	3	–	–
Повел. накл. (аналитич.)	–	–	2	1	–	–
Условное наклонение	–	–	1	–	–	–

Неравномерность заполнения табл. 2 можно объяснить двумя факторами. Прежде всего необходимо учитывать, что примеры в Корпусе в основном приводятся из художественных текстов, в которых происходит дистанцирование при описании – взгляд со стороны. В таких текстах, как правило, используются глаголы констатации, характеризующие людей, описывающие их занятия. С другой стороны, повествование обычно ведется от третьего лица, редко – от первого. Таким образом, превалирующими формами для класса глаголов профессиональной деятель-

ности становятся формы третьего лица обоих чисел (чаще в прошедшем времени и обычно имперфективы, так как тексты описательные).

III. СЕМАНТИКА

Ю. Д. Апресян в фундаментальной классификации предикатов следующим образом характеризует класс глаголов деятельности: это глаголы, обозначающие

«совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько разнодневов наблюдения (что соответствует понятию “сверхдолгого интервала” у Е. В. Падучевой)» [1: 86].

Перечисленные характеристики объясняют причины появления семантических замен в данной группе – возможно, это стремление языка показать разнородность действий, стремящихся к одной цели.

Данная семантическая группа может быть представлена в текстах составным именным сказуемым, состоящим из спрягаемого, как правило, бытийного глагола и существительного в творительном падеже, обозначающего профессионального работника. В XIX веке встречаются единичные случаи подобных семантических замен:

извозничать = быть <ездить> извозчиком; кустарничать –; кухарничать = быть <служить, поступить> кухаркой; малярничать = быть маляром; плотничать = быть плотником; портняжничать = быть портным, портным мастерством заниматься; рукодельничать –; склоняжничать –; слесарничать = быть слесарем; столярничать = быть столяром.

В XX–XXI веках число семантических замен значительно возрастает, связочные глаголы становятся более разнообразными:

извозничать = работать <служить> извозчиком; кустарничать = числиться кустарем (Тогда, это уже было при Советской власти, разрешили подросткам работать с четырнадцати лет, но дедушка был кустарь, и мой отец числился кустарем, и мы с братом Левой помогали как члены семьи (А. Рыбаков)); кухарничать = работать <служить, устроиться, быть> кухаркой; малярничать = работать маляром; плотничать = работать <быть, служить, устроиться, оформляться, числиться> плотником; портняжничать = работать портным; рукодельничать = быть рукодельницей; слесарничать = работать <устроиться, быть> слесарем; столярничать = работать <быть> столяром.

Употребление составного именного сказуемого с существительным в именительном падеже также встречается в текстах, но значительно реже:

«Шлыгин был городской слесарь, молодой, костистый, нескладный, одноглазый, когда-то выжгло ему глаз искрой...» (С. Н. Сергеев-Ценский (1909–1910)). «Он был безо всякого образования и не интересовался ничем, кроме своего ремесла. Он был маляр, но маляр из ряда бон, маляр великолепный. Скоро начальство узнало о его способностях, и весь город стал требовать Б-ма для малеванья стен и потолков» (Ф. М. Достоевский (1862)). «Дед ее был заправский портной, один

на всю деревню, где Верочка, рано потерявшая мать, воспитывалась в детстве» («Человек и закон», 1978). «Мать рассказывала мне, что я родился в голодный год, жить было очень трудно, у неё не было молока, но она **была рукодельница**, делала из разноцветной бумаги, сплетая в узелки, корзинки, коробочки, посыпала продавать и покупала для меня молоко» (Э. И. Стогов (1870–1880)). «Он **был столяр**, сапожник, башмачник, маляр, золотильщик, слесарь, и всему этому обучился уже в каторге» (Ф. М. Достоевский (1862)). «Старик когда-то **был столяр** и мебельщик, потом заболел, почти ослеп и все делал теперь только на ощупь» (Л. Петрушевская (1996)).

Употребительной, особенно для русского языка XIX века, является конструкция, состоящая обычно из глагола движения, предлага *в* и существительного в винительном падеже множественного числа:

«А вот я теперь **в извозчики нанялся...**» (Ф. М. Решетников (1868)). «Счастливее их были Григорий и Панфил: они **попали в извозчики**, с платою в месяц по три рубля» (Ф. М. Решетников (1868)). «Мы с тобой в Астрахани **в извозчики поступим**, на пролетках ездить будем» (Ф. В. Гладков (1948)). «...Финанспектор по доносу о подклейке калоши **зачислил Петю в кустари-одиночки...**» (О. Д. Форш (1926)). «Слышала она в лавочке, что с первого числа кухарка у одной чиновницы, жившей во дворе, отходит, и вот Агафья решилась **поступить в кухарки**» (К. М. Станюкович (1880)). «— Когда ты не захотел служить и **ушел в маляры**, я и Анюта Благово с самого начала знали, что ты прав, но нам было страшно высказать это вслух» (А. П. Чехов (1896)). «...Сам Петр **идет в плотники**, шкапера и солдаты, для этого призывает всех русских людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружескими усилиями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу» (С. М. Соловьев (1871)). «**Подался таксист в плотники** и не унывал» (С. Г. Кара-Мурза (1998)). «Был он, в “свое время”, и писарем и буфетчиком, играл в домашнем оркестре на валторне и ездил фрейтором; под конец, все по той же чудодейственной “барской воле”, **определился** было **в портные**, но и там оказался негодным, после того как сишил “барченкову учителю” брюки задом наперед» (А. И. Эртель (1883)). «“Придется **в портные отдать!**” — мелькает в голове у матушки, от взора которой не укрывается, что ноги у крестника короткие и выгнутые колесом, точно сама природа еще в колыбели осудила его на верстаке коротать жизнь» (М. Е. Салтыков-Щедрин (1887–1889)). «Отец его не знал ни о чем на свете, кроме своей пильы, и потому **готовил** своего сына **в столяры**, что говорится, на живую нитку» (В. Ф. Одоевский (1841)). «Витыку мать вырастит, — утешил он себя, — хватит им и одной зарплаты. Витыка **в слесари пойдет**, зарабатывать будет...» (Р. Грачев (1961)).

Характерной для этой семантической группы является конструкция с бытийным глаголом (иногда глагол может быть опущен), предлогом *в* и существительным в предложном падеже:

«Жил прежде **в извозчиках**, а теперь ни один хозяин даже в этой скромной должности его держать не хочет» (М. Е. Салтыков-Щедрин (1881–1882)). «**В извозчиках я и сам больше года был**» (М. М. Зощенко (1921)). «А в биографиях нашего революционного времени: если на мне годок поездили, когда я из жеребят вышел, так на всю жизнь теперь называлась лошадью, хоть **служу давно в извозчиках**» (А. И. Солженицын (1958–1973)). «Но как ни тяжела была жизнь **в кухарках**, ей [Пелагея Прохоровна] все-таки не хотелось уходить из города, к которому она начинала привыкать» (Ф. М. Решет-

ников (1868)). «Не век же мне тоже **в кухарках быть**» (Н. А. Тэффи (1910)). «...У Николая Гавриловича **служила в кухарках** жена швейцара, рослая, румяная старуха с несколько неожиданным именем: Муза» (В. В. Набоков (1935–1937)). «Меерзон, так тот весь день молчал, а вечером сказал: “А я знаю, как дверь выкрашена” — вот и искусство, а Меерзон **в малярах работал**. — Мне скрывать нечего, на мою жизнь и на учеников у меня секретов хватит”» (Н. Н. Пунин (1919–1921)). «Старики и милостыни просить не умеют: стоят, как истуканы, на перекрестье, с протянутыми руками, — оттого им и подают одни обедки. А он смеет; он еще **в портных** выучился юродствовать и приплясывать» (М. Е. Салтыков-Щедрин (1886–1887)). «— Ну, как Тимофей Иванович, все еще **в слесарях** при механической ходильни али в шорники на пожарную подался?» (П. П. Бажов (1943)). «**Побывал он и в слесарях**, и в министрах, и даже заместителях Предсовмина, но сумел остаться веселым и доброжелательным человеком» (О. Гриневский (1997)).

Конструкция *из + сущ. в родительном падеже множественного числа*, как правило, употребляется без глагола-связки (с ее опущением) и тоже заполняет семантическое поле ‘работать, быть человеком определенной профессии’:

«Как я писал тебе, господине, опять той же шайки воров поймано восемь человек, и те воры из посадских торговых людей! из мясников, из извозчиков и из боярских людей...» (А. Н. Толстой (1930)). «Он у нас умница, министр, сам **из кустарей вышел**, только вы ему не верьте, — уговаривал нас Валериан Петрович, — это одна меланхолия!...» (Н. Н. Златовратский (1885)). «— Почтеннная! **Из кухарок** дама-то эта. На кухарке наш женился, Палашкой звать» (Л. Н. Андреев (1900)). «С ними и работал, по подрядам ходил, а потом **из плотников** в лавочонку угодил, к купцу...» (Д. А. Фурманов (1923)). «Твой лик мне знакомый! Ты не **из портных** ли мастеров? — Угадал, — сказал Иванко, — я и есть портных дел мастер...» (Ю. Н. Тынянов (1930)). «Преграда эта сделала то, что прежде довольно хлопотливый и небрежный в обращении Василий вдруг влюбился в Машу, влюбился так, как только способен на такое чувство дворовый человек **из портных**, в розовой рубашке и с натомаженными волосами» (Л. Н. Толстой (1854)). «Начальник цеха **был сам из столяров** и умел оценить работу с первого взгляда» (А. Г. Малышкин (1938)).

Сходной семантикой обладают существительные на *-ство* (плотничество, столярничество), именующие занятие, ремесло, и на *-ние/-нье* (плотничанье), обозначающие действие по значению глагола — профессиональную деятельность. Словосочетания типа *заниматься портняжничеством* (= заниматься портняжным делом) не очень употребительны в языке, в текстах фиксируются единичные примеры:

«Наконец, у кого есть охота и свободное время для **кустарничанья**, можно рассверливать запальные отверстия в гильзах и тем облегчать воспламенение пороха» (С. А. Бутурлин (1926)). «Первым крестьянским можно почесть плотничную работу: ибо нужда того требует; и в России, а у меня в особенности, всякий селянин — плотник; но сверх того между ними суть такие, которые **плотничаньем** приобретают деньги и таковых только я поставлю в счет» (А. Н. Радищев (1800–1801)). «Владимира **принялся за плотничество**, в офени или в кулаки пошел, а то “по ягоду, по клюкву” стал распевать...» (И. Т. Кокорев (1849)).

«Жители занимаются хлебопашеством и **плотничеством** или, лучше сказать, столярным мастерством» (И. С. Аксаков (1849–1856)). «Сам Розов назвал его «методом отбора кадров», но открыл это название много позже, лет через десять, когда уже стал совершенно седым, **забросил слесарничество**, надел белую рубашку с галстуком, заменил авоську на большой желтый портфель из свиной кожи и профессионально занялся реализацией спасительной идеи» (В. Аграновский (1976–1999)). «Но ничто не **увлекало** меня так, как **плотничество, столярничество**, выпиливание – всегда под отцовским руководством...» (М. А. Осоргин (1942)).

В данной семантической группе у глаголов обычно имеется одно значение (реже два) и, как правило, оно является прямым. Исключение составляет глагол *кустарничать* во втором значении: 2. *перен.* Делать что-либо примитивно, неискусно. В данном случае перенос объясняется характеристикой ушедшей «несложной» профессии. Аналогичные примеры глаголов, переместившихся из данного класса в класс интерпретационных глаголов: *баклужничать* (← бить баклужи), *баясничать* (← точить баясы). Прямое значение, относящееся к профессии, ушло, а переносное значение («несложная работа») осталось.

Переносные метафорические употребления глаголов профессиональной деятельности встречаются в художественной литературе, но остаются авторским и не фиксируются в словарях:

«Там, в парадной горнице, Бог весть что там исполнялось: туда не смели глядеть ни косматч, ни Петр: вон, вон, о Господи, красная юбка Матрены Семеновны: вон, вон из-под юбки ее босая ножка под столом бросается в глаза из полуоткрытой двери; и ножку ту перерезал жизни луч световой; свет перерезал сердца им; бьются в груди отрезанные сердца части: **столярничают**, подпеваю: В бесконечных временах Нам радость в небесах. Господи, помилуй... Воздух в горнице греет светом, в воздухе пахнет потом: строгая песнь, возникая, обрывается; обрываясь, возникает» (А. Белый (1909)). «Ни одного птичего голоса, только в одной тесной кучке елей хозяйственно **плотничал** дядя!» (М. М. Пришвин (1923)). «"Ну, – думаю, – опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что **плотничают**". И слышу: "Ту-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!" – из лесу» (В. В. Бианки (1923–1958)). «Музыканты страстью целовали медь. Мелко **рукodelничали** над стальными нитками, спрятанными в благородное дерево. Заглатывали жаждно костяные наконечники. Всяк свое! Всяк не как другой!..» (С. Юрский (1972–1978)). «Правда, время от времени действительность напоминала о себе: быстро облетала знакомые дома весть о чьем-нибудь аресте. Круг наш сужался. Но чекисты тогда только набивали руку, **кустарничали**» (О. В. Волков (1988)).

IV. СИНТАКСИС

Описываемые глаголы прототипически одноактантны, и единственная представленная валентность совпадает с агенсом. Действие глагола может факультативно поясняться сирконстантами с указаниями места (*по деревням, на заводе, на рынке, на дому, в мастерской* и т. п.) и / или времени (последнее обычно в виде

указанного промежутка – *всю жизнь, год, много лет, сезон, неделя, несколько часов, иногда, чуть-чуть и т. д.*) А также может уточняться степень владения мастерством, качество исполнения работы (ловко, завязто, хорошо, отлично, скверно и т. п.):

«Был у нас предмет – "ручной труд". **Столярничали**. Получалось хорошо, но не по самому высшему классу, аккуратности не хватало» (Н. Амосов (1999)). «Вон его родной дядя Тэнасе всего три года в школе проучился, а **столярничает**, как бог» (И. Друцэ (1972)).

Ремеслу необходимо учиться, поэтому в примерах часто выражаются модальные смыслы как подтверждение умения / неумения:

«Федя мог **плотничать**, мог срубить немудрящую избушку в тайге, знал, как завалить дерево и укрепить ветвями место ночёвки» (В. Т. Шаламов (1954–1961)). «А для этого, для жизни с природой, надо уметь: ткать, прядь, плести, доить, рыбальить, охотиться, пахать, сеять, жать, обмолачивать, печь, **столярничать, плотничать, лудить, кузнечить, огородничать, бортничать** и т. д.» (М. Палей (1999)). «Он умел всё – и **плотничать**, и **слесарить**, и выгнуть лодку, и управляться с любыми машинами, и брать зверя, и прийти ему на помощь в тяжелые снежные зимы, и ночевать в снегу в кляющие морозы, и сложить печку, и затянуть песню» (В. Распутин (2003)).

Характерной особенностью употребления глаголов профессиональной деятельности являются многокомпонентные перечислительные ряды:

«Кончилось дело тем, что Кешу задирать и дразнить перестали даже такие оторвь, как Санька левонтьевский, а он, довольный таким положением, играл сам с собою, мастерил из изовых прутьев упряжь для бабок, рано научился плести корзины, потом вязать сети, **плотничать, столярничать, огородничать**» (В. Астафьев (1968–1991)). «А для этого, для жизни с природой, надо уметь: ткать, прядь, плести, доить, рыбальить, охотиться, пахать, сеять, жать, обмолачивать, печь, **столярничать, плотничать, лудить, кузнечить, огородничать, бортничать** и т. д.» (М. Палей (1999)). «Наведовались теперь всё большие поодиночке или обособленными семейными кланами, в каждом из которых держались свои и не воспринимались чужие порядки, и даже участок негласно поделили пополам – на левой, южной половине **огородничал**, дожидаясь своего часа, дядя Толя, а на правой **садовничала** его молодая племянница, занималася обустройством и ремонтом дома ее мастеровитый, необыкновенно трудолюбивый и, словно филолог, речистый муж и состоял при них в неопределённом статусе ни к чему не годный Колоня» (А. Варламов (2000)).

В последнем примере синтаксически уравновешиваются глаголы *огородничать* и *садовничать*, что влечет за собой также семантическое выравнивание: глагол *садовничать* здесь употребляется во втором значении ‘любимого занятия, хобби’.

V. РЕГИСТРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Наибольшее число примеров, встретившихся в Корпусе, относятся к информативному регистру [4]. Это связано с тем, что у глаголов со значением профессиональной деятельности нет актуально-длительного значения; кроме того, для дуративных глаголов характерно значение многократности. Как правило, даже если

агенс говорит от первого лица, действие, передаваемое глаголом, имеет коннотацию ‘всегда, обычно’, но не ‘сейчас’:

«В работные кельи зашли, там на монастырской обиход всякое дело делают: в одной келье **столярничают** и **точат**, в другой бондарь работает, в третьей слесарня устроена, в четвертой иконописцы пишут, а там пекарня, за ней квасная» (П. И. Мельников-Печерский (1871–1874)). «Родился и вырос Евгений Николаевич здесь же и, закончив институт, крестьянского дела не забыл: сам косит, **плотничает**, держит у себя большое хозяйство, когда есть время, ходит с мужиками на охоту, на рыбалку» (В. Распутин (1967)).

Обычно агенс рассказывает о себе или кто-то рассказывает о нем (его профессиональной деятельности) в третьем лице / лицах.

Примеры на репродуктивный регистр встречаются реже и, как правило, представлены глаголом в настоящем времени:

«То монашка вышла за обитель, где красовался странник, как легковыくんный столбок метельный. Все, что снегжилось в душе его, укрылось до времени. Видела – **плотничает** на морозце в белом подряснике, в желтых лапотках, – весь сквозной, ясноокий. Увидел монашку. Легким движением воткнул в бревно звонкопевший топор» (А. Белый (1907)). «– Это я! – радостно сказала Тоня. – А вы что это здесь **рукодельничаете**? Соня испуганно смяла в руках шитье» (В. К. Кетлинская (1934–1938)). «Я туда. А там дятел. Сидит на березе и **плотничает**, дупло себе делает – детей выводить» (В. В. Бианки (1923–1958)). «Вот идиотка, запоздало спохватилась Тамара Иннокентьевна, сидит, упивается своими придуманными страданиями, а мужик **кухарничает** после авторского концерта» (П. Проскурин (1983));

единичные примеры с глаголом в прошедшем времени:

«Когда стоял у порога, провожая нас (а брат в это время **плотничал** в садике), показался мне, несмотря на явно крестьянское лицо, скорее барином, или, вернее, богобоязненным южно-русским хозяином, мелким землевладельцем» (Б. К. Зайцев (1928)). «В то время, когда отец Жоры **столярничал** у себя под навесом, мать была

захвачена Жорой у замочной скважины, и он вынужден был сказать ей, что он человек вполне самостоятельный и товарищи его взрослые люди: пусть она не удивляется, если все они завтра женятся» (А. А. Фадеев (1943–1951)). «... Космынина он нашел возле плиты, он **кухарничал**, возле была Лизанька, лицо ее горело от возбуждения, будто эта парочка только что целовалась» (В. Личутин (1987)).

Волюнтивный регистр представлен единичными формами повелительного наклонения и аналитического будущего времени:

«Однажды он взял в руки мельницу, которая была величиной с четыре Псалтыря, и внимательно осмотрел ее и снаружи и внутри. – **Плотничать будешь**, Семка» (Ф. В. Гладков (1948)). «– Приезжайте к нам на будущий год, – улыбаясь, говорил Николай Рыбалин. – **Опять будем плотничать**» (А. Рыбаков (1955–1956)). «К лету я непременно подарю ему верстак, **пушь столярничает**» (А. К. Шеллер-Михайлов (1871)).

Пример на реактивный регистр встретился в НКРЯ только один раз – выражение оценочной реакции в виде прямого дополнения к сказуемому:

«– Смотри-ка, ты, брат, оказывается, и **столярничать мастер!**» (М. Успенский (1995)).

Результаты, полученные в Корпусе, лишь отчасти соответствуют функциональной классификации Н. М. Девятовой. Функциональная парадигма глаголов типа *кашеварить*, *малярить*, *плотничать*, *сапожничать*, *слесарничать*, *чеботарить* состоит из: актуального значения (Вижу: он *сапожничает*), узульного (он *постоянно* *сапожничает* *под навесом*) и расширенного (Он *сапожничает* *в артели*)¹⁵. Однако в данной классификации не учитывается реальное языковое распределение форм по регистрам, приводятся лишь возможные варианты употребления. Репродуктивный регистр для данной семантической группы является скорее исключением, нежели нормой.

Таблица 3

МАЛЯРНИЧАТЬ								
часто; обычно – в составном глагольном сказуемом								
Категории								
Вид	Время	Число	Формы лица / рода			Повелительное наклонение	Причастие	
несов.	Будущее только сложное: <i>(буду, будешь, будем, будете, будут)</i> малярничать редко; 2 и 3 л. мн. ч. не употребляется	Наст.	ед.	1 л.	2 л.	3 л.	Действительное настоящее	Страдательное настоящее
			маляр- ничаю редко	малярни- чаешь редко	малярни- чает	малярничай <i>(те)</i> не употребля- ется; только анали- тическая форма 3 л. ед. ч.: <i>пусть маляр- ничает</i>		
			мн.	маляр- ничают редко	малярни- чаете редко	Прош.	Прош.	
			м.	ж.	ср.			
			ед.	маляр- ничила только 1 и 3 л.	малярни- чала только 1 и 3 л.			малярни- чало не употре- бляется
	Прошедшее		мн.	малярничали только 3 л., 1 и 2 л. не употребляется			малярничавший <i>(ая, -ее, -ие)</i> не употре- бляется	настоящее
			ед.					
			мн.					
			ед.					
			мн.					

В табл. 3 помечены часто / редко употребляемые в языке формы; образующиеся, но не употребляемые, а также не образующиеся глагольные формы; отмечено исключительно авторское употребление. В прошедшем времени отдельно комментируется употребление по лицам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По материалам Корпуса можно сделать вывод о том, что семантическая группа глаголов со значением профессиональной деятельности является в современном русском языке продуктивной и открытой, в нее продолжают добавляться новые глаголы (даже при наличии конкурентных словообразовательных средств типа *-ствовать*; *-ить*: *деканствовать*, *ди-*

ректорствовать, *учительствовать*; *сталеварить*, *лесничить*). Некоторые глаголы, обозначавшие ушедшие профессии, с утратой прямых значений перешли из этой группы в группу интерпретационных глаголов, получив оценочное значение. Глаголы, не до конца потерявшие семантическую связь с профессией и оставшиеся в этой группе, как правило, имеют стилистические пометы. С учетом функциональной обусловленности парадигм наиболее частотными для этой группы глаголов являются формы 3 лица обоих чисел (чаще в прошедшем времени). По данным НКРЯ, формы причастий и деепричастий от этих глаголов встречаются только в авторской речи. Рассмотренным глаголам характерен информативный регистр, реже – *репродуктивный*.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00263а.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Проспект АС – Проспект Активного словаря русского языка / ИРЯ РАН; Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 18.
- ² На материалах основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ): www.ruscorpora.ru.
- ³ Русский семантический словарь / Под общ. ред. акад. Н. Ю. Шведовой. Т. IV. М., 2007. Далее цитирую по этому изданию с указанием в скобках РСС. С. 576–577, 723.
- ⁴ АГ-80 – Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. С. 341.
- ⁵ Даляр В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. I–IV. Т. II: 15, 226, 228, 292. Т. III: 129, 323. Т. IV: 112, 192, 219, 329.
- ⁶ МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. I: 639. Т. II: 155, 156, 224. Т. III: 144, 306, 739. Т. IV: 116, 136, 274.
- ⁷ НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. Т. I–II. Т. I: 573, 761, 762, 828. Т. II: 117, 233, 523, 617, 628, 629, 711.
- ⁸ СРЯ XI–XVII вв. 1979 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 126–127.
- ⁹ СРЯ XI–XVII вв. 1989 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Г. А. Богатова. М.: Наука, 1989. Вып. 15. С. 103.
- ¹⁰ СРЯ XI–XVII вв. 1997 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Г. А. Богатова. М.: Наука, 1997. Вып. 22. С. 249.
- ¹¹ СРЯ XI–XVII вв. 2000 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Г. А. Богатова. М.: Наука, 2000. Вып. 24. С. 242.
- ¹² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. I: 1150, 1558, 1559. Т. II: 135. Т. III: 306, 611, 1403. Т. IV: 230, 531.
- ¹³ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 290, 393, 701, 843.
- ¹⁴ В формах прошедшего времени и условного наклонения морфологическое лицо вычисляется аналитическим способом – по контексту.
- ¹⁵ Девятова Н. М. Синонимия синтаксических конструкций с именным и глагольным предикатом: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. С. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э. и др. Языковая картина мира и системная и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 33–160.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003. 800 с.
4. Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
5. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016. 812 с.
6. Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 330 с.

Ekaterina A. Smirnova, PhD in Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 katarzina@yandex.ru

**THE SEMANTIC AND SYNTACTIC PECULIARITIES
 OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY VERB GROUP
 (USING THE MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF SEMANTICS AND GRAMMAR)***

The article deals with the description and paradigmatic possibilities of the Russian professional activity verb group ending with *-nichat'*. The semantic and syntactic prohibitions on the formation of certain verb forms are revealed in the paper. Some tendencies in verb inflection and word-formation within this group are discovered using the material of the Russian National Corpus. The described class of professional activity verbs is analyzed in the Dictionary of Semantics and Grammar according to the following parameters: word-formation (accentuation type), morphology (paradigm), lexical semantics, syntax (set of valences), register conditions, and subject perspective. This approach to the language content processing cuts off the potential verb forms that are described in dictionaries and distort the real picture of the verb usage. The group of non-isosemic verbs ending with *-nichat'* demonstrates the paradigmatic gaps, the polysemy absence, the limited functions of perfect/imperfect forms, as well as the presence of word-formative and semantic synonymy, and a large number of analytical constructions. The article contains a table with the paradigm of the verb *malyarnichat'*, which demonstrates the current usage of the verb forms from the studied semantic group.

Keywords: word-formation, morphology, lexical semantics, syntax, verb paradigm

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant No 18-012-00263a.

Cite this article as: Smirnova E. A. The semantic and syntactic peculiarities of the professional activity verb group (using the materials for the Dictionary of Semantics and Grammar). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 72–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.435

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. The foundations of systematic lexicography. *Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D., Babaeva E. E. Language world-view and systematic lexicography*. Moscow, 2006. P. 33–160. (In Russ.).
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Language conceptualization of the world (in Russian grammar material). Moscow, 1997. 576 p. (In Russ.).
3. Zaliznyak A. A. Grammatical dictionary of the Russian language. Moscow, 2003. 800 p. (In Russ.).
4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 1998. 528 p. (In Russ.).
5. Lopatin V. V., Ulukhanyan I. S. Dictionary of word-formative affixes in the modern Russian language. Moscow, 2016. 812 p. (In Russ.).
6. Ulukhanyan I. S. Verb formation in the modern Russian language. Vol. I: Verbs derived from names and interjections. Moscow, 2015. 330 p. (In Russ.).

Received: 4 October, 2019

НИНА СЕМЕНОВНА ГАНЦОВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии
Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)
Gantsovsky_n@mail.ru

ЕЛЕНА БОРИСОВНА ВОЛКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков И-13
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Москва, Российская Федерация)
lenka@mail.mipt.ru

ЛИДУН ЦИНЬ

аспирант кафедры отечественной филологии
Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)
qinlidong@mail.ru

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ГИПОТАКСИСА В ПОСЛЕПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ: ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА А. Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»*

Рассматриваются средства выражения грамматического значения в гипотактических условных конструкциях современного русского языка на материале текста произведения А. Н. Островского позднего периода «Снегурочка». Ставится задача анализа генетически разновременных по происхождению и разных по степени монолитности выражаемого ими значения подчинительных союзов в аспекте оппозиции книжное/разговорное. Привлекаемый для исследования драматургический материал романтической пьесы-сказки позволяет показать характерные особенности синтаксиса русского литературного языка послепушкинского периода в преддверии новых литературных тенденций: утверждение господства моносемантического союза *если* и его нейтральный стилистический характер и в то же время достаточно активное употребление архаических для кодифицированного литературного языка синкетических союзов с ярко выраженной народно-разговорной окраской *коли*, *кабы*, *когда*. Все они значатся в списке Тысячи самых частотных слов произведений А. Н. Островского, имея соответствующий ранг и показатель частотности, где самые высокие показатели принадлежат союзам *если* и *коли*. Авторы приходят к выводу, что «Снегурочка» демонстрирует почти полный набор лексико-грамматических средств – союзов условных сложноподчиненных предложений, применяемых А. Н. Островским в репликах героев его многочисленных пьес как книжного типа, характерного для кодифицированного литературного языка, так и разговорного, стоящего на периферии литературного языка, с уклоном в архаику и народное просторечие. Последними, как правило, являются синкетические союзы. Все это способствует эффективному выполнению художественных задач, поставленных драматургом, и одновременно является мерилом степени развития гипотактических средств русского литературного языка в ближайшие десятилетия послепушкинской эпохи.

Ключевые слова: гипотаксис, подчинительные условные союзы, книжное/разговорное, Островский, «Снегурочка»

Для цитирования: Ганцовская Н. С., Волкова Е. Б., Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в послепушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436

ВВЕДЕНИЕ

Слова В. Я. Лакшина, одного из лучших исследователей А. Н. Островского, произнесенные в конце прошлого столетия, в полной мере актуальны и сейчас:

«Островский продолжает полнокровно жить на современной сцене, но не менее важно то, что он по праву считается частью классической русской литературы XIX века. Традиция читать Островского, а не только видеть на сцене повелась не со вчерашнего дня» [4: 5].

С именем А. Н. Островского связан определенный этап развития русского литератур-

ного языка послепушкинского периода, когда интенсивно происходило сближение книжной, генетически церковнославянской его основы с живой разговорной речью. Именно его драматургическое творчество обеспечило и во многом узаконило мощный приток демократических элементов как в области лексики, так и грамматики во все сферы и жанры русского стандартного языка.

«Речь героев в пьесах Островского, ярко индивидуальная, представляющая собой сплав общественно значимых и неповторимо-личных черт, нейтральных

и аффективно окрашенных, вместе с тем отражает типичные черты национального русского языка определенного периода, выявляет специальные черты той или иной культурной среды» [1: 496].

Средства гипотаксиса в области предикативных конструкций в русском литературном языке, как известно, в основных своих чертах сложились к XVII веку, но их развитие с разной степенью интенсивности в разных жанрах, стилях и культурных практиках национального языка продолжалось и в последующие эпохи, полностью не завершилось оно и к настоящему времени. Тексты драматургии А. Н. Островского, отражающие живой русский язык 40–80-х годов XIX века, в этом отношении являются живой летописью эпохи.

В. Д. Левин, соотнося признаки книжности/разговорности (далее К/Р) в лексике и грамматике с понятиями сильная и слабая позиция в фонологии, определял роль лексики в тексте как носителя сильной позиции разговорности, а грамматики – слабой позиции [5]. Иное дело – союзы в составе гипотактических конструкций. Будучи главным показателем синтаксических отношений в конструкции и одновременно лексическим средством, союзные скрепы являются мерилом степени К/Р текста и поэтому могут отражать ту или иную позицию члена этого противопоставления в зависимости от своего типологического статуса или же ситуационных условий. Книжную, ее же можно признать для того времени нейтральной, то есть внежанровой, внестилевой – если они оформились как моносемантические союзы, в первую очередь это союзы *если*, *ежели*, разговорную – если они многозначны, как, например, союзы *когда*, *как*, пограничные между условными и временными. Союзы *кабы*, *коли*, уже сформировавшиеся в позднем средневековье как специфически условные, типичные для широкой народно-разговорной среды и в послепушкинский период, но чуждые рафинированной книжной речи, надо также признать маркёрами сильной позиции разговорности.

В пьесах А. Н. Островского разных периодов и разного содержания, отражающих речь относительно «образованной», «малообразованной» и «необразованной» части русской публики середины XIX века, функционируют условные подчинительные союзы с разной степенью проявления К/Р: нейтральные союзы *если*, *ежели*, характерные для книжной и разговорной речи (последний все же имеет некоторый оттенок архаичности, стоит ближе к периферии книжной речи), и союзы с яркими приметами разговорности *коли*/*коль*, *кабы*, *когда*, *как*. Все они значатся в списке Тысячи самых частотных слов произведений А. Н. Островского. В ранге частотности союз *если* занимает 56-е место и насчитывает 2278 употреблений, ранг *ежели* 133, ча-

стотность 179. Статистика других союзов такова: *когда* (ранг 88, частотность 1404), *коли* (146, 817), *кабы* (400, 288), *коль* (988, 109), *как* (17, 7960). Союз *как* в этом списке сверхчастотен, но он исключительно многозначен, и сведений о его употребительности в роли условного союза, как и остальных союзов, в источнике нашей информации нет [7].

Пьеса в стихах «Снегурочка» позднего периода творчества писателя и по жанровым признакам (она определена автором как весенняя сказка), и по особенностям языка, приближенному к речи продвинутой части русской интеллигенции в преддверии серебряного века, который не совсем верно было бы характеризовать только как фольклорную стилизацию, представляет своеобразное явление в творчестве драматурга. В целом ее можно определить как романтическое произведение, имеющее многие переклички с современностью. Более детально об истоках пьесы, ее рецепции, поэтике, своеобразии в контексте драматургии А. Н. Островского, характере языка и др. см., например, в [6]. В «Летописи жизни и творчества А. Н. Островского» следующим образом описывается история создания пьесы:

«1873. 9 марта. Комиссия управления императорскими московскими театрами... в связи с ремонтом Малого театра и необходимости на сцене Большого театра размещать драматическую, оперную и балетную группы решила поставить спектакль-феерию, где были бы задействованы все три группы. С предложением написать такую пьесу в короткий срок обратились к Островскому. Он решил взять сюжет народной сказки “Девочка-снегурочка” и просил комиссию музыку заказать П. И. Чайковскому. 9 марта Островский закончил черновую редакцию 1-го действия “Снегурочки”» [3: 94].

Представляет интерес, как использовал А. Н. Островский в аспекте К/Р арсенал условных подчинительных союзов русского языка в тексте этой романтической сказки. Дадим полный список условных союзов в контексте речей персонажей пьесы «Снегурочка».

ЕСЛИ. Союз встречается в речи почти всех персонажей пьесы: Снегурочки (два раза), Царя (три раза), Брусило, Мураша, Мизгиря (два раза), Леля. Примеры показывают: союз универсален и может использоваться персонажами разных социальных групп и в разных ситуациях. Его типологический статус как нейтрального моносемантического союза вполне сложился:

«...союз *если* не имел строгой стилистической закрепленности, постепенно расширяется сфера его использования, он проникает во все жанры языка, распространение *если* в письменном языке поддерживается употреблением его в разговорной речи. В современном русском литературном языке *если* – основной союз в условных сложноподчиненных предложениях» [2: 242].

Снегурочка. А если / Не по сердцу придётся? (с. 28)¹. Брусило. **А если нам от новой взятки гладки, / Куда ж тогда?** (с. 37). Царь. **Не думай ты, что если нет убийств / И воровства...**

(с. 57). Царь. *Красавица, поверь, что если б громы / Средь ясного безоблачного неба / Раскатами внезапно возгревели, / Не так бы я дивился, как дивлюсь / Словам твоим бесхитростным* (с. 66). Мураш. *Заставь молить прощенья / У ног ее, а если не захочет, / Тогда карай грозой своей* (с. 70). Мизгири. *Ни слова я не молвлю в оправданье; / Но если б ты, великий царь, увидел / Снегурочку...* (с. 71). Царь. *Но если правда, как же / Не гневаться подателю тепла?* (с. 75). Мизгири. *А если нет – пускай меня карает / Закон царя и страшный гнев богов!* (с. 77). Снегурочка. *О, если все такая / Живет любовь в народе, не хочу, / Не буду я любить* (с. 88). Лель. *Если / У глупого мальчонка-пастуха / Рассудка нет, так веющим сердцем сыщет / Подружку он* (с. 94).

КОЛЬ. Союз характерен для речи Мороза, Снегурочки, Малуши, Малыша, Купавы. Разговорно-просторечный характер союза *коль* (варианта *коли*) и большая степень клишированности контекстов с ним очевидны. Союз характерен для устойчивых оборотов *коль есть охота, коль правда, коль хочешь, коль сунешься...*

«Уже в период старорусской письменности союз *коли* был приметой разговорной речи. В деловом жанре он встречается в грамотах, отражавших живой язык...» [2: 245].

Мороз. *От скуки пой, пляши, коль есть охота, Чего еще?* (с. 12). Снегурочка. *Коль правда то, что девку не минует / Пора любви и слез по милю, ждите, / Придет она. Бобыль. Коль хочешь, / Играй и пой Снегурочки: но даром...* (с. 32). Малуша. *Найдите / Получите нас. Коль мы не хороши* (с. 37). Малыш. *Смотри, / Коль сунешься, не пяться* (с. 42). Снегурочка. *Пригоженький, послушай! / Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело / У бедненькой Снегурочки, с другими / Девицами водиться перестань!* (с. 85). Купава. *Подружку? Нет собачку, / Гони и бей, коль ласка надоест* (с. 94).

Как кажется, в этих текстах *коль* выступает в качестве средства исторической стилизации. Разговорный характер союза подчеркивается редукцией конечного *и* в союзе-частице *ли*, исторически второй составляющей части союза *коли*.

«Вопросительная частица *ли* в памятниках древнерусского языка выступала иногда в качестве союза в сложноподчиненных условных предложениях... Б. В. Лавров считает, что по мере того, как условное предложение все более отходило от значения вопроса, с которым оно генетически связано, вопросительной частице *ли* трудно было закрепиться в роли условного союза» [2: 238].

ЛИ. Однако в «Снегурочке» мы видим пример употребления *ли*, этого древнего союзного средства условного придаточного. В. Л. Георгиева полагает, что *ли* как условный союз может иметь варианты *или*, *али* [2: 238]. Однако в нижеследующем примере их вряд ли можно считать таковыми. Скорее они выступают как разделительные союзы.

Мороз. *Слушай, Леший, / Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет / Без отступа, аль силой взять захочет / Чего умом не может: застутись* (с. 18).

КОГДА. Предложения с синкретическим союзом *когда*, совмещающим временное и условное значение, нередки в «Снегурочке». Они встречаются в речах Весны, Царя, Снегурочки, Купавы, Леля и носят экспрессию разговорности вследствие неточности обозначения условно-следственных отношений.

Весна. *Снегурочка, когда тебе взгрустнётся, / Или нужда в чем... – ты приди / На озеро, в Ярилину долину, / Покличь меня* (с. 18). Царь. *Не думай ты, что всё благополучно, / Когда народ не голоден, не бродит / С котомками, не грабит по дорогам* (с. 57). Бобылиха. *Того гляди умрет, когда с надсады, / Допляшется* (с. 79). Снегурочка. *Пригоженький, когда настанет время / Снегурочке любить, уж никого-то / Опричь тебя не полюблю* (с. 85). Купава. *Без жалобы отстану, только взглядом / Слезящимся скажу тебе, что я, мол, / Приду опять, когда поманишь* (с. 94). Лель. *Время / Узнать тебе, как сердце говорит, / Когда оно любовью загорится* (с. 95).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «Снегурочка» демонстрирует почти полный набор лексико-грамматических средств – союзов условных сложноподчиненных предложений, применяемых А. Н. Островским в репликах героев его многочисленных пьес, как книжного типа, характерного для кодифицированного литературного языка, так и разговорного, стоящего на периферии литературного языка, с уклоном в архаику и народное просторечие. Последними, как правило, являются синкретические союзы. Все это способствует эффективному выполнению художественных задач, поставленных драматургом, и одновременно является мерилом степени развития гипотактических средств русского литературного языка в ближайшие десятилетия послепушкинской эпохи.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Островский А. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Пьесы. 1850–1861. М.: Изд-во худож. лит., 1987. 527 с. Далее цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ганцовская Н. С. Язык драматургии Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШПГПУ», 2012. С. 496–498.
- Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979. 464 с.
- Кайдаш-Лакшина С. Н. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского: Статьи. М.: Лазурь, 2013. 240 с.
- Лакшин В. Я. Мудрость Островского // Островский А. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Пьесы. 1850–1861. М.: Изд-во худож. лит., 1987. С. 5–30.
- Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 9–97.
- «Снегурочка» в контексте драматургии А. Н. Островского: Материалы научно-практической конференции. Кострома: Литературный музей-филиал Костр. гос. историко-арх. музея-заповедника, 2001. 152 с.
- Тысяча самых частых слов. Частотный словарь языка А. Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШПГПУ», 2012. С. 655–658.

Поступила в редакцию 05.08.2019

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philology, Kostroma State University
(Kostroma, Russian Federation)
Gantsovsky_n@mail.ru

Elena B. Volkova, PhD in Philology, Moscow Aviation Institute (National Research University)
(Moscow, Russian Federation)
lenka@mail.mipt.ru

Lidong Qin, Postgraduate Student, Kostroma State University
(Kostroma, Russian Federation)
qinlidong@mail.ru

DEVELOPMENT OF HYPOTAXIS MEANS IN THE POST-PUSHKIN ERA: A. N. OSTROVSKY'S SPRING TALE SNEGUROCHKA*

The article deals with the means of expressing the grammatical meaning in hypotactic conditional constructions of the modern Russian language using A. N. Ostrovsky's latest period work *Snegurochka*. The authors set the problem of analyzing subordinate conjunctions, which are genetically asynchronous in origin and differ in the extent of integrity of the meaning they express, in the aspect of literary/colloquial opposition. The drama of the romantic play-tale engaged for the research allows to display specific traits of Russian literary syntax in the post-Pushkin period in anticipation of new literature tendencies: increasing domination of the monosemantic conjunction *yesli* with its neutral stylistic nature, and at the same time quite frequent implementation of the syncretic conjunctions with salient colloquial connotations *koli*, *kaby*, *kogda*, at the time being archaic for the codified literary language. All these conjunctions are included in the list of a thousand of the most frequent words of A. N. Ostrovsky's works having a respective rank and frequency index, with the conjunctions *yesli* and *koli* having the highest indices. The authors come to the conclusion that *Snegurochka* shows almost the complete set of lexical and grammatical devices – i. e., the conjunctions of conditional subordinate clauses employed by A. N. Ostrovsky in his numerous plays characters' speech both as a book type characteristic of codified literary speech and the colloquial one with the bias to literary language inclining towards antiquity and vulgar tongue. The latter are usually syncretic conjunctions. All these factors contribute to the efficient accomplishment of the artistic tasks set by the playwright and serve as a yardstick for measuring the degree of development of the hypotactic means of the Russian literary language in the first decades of the post-Pushkin era.

Keywords: hypotaxis, subordinate conditional conjunctions, literary/colloquial, Ostrovsky, *Snegurochka*

* The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project No 18-012-00809
“Dialect study of vocabulary and onomastics of Kostroma region”.

Cite this article as: Gantsovskaya V. S., Volkova E. B., Qin Lidong. Development of hypotaxis means in the post-Pushkin era: A. N. Ostrovsky's spring tale *Snegurochka*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436

REFERENCES

- Gantsovskaya N. S. Ostrovsky's drama language. A. N. Ostrovsky. Encyclopedia (I. A. Ovchinina, Ed.). Kostroma, Shuya, 2012. P. 496–498. (In Russ.)
- Historical grammar of the Russian language. Syntax. Compound sentence (V. I. Borkovsky, Ed.). Moscow, 1979. 464 p. (In Russ.)
- Kaidash-Lakshina S. N. The chronicle of A. N. Ostrovsky's life and creative work. Articles. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
- Lakshin V. Ya. Ostrovsky's wisdom. Ostrovsky A. N. Collected works. In three vols. Vol. 1. Plays. 1850–1861. Moscow, 1987. P. 5–30. (In Russ.)
- Levin V. D. Literary speech and fictional narration. Language issues of modern Russian literature. Moscow, 1971. P. 9–97. (In Russ.)
- Snegurochka* in the context of A. N. Ostrovsky's drama. Kostroma, 2001. 152 p. (In Russ.)
- A thousand of the most frequent words. Frequency dictionary of A. N. Ostrovsky's language. A. N. Ostrovsky. Encyclopedia (I. A. Ovchinina, Ed.). Kostroma, Shuya, 2012. P. 655–658. (In Russ.)

Received: 5 August, 2019

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры языко-
знания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический универ-
ситет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Фе-
дерация)

alexpetrov72@mail.ru

СВЕТЛНА ВИКТОРОВНА РУДАКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры языко-
знания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический универ-
ситет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Фе-
дерация)

rudakovamasu@mail.ru

МИФ О ЦАРЕУБИЙСТВЕ 11 МАРТА 1801 ГОДА В СТИХАХ С. С. БОБРОВА

Рассматриваются три поэтических духовных и исторических произведения С. С. Боброва (одного из малоисследованных авторов рубежа XVIII–XIX веков), посвященные мотиву цареубийства 11 марта 1801 года: «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославлю», «Ночь» и «Торжественное утро. – Марта 12 1801 года». Рассмотрены вопросы историософии, а также основные историософемы и мифологемы, использованные автором. Бобров – один из немногих поэтов указанного периода, кто осмелился писать о мартовских трагических событиях, о которых большинство даже думать боялось (создал триптих об убиенном императоре Павле I). Его произведения отличаются тем, что в них со-вмещены традиционные для высоких жанров историософемы, например Всеблагого Провидения, покровительствующего России, с трагическими неблагими реалиями русской истории. Как показано в статье, Боброву удалось осуществить подобное благодаря введению в текст Творящего духа. Созданная поэтом целостная историософская концепция обогатила литературу начала XIX века поэтикой «страшного» и «тайинственного».

Ключевые слова: историософия, Бобров, историософемы, духовидец, мифополитика, мифопоэтика

Для цитирования: Петров А. В., Рудакова С. В. Миф о цареубийстве 11 марта 1801 года в стихах С. С. Боброва // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Семена Сергеевича Боброва (1765–1810), поэта рубежа XVIII–XIX веков, было и остается малоизученным [4], [5], [8]. Мы выбрали небольшую лакуну, актуальную в свете современных исследований мифопоэтики. Связана она с духовидческими и историософскими стихами Боброва о цареубийстве 11 марта 1801 года. Бобров был одним из немногих авторов того времени, кто вообще осмелился писать о мартовском перевороте. Атмосфера тайны и молчания вокруг цареубийства, «историческая пустота», неожиданно возникшая в общественном сознании на месте пятилетнего, всем памятного правления, табу на само имя императора Павла I – все это слишком очевидное «человеческое» насилие над историей не могло не привлечь внимания поэта, обладавшего экзальтированным воображением и знанием о надчеловеческой, сверхисторической природе земных событий [5], [8].

В манифесте о вступлении Александра I на престол, составленном Д. П. Трощинским, современникам и потомкам были заданы определенные – мифологизирующие – параметры

восприятия случившегося: вмешательство Божественной воли в ход истории («Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего <...>»); представление власти как бремени и долга («да подаст нам силы (Бог. – А. П., С. Р.) к снесению бремени, ныне на нас лежащего»); установление новых, прерванных смертью Павла властных отношений. Легитимность восшествия на престол обосновывалась двояко: *династически*, по закону («восприемля наследственно императорский всероссийский престол»), но особенно некими *духовными*, более крепкими, нежели кровнородственные, *связями*, существовавшими якобы между «августейшей бабкой» и внуком, который намеревался шествовать «по ее премудрым намерениям» [11: 477]. Известные слова из манифеста о том, что править новый монарх будет «по законам и по сердцу в бозе почивающейавгустейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великия», были восприняты Бобровым буквально.

Свой особый взгляд на события 11–12 марта 1801 года поэт-духовидец отразил в трех стихотворениях: «Глас возрожденной Ольги к сыну

Святославлю»¹ (52–58), «Ночь» (73–78) и «Торжественное утро. – Марта 12 1801 года» (84–91) (все написаны в 1801–1804 годах). В двух стихотворениях – «Торжественном утре...» и «Гласе возрожденной Ольги...» – излагается один и тот же историософский сюжет о прямой передаче власти Александру «почившей в бозе» Екатериной, точнее, ее «духом». В третьем поэт описывает роковую ночь, смерть государя, пытаясь найти мистическое, сверхисторическое объяснение фактам реальной политики, забвению самого имени императора Павла, образ которого предстает в «Рассвете полночи...» исключительно в перифрастических оборотах.

Новый властитель может, конечно, приказать подданным забыть о своем предшественнике; историческая наука вполне в состоянии этот приказ выполнить; а вот на долю литературы (искусства) часто выпадает создание самих механизмов стирания культурной памяти либо – и разницу здесь увидеть практически невозможно – ее сохранения в условиях, для этого малоподходящих и даже опасных. Художественная историософия со свойственными ей метафоричностью и символичностью образов, выборочностью описываемых ситуаций и деятелей, субъективностью и даже произвольностью авторской позиции оказывается иногда единственной допустимой формой исторической рефлексии [6], [7].

В «Торжественном утре...» Бобров реанимирует жанр оды «на день восшествия на престол», и помогает ему в этом... дух Екатерины. Последний «низлетает» «на розовых зари крылах» с «небесных гор» в «царственный чертог» и начинает беседу с Александром:

«Возстани, – тень рекла, – мой внуки!
Возстани! – для тебя небесный
Теперь оставила я кров,
Да возвещу, что рок чудесный
Творит на глас Отца духов» (85).

Беседы покойных монархов со своими преемниками, явления духов и теней вошли в образный строй оды задолго до Боброва. В качестве топосов они закрепились в ранних одах Ломоносова; новый виток интереса к ним возник вместе с проникновением в русскую литературу оссиянизма (достаточно вспомнить здесь стихотворения Державина о Потемкине и Суворове) [2], [3], [9], [10]. У Ломоносова почивших российских властителей, пребывавших в ином, «горнем» мире, представлял обычно дух Петра I. Так, в оде 1742 года он вместе с духом Екатерины I смотрит «с высот» на свою «дщерь», предсказывая ей славу и обещая помочь свыше. В складывавшемся одицком каноне «духу Петрову» была отведена роль сакрального покровителя России, следящего также и за процветанием рода Романовых [1], [2], [9].

Непосредственным источником рассматриваемого мотива в «Торжественном утре...» могла

послужить ломоносовская интронизационная / новогодняя ода 1761 года. Там отходящая в вечность Елизавета вручала народ и отечество новому императору – Петру Феодоровичу. Ломоносовым были описаны даже момент отделения души от тела:

«Освободясь от части тленной
Восходит к жизни непременной»², –

и «небесный кров», где душу Елизаветы встречали «дух Петров» и «преславные предки». Все эти мотивы с особой тщательностью будут разработаны Бобровым в его духовидческих стихотворениях.

Соединяя в монологе духа Екатерины «общие места» предшествующей одицкой традиции, поэт выдвигает на первый план мотив *оправдания* нового властителя. Вполне естественно, что апеллирует дух к сверхисторическому, открытому только ему знанию:

«Почто взыхать? – Твой путь пред нами
Сам Божий оправдал совет. –
Гряди на трон, куда в дни прежни
Вела тебя душа моя!
В тебе возстанет Невский древний,
Возстанет ПЕТР, – востану я» (85).

Таким знанием духи и тени в ломоносовских и державинских одах не обладали. Наряду с другими сверхъестественными существами, например божествами античной мифологии, они являлись в первую очередь функцией, риторическим приемом заимствования, посредством которого поэты «возносили» российских «героев» над обычными смертными. Так, у Державина риторическая основа монологов подобных персонажей, например Фелицы в «Видении Мурзы» или П. А. Румянцева в «Водопаде», является первичной. В стихотворениях Боброва явление духов балансирует на грани между *приемом, условностью и внешнедраматической реальностью*, попыткой отобразить бытие иного мира.

Интересующий нас аспект – идея *творящего духа* как часть историософской концепции Боброва – представлен в монологе духа Екатерины, занимающем семнадцать из тридцати строф общего объема стихотворения. Со ссылкой на мысль Пифагора о переселении душ здесь говорится о возможности «слияния» нескольких душ великих людей в одной, особенно достойной:

«Державный внуки Мой! – в просвещенной
Душе твоей душа Моя
Найдет свой вечной храм нетленной <...>.
Тебе священных теней лики
Приветствуют из сих гробниц;
И Невский князь, и ПЕТР Великий,
И Я – во образе зарниц
Сливаемся с твоей душою. –
Ты сим слияньем душ щастлив;
И Я – едва ль не верить смею,
Что в мыслях Пифагор правдив...» (87).

Небезынтересны размышления автора и его «героев» о некоем законе природы, по которому на свет рождаются «благие духи» («гении», «кометы»), то есть великие властители:

«<...> Природа долго, – долго млеет,
Чтоб сих комет на свет явить;
Летит тьма лет; – тут чреватеет,
И силится Петров родить» (86).

Об этом «законе» поэт будет рассуждать и в других своих духовидческих произведениях, особенно подробно – в эонической оде «Столетняя песнь, или Торжество осмагонадесять века России» [6: 227–254].

В «Гласе возрожденной Ольги...» Бобров развивает ту же концепцию «выборочного» воплощения духа в «полубога», избранного «роком», но на материале начальной истории российского государства. «Два жителя Славянских», *Старец и Юноша*, слышат с небес стоны и голоса и узнают о преждевременной смерти князя Святослава Игоревича. К *Юноше*, который, судя по всему, является сыном князя, Владимиром Святославичем, обращается тень княгини Ольги и рассказывает о предстоящей ему властной миссии и даже о будущих российских «героях» XVII–XVIII веков.

Возможно, это первое в новой русской поэзии осмысление данного летописного сюжета. Однако для читателей рубежа XVIII–XIX веков, не отыкших еще искать аллюзии и иносказания в произведениях на историческую тему, актуальный смысл стихотворения сводился, по-видимому, к мифоисторической аналогии,ющей утвердить моральное, духовное право Александра Павловича на престол. Как и в «Торжественном утре...», тень бабки (здесь: княгини Ольги) передает власть *внуку*; аналогия подчеркнута повтором целых строф – наставлений правительниц своим наследникам.

Вот как княгиня X века наставляет своего внука, говоря ему об оставленном ею «чертеже небесном и священном, / Чтобы народ весь возродить». Речь идет о некоем завещании, связанном с дальнейшим «просвещением» Руси, то есть с введением христианства:

«Чертеж теперь Славянам лестен;
В нем целый дух мой поменен;
А дух душе твоей известен. –
Разгни его! – и Росс блажен.
Ты узришь в нем, что дар сладчайший,
Что Небо земнородным шлет,
Есть царь любезный, царь кротчайший,
Который свой народ брежет» (55–56).

А вот как императрица XVIII века рассказывает своему внуку о другом «чертеже» – «Наказе»:

«Чертеж мой для полсвета лестен;
В нем целый дух мой впечатлен;
А дух душе твоей известен;
Разгнешь его! – и Росс блажен;
В нем узришь ты, что дар краснейший,
Какой лишь небо смертным шлиот,

Есть Царь любезный, Царь святейший,
Который любит свой народ» (85).

Таких «параллельных» строф в стихотворениях наберется еще несколько. Сознательно Бобров вкладывал в уста российских властительниц одни и те же слова или же просто не хотел тратить время на поиски новых образов для описаниях схожих ситуаций – вопрос не праздный, но трудноразрешимый. Во всяком случае выбор для императора Александра I «двойника» по исторической судьбе – князя Владимира I, открывшего новую эпоху в жизни Руси / России, – должен был казаться поэту и его читателям символичным.

Немалое место занимает в «Гласе возрожденной Ольги...» тема смерти: о гибели древнерусского князя говорить в подцензурной литературе не возбранялось, при этом Святослав явно «зашмал» Павла I:

«Тень Ольги венчающая внуку.
Владимир! – Ольги внука, Владимир
Тебе реку; – внемли! – в час гневный
Мой сын, – нещастный твой отец
Оставил в век сей дол плачевный,
Приял и дел и дней конец. –
Лишь Росс со мной на век простился;
И зреть меня он в нем не смел,
Как и того теперь лишился. –
Я зрела, – как он в твердь летел...»

Да; – зрела я, как Печенеги
Изобретали страшный ков <...>» (55).

Смерть императора Павла подвигла Боброва на создание одного из самых ярких в русском предромантизме стихотворений о смерти властителя и о роковом в истории – «Ночь». Здесь «предшественником» российского самодержца выступает римский – Юлий Цезарь. В истории царствует закон повторения – эту мысль Бобров обосновывает, находя параллели между событиями 44 года до н. э. и 1801 года: природные знамения:

«Не такова ли ночь висела
Над Палатинского Горой,
Когда над Юлием шипела
Сокрыта молния под тьмой» (74–75),

мистика астрологических совпадений (оба заговора пришли на март):

«когда под вешним зодиаком
Вкушал сей вождь последний сон?» (75) –

внезапная смерть в расцвете сил, на пике успехов:

«Он зрел зарю; – вдруг вечным мраком
Покрылся в Капитолий он. <...>
<...> Ах! – нет его...
Его, – кому в недавны леты
Вручило небо жребий твой,
И долю дольней полпланеты,
И миллионов жизнь, покой, –
Его уж нет; – и смерть толкаясь
То в терем, то в шалаш простой,

Хватает жертву улыбаясь
Железною своей рукой» (75–76).

Для читателя 1800-х годов тема смерти цезаря актуализировала, кроме того, мотивы предательства и цареубийства:

«Варяг, – проснись! – теперь час лютый;
Ты спиши; – а там... протяжный звон; –
Не внемлешь ли в сии минуты
Ты колокола смертный стон? –
Как здесь он воздух раздирает? –
И ты не ведаешь сего! –
Еще – еще он ударяет; –
Проснешься ли? – Ах! – нет его...» (75–76).

Все стихотворение, а вместе с ним и «триптих» о смерти императора Павла I подчинены раскрытию идеи о торжестве *рокового* в истории, о *случайном*, которое выражает Божественную волю. Сам Ангел смерти, «призрак крылатый», «медлит» и «отвращает» свой взор, не желая гибели властителя, которому небо вручило «жребий свой». «Но тайны рока непреложны», решение небес неумолимо, и причины его никому неведомы, поэтому «Ангел грозный», не смея противиться вышней воле, «совершает страшный долг». О «всемощном роке», «жребии», «часе судорожном полбогов», «гневном часе» постоянно рассуждают и персонажи «Гласа возрожденной Ольги...».

Боброву удалось достичь многоного в создании особой эмоциональной атмосферы своих стихотворений, новой для русской поэзии, – атмосферы предчувствия некой ужасной тайны. Решая данную задачу, поэт талантливо пользуется суггестивными возможностями пейзажа. Последний занимает большую часть «Ночи», подчинен единой цели и при этом разнообразен. Несомненно, в стихотворении изображены реальные приметы холодной, дождливой петербургской ночи с 11 на 12 марта, известные по воспоминаниям современников:

«Звучит на башне медь; – час нощи; –
Во мраке стонет томный глас. <...>
Верхи Петрополя златые
Как бы колеблются средь снов;
Там стонут птицы роковые
Сидя на высоте крестов» (73).

Однако документально точного, «реалистического» описания города в произведении нет. Все детали, которые относятся к петербургскому архитектурно-природному локусу, получают мистико-символическое наполнение и истолкование. Шпиль Адмиралтейства и кресты на церковных куполах – «колеблются средь снов»; вороны – «птицы роковые»; на башне «стонет томный глас» колокола; «Звезда Полярна» восходит над багровыми столпами, сыплющими «молний треск глухой»; «кровавая луна» скрывает свой «зрак» за «завесой облаков густых», «Слезится втайне и тускнеет,
Печальный мецет в бездны взгляд,
Смотреться в тихий Бельт не смеет» (74);

«огни блудящи» (огни св. Эльма) оставляют «червленый след» во тьме и т. д. Появляются в стихотворении инфернальные мифологические существа: «Парки тощи», прядущие нить; «Ангел смерти»; шепчущиеся в тишине «толпящиеся тени».

«Сон мертвый с дикими мечтами
Во тьме над кровами парит;
Шумит пушистыми крылами;
И с крыл зернистый мак летит» (73).

Свои мрачные описания в золотисто-туманно-красно-черной гамме автор подытоживает восклицанием:

«О муз! – толь виденья новы
Не значат рок простых людей,
Но рок полубогов суровый» (74).

Одновременно Бобров-поэт пытаетсяrationально объяснить свои иррационально-суггестивные образы. Думается, это общая черта художественного мышления ранних русских предромантиков, осознавших, что загадочное в жизни существует, но еще верящих в то, что все тайны открыты для разума. Так, Бобров заставляет осмыслить происшедшее того, кто уже покидает мир земной и идет на «зов» Творца – Павла I:

«Ах! – нет его; – он познает
В полудни ранний запад свой;
Звезду полярну забывает,
И закрывает взор земной. –
«Прости! – он рек из гроба, мчится, –
Прости, земля! – приспел конец! –
Я зрю, – трон вышний тамо рдится!..
Зовет, – зовет меня Творец...» (78).

В «Гласе возрожденной Ольги...» отходящая душа Святослава (= Павла I) также хочет понять, что произошло:

«Где я? – что зделалось со мною? –
Но омрак мой минул! – он тяжек.
Куда лечу? – а там – кого я вижу? –
Там – одаль – в сфере светлых теней, –
Не тень ли матери? – да удалися! –
Духов согласных поищу! –
Зрю, как главою покивает,
И глумным оком зрит она! –
Прости, брегов Днепровских дщерь!
Я отхожу; – прости на веки!» (55)

Автор «триптиха» стремится соотнести события человеческой, посюсторонней истории с космическим мирорядком, вывести некий всеобщий историософский «закон тождества». Из хаоса, сопровождающего переход от старого года / времени к новому, возникает гармония, и изменения в мире горнем должны соответствовать изменениям в мире дольнем: смена веков / эпох необходимо сопровождается смертью одного и «рождением» другого правителя. В «Гласе возрожденной Ольги...» эта мысль выражена сжато и отчетливо в образах механического движения:

«Старец.

Владыки нет...
 Да, – нет его; – мне шепчет дух. –
 Едва минувший век пал в бездну,
 И лег с другими в ряд веками;
 То Князь – туда ж за ним вослед. –
 Едва лишь возгремел над нами
 В горящей юности сей век, –
 Век скрыпнув медным колесом
 Погнался в мрак *грядущей даты*,
 А пламенны миры по тверди
 В гармоний новой двинулись плавно;
 Князь, – томный князь взглянул на них, –
 Вздохнул, – вздохнул в последний раз» (53–54).

В стихотворении «Ночь» бобровская космогония предстает в более развернутой и детализированной форме. После рассказа о смерти владельца поэт рисует открывшуюся его духовному взору картину смены «веков»:

«Таков, вселенна, век твой новый,
 Несущий тайностей фиал!
 Лишь век седой умреть готовый
 В последни прошумел, – упал, –
 И лег с другими в ряд веками, –
 Он вдруг фиалом возгремел
 И, скрыпнув медными осями,
 В тьму будущего полетел» (76).

«Власть веков неодолимых» охватывает и мир природы:

«Тут горы, высясь к облакам,
 И однечасные пылины
 Носимые в лучах дневных,
 С одной внезапностью судьбины
 Дрогнувши исчезают в миг», –

и мир людей:

«Одни падут из тварей зрямых;
 Другие восстают потом. –
 Тогда и он с последним стоном,
 В Авзоньи, в Альпах возгремев,
 И зиждя гром над Албионам,
 Уснул; – уснул и грома гнев» (77–78).

Дух (Павла I) уходит к Творцу – так заканчивается стихотворение «Ночь».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная трудность, с которой, как кажется, столкнулся Бобров в «триптихе» о Павле I и призывающих к нему стихотворениях, состояла в том, чтобы совместить устоявшуюся в «высоких» жанрах и не подлежащую пересмотру «официальную» историософему Всеблагого Прорицания, покровительствующего России, с трагическими и «неблагими» реалиями российской истории. Выполнить эту задачу ему отчасти удалось благодаря обращению к идее *творящего Духа*. В устоявшимся историософским парадигмам – ортодоксальный христианский провиденциализм и утопические представления гуманистов и просветителей о разумной, упорядочивающей и гармонизирующей деятельности монархов – она привнесла динамическое начало и момент непредсказуемости. В свою очередь русская поэзия, еще в середине XVIII века открывшая «превратность» человеческих судеб и всеяластие случая, обогатилась к 1800-м годам целостной историософской концепцией, вобравшей в себя поэтику «страшного» и «тайного».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бобров С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. Т. 1 / Изд. подгот. В. Л. Коровин. М.: Наука, 2008. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

² Ломоносов М. В. Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и прочая, и прочая, и прочая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное воспоминание на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинных радости, усердия и благоговения всеникнейше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. С. 753.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Одические версии «общественного договора» в России XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 2. С. 406–424.
2. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
3. Державин Г. Р. Разсуждение о лирической поэзии или об оде // Державин Г. Р. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1984. С. 273–356.
4. Коровин В. Л. Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М.: Academia, 2004. 319 с.
5. Петров А. В. Духовидческие стихи С. С. Боброва на кончину императрицы Екатерины II // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры. С. 18–26.
6. Петров А. В. Поэты и История: Очерки русской художественной историософии: XVIII век: Монография. Магнитогорск: МагГУ, 2010. 268 с.
7. Петров А. В. Художественная историософия Г. Р. Державина // Вестник МагГУ. 2010. Вып. 12. С. 3–11.
8. Петров А. В., Постников Е. Г. Послания «на Новый год» поэта-духовидца С. С. Боброва // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 1. С. 72–80.
9. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. С. 85–123.
10. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.
11. Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М.: Чарли, 1996. 540 с.

Поступила в редакцию 28.08.2019

Aleksey V. Petrov, Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 alexpetrov72@mail.ru

Svetlana V. Rudakova, Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 rudakovamasu@mail.ru

MYTH OF THE TSAR'S MURDER ON MARCH 11, 1801, IN SEMYON BOBROV'S POEMS

The article analyzes three poetic, spiritual, and historical works of Semyon Bobrov (one of the poorly researched authors of the turn of the XIX century), devoted to the motif of the Tsar's murder on March 11, 1801: "The voice of the resurrected Olga crying out to her son Svyatoslav", "Night" and "Gala morning". Historiosophical questions, as well as the basic historiosophemes and mythemes used by the author are considered. Bobrov is one of few poets of the specified period who ventured to write about the tragic March events, of which the majority was even afraid to think. Bobrov created a triptych about the murdered Emperor Paul I; his works are distinguished by the fact that they combine historiosophemes, traditional for high genres, for example, the All-Merciful Providence patronizing Russia, with the tragic unmerciful realities of Russian history. Bobrov was able to do so by introducing Creative Spirit into his texts. Bobrov's holistic historiosophical concept enriched the literature of the beginning of the XIX century with the poetics of the "terrible" and "mysterious".

Keywords: historiosophy, Bobrov, historiosophemes, spiritualist, mythopolitics, mythopoetics

Cite this article as: Petrov A. V., Rudakova S. V. Myth of the Tsar's murder on March 11, 1801, in Semyon Bobrov's poems. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437

REFERENCES

1. Abramzon T. E., Petrov A. V. Odic versions of the "social contract" in XVIII-century Russia. *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. No 2. P. 406–424. (In Russ.)
2. Alekseeva N. Yu. Russian ode. Development of the odic form in the XVII and the XVIII centuries. St. Petersburg, 2005. 369 p. (In Russ.)
3. Derzhavin, G. R. A discourse on lyric poetry, or on the ode. *Derzhavin G. R. Selected prose*. Moscow, 1984. P. 273–356. (In Russ.)
4. Korovin V. L. Semyon Sergeyevich Bobrov: Life and creative work. Moscow, 2004. 319 p. (In Russ.)
5. Petrov A. V. S. S. Bobrov's visionary verses on the departure of the Empress Catherine II. *Libri Magistri*. 2015. No 2. P. 18–26. (In Russ.)
6. Petrov A. V. Poets and History: Essays on Russian art historiosophy: XVIII Century: Monograph. Magnitogorsk, 2010. 268 p. (In Russ.)
7. Petrov A. V. Artistic historiosophy of G. R. Derzhavin. *MSU Bulletin*. 2010. Issue 12. P. 3–11. (In Russ.)
8. Petrov A. V., Postnikova E. G. Poet-visionist S. S. Bobrov and his letters on New Year's Eve. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences*. 2018. Vol. 20. No 1. P. 72–80. (In Russ.)
9. Pogosjan E. The delight of the Russian ode and the theme of the poet in Russian panegyric of 1730–1762. Tartu, 1997. P. 85–123. (In Russ.)
10. Tynjanov Yu. N. Ode as an oratorical genre. *Tynjanov Yu. N. Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow, 1977. P. 227–252. (In Russ.)
11. Shilder N. K. Emperor Paul the First. Moscow, 1996. 540 p. (In Russ.)

Received: 28 August, 2019

НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА ПУШКАРЕВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*pushkarevanata@gmail.com*

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. С. ПУШКИНА

Особенности употребления в прозе А. С. Пушкина глагольных форм, то есть финитных глаголов в различных формах, причастий и деепричастий, рассматриваются в контексте формирующейся в 20–30 годах XIX века системы функциональных стилей русского литературного языка. Исследование выполнено в рамках исторической стилистики. Необходимость отбора языковых средств для создания нехудожественных текстов возникла как следствие появления в указанную эпоху новых сфер деятельности, а также в связи с развитием науки, в том числе гуманитарной. В творчестве А. С. Пушкина реализуются сформулированные им принципы построения прозы путем отбора языковых единиц в соответствии с функцией текста. На материале художественной прозы и исследования «История Пугачева» демонстрируется использование семантического потенциала глагольных форм для максимально точной передачи смысла в различных прозаических жанрах. Исследование показало, что применение активных и пассивных причастий, деепричастий, форма глагола в неопределенно-личных предложениях создают в нехудожественном тексте отстраненность и объективность, характерные для научного текста. Использование финитных глаголов и деепричастий выстраивает в художественной прозе динамическую картину, оказывая воздействие на читателя. Все это демонстрирует отбор языковых средств для выполнения прагматической задачи в соответствии с потребностями общества в создании текстов разных жанров.

Ключевые слова: русский язык, историческая стилистика, проза А. С. Пушкина, прагматика, глагольные формы, функциональные стили, формирование стилистической системы

Для цитирования: Пушкарева Н. В. Семантика и прагматика глагольных форм в прозаических текстах А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 92–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.438

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к произведениям Пушкина и его суждениям о языке обусловлено сегодня стремлением найти ответы на вопросы, которые современная языковая практика ставит перед исследователями и перед теми, кто говорит, пишет, читает по-русски. Прежде всего это вопрос о критериях правильности русской речи в целом и о стилистическом соответствии языковых единиц коммуникативной задаче в частности. Изучение пушкинского творчества имеет в России давнюю историю, все исследования демонстрируют причастность Пушкина к формированию литературных жанров и языковых стилей и его чуткость к потребностям общества в выражении тех или иных смыслов [2], [3], [5], [10], [11], [14]. Работы последних лет показывают, что тенденции употребления ряда грамматических форм, отмечаемые в пушкинских текстах, соответствуют сегодняшним нормативным требованиям [5], [11], что привело Е. В. Падучеву к мысли о «феномене пушкинского языкового чутья», благодаря которому «Пушкин угадал тенденции развития» языка [11: 107]. Все это позволяет рассматривать пушкинские произведения не только как образцы классической прозы, но и как тексты, в ко-

торых прослеживаются источники тех языковых явлений, с которыми сталкивается сегодня человек, использующий русский язык в различных сферах деятельности и коммуникации. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть глагольные формы, в употреблении которых Пушкиным отмечаются тенденции, получившие продолжение в современном русском языке [4: 223], [9: 206], [11]. Глагольные формы понимаются в работе вслед за Русской грамматикой как спрягаемые формы, инфинитивы, причастия и деепричастия [13: 582]. Нас будут интересовать функции спрягаемых форм, а также причастных и деепричастных единиц. Обращение к анализу глагольных форм в тексте предполагает выявление стилистических и функциональных особенностей этих единиц, а это, в свою очередь, выводит на первый план вопросы прагматического характера

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ 20–30 ГОДОВ XIX ВЕКА

Эпоха, в которую создавались прозаические произведения А. С. Пушкина, была временем «брожения и смешения разных социально-языковых стилей» [3: 371]. В русском обществе той поры уже имелось представление о необходимости

особых языковых кодов, соответствующих определенным видам интеллектуальной деятельности, однако практика показывала, что стилистическая система отставала от коммуникативных потребностей общества. Однако литературный язык не отвечал запросам времени, так как

«его функциональная парадигма еще только складывалась и была далека от соответствия парадигме нарашивших потребностей общества» [14: 69].

Развитие науки, в том числе гуманитарной, и оформление журналистики как жанрового явления вызывали интерес к литературе иного типа, например к научным описаниям [2: 53], что делало актуальным вопрос о соответствии языка произведения функциональной задаче текста.

Характеризуя состояние русского языка своего времени, А. С. Пушкин писал:

«...ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных» (7: 14)¹.

Для создания «оборотов слов» или отбора нужных единиц в соответствии с жанром и адресатами текстов (как художественных, так и нехудожественных) предлагались единые принципы: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» (7: 12–13). Преобладающая в произведениях А. С. Пушкина «глагольная стихия» [9: 206] как нельзя лучше соответствует этим требованиям. Ее проявление ярко представлено в отобранных для анализа примерах из произведений «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого», «Пиковая дама», а также из работы «История Пугачева», признаваемой сегодня научным историческим исследованием [7: 253]. Примечательно, что В. О. Ключевский, высоко ценивший подход А. С. Пушкина к изучению истории, называл это исследование «длинным объяснительным примечанием» к повести «Капитанская дочка» [6: 79], отдавая приоритет в передаче духа эпохи художественному тексту [6: 79].

ФУНКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. С. ПУШКИНА

В пушкинских художественных текстах одним из важнейших элементов оказываются финитные глаголы, передающие движение субъектов и объектов или описывающие трансформацию их и окружающей природы:

«Ящик **поскакал**; но все **поглядывал** на восток. Лошади **бежали** дружно. Ветер между тем час от часу **становился** сильнее. Облачко **обратилось** в белую **тучу**, которая тяжело **подымалась**, **росла** и постепенно **облегала** небо. **Пошел** мелкий снег – и вдруг **повалил** хлопьями. Ветер **зывал**; **сделалась** метель» (6: 267).

Предложения содержат минимальное количество второстепенных членов, преобладают обстоятельства и дополнения, конкретизирующие характер и направленность действий (определение *белая* относится к части составного именного сказуемого *обратилось в тучу*). Описания завершенности или длительности множества параллельных действий формируют основной сюжет и его фон. Глаголы совершенного вида называют последовательно сменяющиеся действия, создавая эффект быстрого движения и изменения различных субъектов и объектов: *поскакал, обратилось (в тучу), пошел, повалил, сделалась*. Изменения состояния природы, составляющие фон повествования, описаны глаголами несовершенного вида, которые называют продолжающиеся одновременные действия: *подымалась, росла, облегала*. Продолжающееся действие *бежали* соединяет оба плана повествования. Ситуация представлена через призму визуального восприятия рассказчика, она дополняется упоминанием звука (*ветер завыл*). Складывающаяся картина кинематографична, на каждом из ее планов происходит какое-то движение. Пунктуационные знаки в конце коротких простых предложений и небольших частей сложного предложения расчленяют повествование, что замедляет процесс чтения, привлекая внимание читателя.

Финитные глаголы могут создавать картину, воспринимаемую не только зрением, но и слухом:

«Карета **подъехала** и **остановилась**. Он **услышал** стук опускаемой подножки. В доме **засуетились**. Люди **побежали**, **раздались** голоса и дом **осветился**. В спальню **вбежали** три старые горничные, и графиня, чуть живая, **вошла** и **опустилась** в вольтеровы кресла» (6: 224).

Десять глаголов называют однократные, быстро сменяющие друг друга движения, обозначают звуковой фон, сообщают об изменившейся освещенности пространства. Первые три предложения представляют собой сдвинутые конструкции, связь между ними основана «на искомых, подразумеваемых звеньях, которые устраниены повествователем»» [4: 223]. Смена точек зрения не всегда позволяет понять, кто именно воспринимает события: Германн или рассказчик. Важная роль в выявлении невербализованного смысла отводится читателю, вынужденному восстанавливать опущенные компоненты с опорой на свой жизненный и читательский опыт.

В нехудожественном тексте исследования «История Пугачева» финитные глаголы реализуют прежде всего информативную функцию, создавая характерную для научного функционального стиля объективность². Например:

«Фрейман весною **прибыл** в Оренбург, где **дождался** слияния рек, и – взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, **пошел** к Яицкому городку. Мятежники, в числе трех тысяч, **выехали** против него; оба войска **сошлись** в семидесяти верстах от города» (8: 115).

Динамическое развитие сюжета оттеняется семантикой конкретных глаголов, передающих смену событий, обстоятельства и дополнения уточняют условия протекания действий. Как и в художественной прозе, несущественные подробности отсекаются:

«<...> Пугачев **пошел** на Чернореченскую. В сей крепости **оставалось** несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем место коменданта, майора Крузе, который **скрылся** в Оренбург. Они **соались** без супротивления. Пугачев **повесил** капитана по жалобе крепостной его девки» (8: 124).

Информативно насыщенными оказываются причастия, которые Пушкин ценил за «выразительную краткость» (7: 230). В «Истории Пугачева» краткие пассивные причастия становятся едва ли не ведущей глагольной формой при описании событий, называя состояние людей или объектов как результат предшествующего действия:

«Все офицеры **были повешены**. Несколько солдат и башкирцев **выведены** в поле и **расстреляны** картечью. Прочие **остриженены** по-казацки и **присоединены** к мятежникам» (8: 123); «Зачинщики бунта **наказаны были** кнутом; около ста сорока человек **соглано** в Сибирь, другие **отданы в солдаты** (NB все бежали); **остальные прощены и приведены** ко вторичной присяге» (8: 115); «Крепость **была разорена и выжжена**, церковь **разграблена**, иконы **ободраны и разломаны в щепы**» (8: 164).

Причастные формы выражают значение результативности [12: 54], то есть обозначают состояние как результат деятельности неназванных людей. Как отмечается, «у Пушкина пассивные причастия употребляются только статально, т. е. в соответствии с действующими сегодня правилами» [5: 161]. Именно эта глагольная форма рекомендуется как одно из средств создания в нехудожественном (научном) тексте объективности и описания результатов без указания на деятелей³. Устранение деятеля придает описанию масштабность, поскольку исчезает соотнесение с человеком как с точкой отсчета и возникает панорама действия безликих сил – возможно, самой Истории.

Не менее значима и задача, решаемая с помощью деепричастий. В художественной прозе деепричастия и деепричастные обороты в функции обстоятельства позволяют читателю соотнести текст со своим опытом и убедиться в логичности и реальности поведения героев (или животных):

«Лошади стояли, **понуря** голову и изредка **вздрагивая**. Яицк ходил кругом, от нечего делать **улаживая** упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, **надеясь** увидеть хоть признак жилья или дороги <...>» (6: 268).

В нехудожественном тексте причастные и деепричастные единицы совмещают в себе несколько характеристик действий: их результаты,

совместность или последовательность протекания, вторичность одного действия по отношению к другому:

«Казаки, **отряжаемые** Симоновым из города для содержания караулов или для поимки возмутителей, **подсыпаемых** из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать **священных** бунтовщиков <...>» (8: 142); «Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, **зарывая** или **потопляя** тяжести и порох» (8: 124).

«Выразительная краткость» причастия способствует высокой концентрации смысла в научном тексте и обеспечивает точность изложения при минимуме используемых единиц.

Еще одним средством создания отстраненности в тексте являются неопределенно-личные предложения. В художественной прозе эти единицы создают динамический фон повествования, называя второстепенные по значимости события:

«Графа **нашли способ** удалить. Доктор приехал. Для два перед сим **уговорили** одну бедную женщину уступить в чужие руки новорожденного своего младенца; за них **послали** поверенного» (6: 11).

В нехудожественной прозе неопределенно-личные предложения часто включаются в состав сложных с союзной или бессоюзной связью, обозначая действия анонимных персонажей:

«Однако же, как под нею (колокольней. – Н. П.) в подвале сохранился весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и **поспешили** оный убрать, **разобрали** кирпичный пол и **начали вести** контрмину. Гарнизон приготовился; **ожидали** взрыва и приступа» (8: 152); «Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей **отобрали** муку и крупу и **стали им производить** ежедневную раздачу. Лошадей давно уже **корили** хворостом» (8: 143).

Компактность и информативность описания обеспечиваются семантикой главных членов неопределенно-личных предложений, обозначающих не названных, но подразумеваемых лиц. Глагольная форма описывает: 1) «воспринимаемые на слух действия», 2) «реакции, осуществляемые коллективом», 3) «действия государственной машины», 4) «действия ситуативно обусловленной группы людей» [15: 310–311], следовательно, действующий субъект идентифицируется как группа людей [8: 353], которых читатель способен выявить самостоятельно.

Глагольные формы позволяют сопроводить изложение фактов передачей авторского отношения к событиям, например, при описании положения гарнизона в осажденном пугачевцами Яицком городке:

«**Осажденные питались** одною глиною уже пятнадцатый день. Никто **не хотел умереть** голодною смертью. **Решились** все до одного (кроме совершенно изнеможенных) **идти на последнюю вылазку**. **Не надеялись** победить (бунтовщики так укрепились,

что ужে ни с какой стороны к ним из крепости приступу не было), хотели только умереть честною смертию воинов» (8: 160).

Примечательно, что на лексическом уровне возникает только два традиционных оборота с оценочной семантикой: *умереть голодной смертью* и *умереть честною смертию воинов*. Представление об эмоциональном состоянии персонажей и об отношении к ним автора создается в отрывке использованием смыслового потенциала глаголов и причастий. Субстантивированное причастие *осажденные* и единица *изнеможенные* описывают разные аспекты состояния персонажей. Финальный отрывок с глагольными сказуемыми *не надеялись победить*, *хотели умереть* можно трактовать и как парцелляты, и как неопределенно-личные предложения. Второй вариант возможен, если учесть мысль Н. И. Михайловой о том, что наследие Пушкина следует рассматривать в контексте риторической культуры XIX века, так как «пушкинские произведения – не только поэзия, но и проза – были рассчитаны на чтение вслух» [10: 8]. Паузы при чтении отрывка расчленяют высказывания и воздействуют на читателя, побуждая его к осмыслению услышанного. В тексте актуализируется синтаксическая экспрессия, понимаемая в узком смысле как явление, связанное «с авторским повествованием и конструктивным принципом – различными видами синтаксической расчлененности, или ослабления синтагматических связей» [1: 101].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор использования глагольных форм в образцах пушкинской художественной и нехудожественной прозы демонстрирует отбор этих единиц в соответствии с прагматической задачей текста определенного жанра. Так, в нехудожественной прозе для создания свойственных научному стилю информативности, отстраненности и объективности актуализируется смысловой потенциал пассивных причастий и неопределенноподличных предложений. В художественной прозе многоплановость и динамизм повествования обеспечивают причастные и деепричастные глагольные формы, уточняющие характер протекания сопутствующих действий. Выявление всей полноты смысла, как вербализованного, так и передаваемого грамматической семантикой глагольных форм, требует от читателя сотрудничества и опоры на собственный опыт и знания. Во всех рассмотренных прозаических образцах применение глагольных форм способствует экономии средств и создает компрессию смысла. Наблюдаемый процесс отбора средств, соответствующих задачам разных типов прозы, есть не что иное, как формирование стилистических норм для складывающихся функциональных стилей. Исследование текстов А. С. Пушкина позволяет проследить пути формирования системы функциональных стилей русского языка, а также выявить истоки тех особенностей, которые сегодня стали привычными чертами русской прозы разных жанров и синтаксических типов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Пушкин А. С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 14–15. Здесь и далее при цитировании текстов А. С. Пушкина в круглых скобках ставится номер тома и через двоеточие страницы.
- СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-stylistics-dict.slovaproline.com/>. С. 89. (дата обращения 20.08.2019).
- Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 166 с.
- Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9–125.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Наука, 1982. 529 с.
- Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 176–239.
- Добровольский Д. О. К динамике узуса (Язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 161–178.
- Ключевский В. О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 9. М.: Мысль, 1990. С. 77–84.
- Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). Л.: Худож. лит., 1982. 463 с.
- Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С. 343–361.
- Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 279 с.
- Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...». А. С. Пушкин и ораторская культура его времени. М.: Русский путь, 1999. 416 с.
- Падчева Е. В. Русский литературный язык до и после Пушкина // A. S. Pushkin und die kulturelle Identität Russlands (Gerhard Ressel, Ed.). Frankfurt/Main, Peter Lang, 2001. S. 97–108.
- Плунгян В. А. К определению результата // Вопросы языкоznания. 1989. № 6. С. 55–63.
- Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Тарланов З. К. Заметки о русском литературном языке Пушкинской поры // Русская речь. 2013. № 5. С. 68–73.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.

Natalia V. Pushkareva, Doctor of Philology, Saint Petersburg University
 (St. Petersburg, Russian Federation)
 pushkarevanata@gmail.com

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE VERB FORMS IN ALEXANDER PUSHKIN'S PROSE

The article discusses the peculiarities of the usage of various verb forms in Alexander Pushkin's prose in the context of the functional styles system formation in the Russian literary language in the 1820s and the 1830s. Such verb forms as finite verbs, participles and gerunds are the objects of the analysis. The study was carried out from the perspective of historical stylistics. The necessity to select language constructions for the creation of non-fictional texts resulted from the emergence of new spheres of activity, as well as from the development of different branches of science, including humanities. Pushkin's principles of text construction via selecting language units corresponding to the function of the text were implemented in his works. The usage of semantic potential of the verb forms for transmitting the maximum accuracy of necessary meaning in prosaic texts of different genres is demonstrated by the example of his fictional prose and his research work "Pugachev's History". The study showed that active and passive participles, gerunds and the verb forms in indefinite-personal sentences in a non-fictional text create remoteness and objectivity, which are typical for the scholarly prose. The usage of finite verbs and gerunds in fictional prose produces a dynamic picture influencing the reader. All these facts are the steps for selecting language units to achieve a pragmatic goal of creating texts of different genres according to the society's needs.

Keywords: Russian language, historical stylistics, Alexander Pushkin's prose, pragmatics, verb forms, functional styles, formation of stylistic system

Cite this article as: Pushkareva N. V. Semantics and pragmatics of the verb forms in Alexander Pushkin's prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 92–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.438

REFERENCES

1. Akimova G. N. New developments in the syntax of the modern Russian language. Moscow, 1990. 166 p. (In Russ.)
2. Alekseev M. P. Pushkin and science of his time (Research and essays). *Pushkin: Studies and materials*. Vol. 1. Moscow, Leningrad, 1956. P. 9–125. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. Essays on the history of Russian literary language between the XVII and the XIX centuries. Moscow, 1982. 529 p. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. The style of "The Queen of Spades". *Vinogradov V. V. Selected works. The language of artistic prose*. Moscow, 1982. P. 176–239. (In Russ.)
5. Dobrovolsky D. O. The dynamics of the language usage (Pushkin's language and contemporary usage of words). *Russian Language and Linguistic Theory*. 2001. No 1. P. 161–178. (In Russ.)
6. Kluchevsky V. O. The speech delivered at the assembly in Moscow University on June 6, 1880, on the day of unveiling the monument to Pushkin. *Kluchevsky V. O. Works. In 9 vols.* Vol. 9. Moscow, 1990. P. 77–84. (In Russ.)
7. Makogonenko G. P. Pushkin's works in the 1830s (1833–1836). Leningrad, 1982. 463 p. (In Russ.)
8. Melchuk I. A. Syntactic zero. *Typology of passive constructions. Diathesis and voices*. Leningrad, 1974. P. 343–361. (In Russ.)
9. Meshchersky N. A. History of the Russian literary language. Leningrad, 1981. 279 p. (In Russ.)
10. Mikhailova N. I. "That fearsome gift of speechifying". A. S. Pushkin and oratory culture of his time. Moscow, 1999. 416 p. (In Russ.)
11. Paducheva E. V. Russian literary language before and after Pushkin. *A. S. Pushkin und die kulturelle Identität Russlands*. (Gerhard Ressel, Ed.). Frankfurt/Main, 2001. P. 97–108. (In Russ.)
12. Plungyan V. A. Definition of resultative. *Voprosy yazykoznanija*. 1989. No 6. P. 55–63. (In Russ.)
13. Russian grammar. In 2 vols. Vol. II. Moscow, 1980. 783 p. (In Russ.)
14. Tarlanov Z. K. Notes on the Russian literary language of Pushkin's epoch. *Russkaya rech'*. 2013. No 5. P. 68–73. (In Russ.)
15. Testelets Ya. G. Introduction into general syntax. Moscow, 2001. 798 p. (In Russ.)

Received: 28 August, 2019

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
lara.shestakova@mail.ru

**«ОН – ПУШКИН, И БЕССМЕРТЕН ОН!»:
ОБРАЗ ПУШКИНА В СТРОКАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Предлагается опыт изучения пушкинской темы в поэзии Серебряного века. Материалом исследования служат данные современного «Словаря языка русской поэзии XX века», и в первую очередь – словарные статьи к имени собственному *Пушкин* и его производным (*пушкинский*, *пушкинист* и др.). Новизна работы определяется выбором «отсловарного» подхода к теме, позволяющего выявить, на основе анализа контекстов, метаязыковых маркеров, особенности восприятия творчества, судьбы, самого образа Пушкина литераторами Серебряного века. Словарные материалы показывают, что пушкинское начало проявляется в использовании имени национального поэта в сильной позиции заглавия текста, в неоднократном вынесении строк Пушкина в позицию эпиграфа, что задает и тематический ракурс, и эмоциональную тональность произведения. По собственно текстовым фрагментам, отраженным в Словаре, видно, что поэтам нового века Пушкин интересен в разных состояниях – и молодого дарования, и человека, пережившего изгнанье, и признанного, в ряду других, классика, вдохновляющего на творчество (см. строки Анненского, Ахматовой, Блока, Есенина и др.). Словарными данными заостряется и многообразная ассоциативность в восприятии Пушкина отдельными поэтами (Цветаевой, Хлебниковым), соположенность его имени (часто звуковая), его образа с предметами и понятиями разной природы. Среди слов, производных от имени *Пушкин*, выделяются частотное общеязыковое прилагательное *пушкинский* и неологизм Хлебникова *пушкиноты*. Если первое демонстрирует в поэтическом употреблении сочетаемость, по-разному характеризующую образ поэта (*пушкинский бунт*, *пушкинская грусть*, *пушкинское чувство меры* и т. д.), то второе – словообразовательно-эстетический потенциал знакового в русской культуре имени собственного. Ключевые слова: Пушкин, Серебряный век, словарь поэтического языка, словарная статья, имя собственное, заглавие, эпиграф, ассоциация

Для цитирования: Шестакова Л. Л. «Он – Пушкин, и бессмертен он!»: образ Пушкина в строках поэтов Серебряного века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 97–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.439

ВВЕДЕНИЕ

Строка, вынесенная в название статьи, принадлежит одному из ведущих поэтов Серебряного века – Михаилу Кузмину. В стихотворении 1921 года с названием «Пушкин» это весьма категоричное утверждение звучит в контексте, не требующем специального комментария: *Романтик, классик, старый, новый? Он – Пушкин, и бессмертен он! К чему же школьные оковы Тому, кто сам себе закон?*¹

Творчество, судьба, сам образ Пушкина привлекали и многих других поэтов Серебряного века. Закономерно, что вопросам осмыслиения, художественной рецепции образа поэта и его литературного наследия в названную эпоху посвящено немало работ; вот лишь некоторые из них, представляющие творчество и ряда поэтов: [5], [6], и отдельных авторов: [3], [8], [9]. Полагаем, что эти и другие работы могут быть дополнены исследованиями, выполненными с использованием «отсловарного» подхода. Своего рода пу-

теводителем по произведениям поэтов рубежа XIX–XX веков, содержащим упоминание имени Пушкина и его героев, цитаты из стихотворений поэта, аллюзии на его строки и т. д., могут служить материалы многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП)², который создается в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В настоящее время издано восемь томов Словаря, ведется работа над девятым.

Принципы создания этого лексикографического труда, его содержательные и структурные особенности освещались в работах [1], [10: 89–93], [11], [12], поэтому отметим здесь только следующее.

В СЯРП отражено наследие десяти поэтов разных литературных направлений, творчество которых связано преимущественно с периодом Серебряного века. Это: И. Анненский (в Словаре – сокращенно *Анн*), А. Ахматова (*Ахм*), А. Блок (*АБ*), С. Есенин (*Ес*), М. Кузмин (*Куз*),

О. Мандельштам (*ОМ*), В. Маяковский (*М*), Б. Пастернак (*П*), В. Хлебников (*Хл*) и М. Цветаева (*Цв*). Каждое слово сопровождается в издании полным набором хронологически выстроенных контекстов из выбранных источников³, а при необходимости – комментариями лингвистического, энциклопедического, историко-культурного свойства. Для целей нашего исследования принципиально важно то, что в общий словарник этого справочника включены все имена собственные, встретившиеся в источниках.

Обзор словарных материалов показывает, что с образом Пушкина соотносится целая совокупность словарных статей – прежде всего к антропониму *Пушкин* и к производным от него единицам, но также к большому числу слов – маркеров самого мира поэта, реального и литературного.

Хорошо известно, что некоторые из имен писателей и поэтов приобретают со временем статус особого знака. Имя автора в этом случае – не только метонимический знак «всех его сочинений и любого элемента любого его сочинения» [2: 95], но и знак высокой степени воздействия носителя имени – в своем определенном образе – на целый литературный процесс и отдельных его представителей. Это ясно видно по материалам словарной статьи **ПУШКИН**, представленной в шестом томе Словаря⁴. Данная статья – это текст совершенно особого рода, «авторство» которого принадлежит названным выше поэтам. Приведем далее статью в сокращенном виде⁵:

ПУШКИН [Александр Сергеевич (1799–1837) – великий рус. поэт; тж в знач. нариц.; см. тж АЛЕКСАНДР, САША] Там [в Царском Селе] нимфа с таинской водой, Водой, которой не разлиться, Там стала лебедем Фелица И бронзой П. молодой. *Ан900-е* (198.1); А. М. Д. свою кровью Начертал он на щите. *Пушкин Эпгрф.* [A. M. D. – Ave Mater Dei (Славься, Матерь Божья); поэв. поэту А. М. Добролюбову] *АБ903* (Л, 275); С какою-то странной силой Владеют нами слова, И звук немилый, иль милый, Как будто романа глава. ... Но слово одно: «треуголка» Владеет мною теперь. Конечно, тридцатые годы, И дальше: П., лицей, Но мне надоели моды И ветошь старых речей. *Куз911* (103.2); Боги, когда они любят, Замыкающие в меру трепет вселенной, Как П. – жар любви горничной Волконского. *Хл911* (72.2); Узнай, по крайней мере, звуки, Бывало, милые тебе. *Пушкин Эпгрф.* *Ахм913-19* (123); ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ Загл. *Цв913* (Л, 187); Очарование прежнего Крыма Пушкинских милых времен. // П.! – Ты знал бы по первому взору, Кто у тебя на пути. И просяил бы, и под руку в гору Не предложил мне идти. *ib.*; День проходил, как всегда: В сумасшествии тихом. ... Два стихотворца (поклонники Пушкина) Книжки прислали С множеством рифм и размеров. *Ирон.* *АБ914* (III, 50.2); Наденем намордник вселенной. Чтоб не кусала нас, юношей, ... И из Пушкина трупов кумирных Пушек наделаем сна. *Хл915-19-22* (459); Выстроили пушки по опушке, / глухи к белогвардейской ласке. / А почему / не атакован П.? / А прочие / генералы клас-

ики? *М918* (77); Скала и штурм. Скала и плащ и шляпа. Скала и – П.. Тот, кто и сейчас, Закрыл глаза, стоит и видит в сфинксе Не нашу дичь: не домыслы втупик Поставленного грека, не загадку, Но предка: плоскогубого хамита, Как оспу, перенесшего пески, Изрытого, как оспою, пустыней, И больше ничего. Скала и штурм. *Алн918* (Л, 183.1); П. имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже. Сколь же ты будешь почтен, если при жизни твоей Десять Рождественских улиц!.. [обращ. к В. А. Рождественскому] *Шутл.* *ОМ920-23* (344.4); Пунш и полночь. Пунш – и П., Пунш – и пенковая трубка Пышущая. Пунш – и лепет Балльных башмачков по хриплым Половицам. И – как призрак – В полукруге арки – птицей – Бабочкой ночной – Психея! [о Н. Н. Пушкиной] *Цв920* (Л, 508.2); ПУШКИН Загл. *Куз921* (204.1); Романтик, классик, старый, новый? Он – П., и бессмертен он! К чему же школьные оковы Тому, кто сам себе закон? *ib.*; ПУШКИНУ Загл. *Ес924* (Л, 164); Здесь [на Кавказе] П. в чувственном огне Слагал душой своей опальной: «Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной». *Ес924* (Л, 175); СТИХИ К ПУШКИНУ Загл. [стих. цикла] *Цв931* (Л, 281); Бич жандармов, бог студентов, Желчь мужей, услада жен, П. – в роли монумента? Гостя каменного? – он, // Скало-зубый, нагловзорый П. – в роли Командора? *Цв931* (Л, 281.1); Критик ноя, нытик – вторя: «Где же пушкинское (взрыд) Чувство меры?» Чувство – моря Позабыли – о гранит // Бьющегося? Тот, солёный П. – в роли лексикона? *ib.*; Народоправству, свалившему трон, Не упразднившему – тренья: Не поручать палачам похорон Жертв, цензорам – погребенья // Пушкиных. *Цв933* (Л, 290.1); Александрийские чертоги Покрыла сладостная тень. *Пушкин Эпгрф.* *Ахм940* (183.1); И дряхлый пук дерев. *Пушкин Эпгрф.* *Ахм940* (183.2); ПУШКИН Загл. *Ахм943* (195.1); Всё в жертву памяти твоей... *Пушкин Эпгрф.* *Ахм945* (253); От сарекосельских лип... *Пушкин Эпгрф.* *Ахм959* (335.1); Еще я слышу свежий клич свободы, Мне кажется, что вольность мой удел, И слышатся «сии живые воды» Там, где когда-то юный П. пел. *Ахм963* (378.3).

«Зона значения» этой статьи (следующая за заголовком), кроме краткой энциклопедической информации, содержит также ссылки к статьям на другие антропонимы, соотносимые с Пушкиным, – АЛЕКСАНДР и САША. В полном варианте статья включает более 70 употреблений имени *Пушкин*, выбранных из источников СЯРП. Хронологические рамки контекстов достаточно широки – первый пример относится к началу XX века (строки Анненского, 1900-е), последний – к 1960-м годам (строки Ахматовой, 1963). Примечательно, что строки двух поэтов перекликаются: у Анненского – *Пушкин молодой*, у Ахматовой – *юный Пушкин*.

В словарной статье представлены контексты каждого из десяти поэтов, но в различных объемах – от единственного контекста Анненского до 20 Цветаевой и 17 Ахматовой. Напомним, что у Цветаевой, как и у Ахматовой, был свой интенсивный, растянутый во времени «диалог» с Пушкиным, выраженный не только в поэтической, но и в прозаической форме.

Важно сказать, что собственное имя *Пушкин* неоднократно выносится в такую сильную позицию текста, как заглавие (в тексте словарной

статьи маркируется пометой *Загл.*), сразу и однозначно задающее тему произведения. Представляя заглавия в хронологическом порядке, отметим, что наибольшее их число принадлежит Цветаевой: «Встреча с Пушкиным» (Цв913); «Пушкин» (Куз921); «Пушкину» (Ес924); «Стихи к Пушкину» (Цв931, стихотворный цикл); «Петр и Пушкин» (входит в названный цикл, Цв931); «Городу Пушкина» (Ахм957). В названных произведениях Пушкин предстает разными своими лицами. Так, в уже упоминавшемся стихотворении Кузмина Пушкин – *жрец, веселый малый, пророк и страстный человек*. Автор подчеркивает в Пушкине активное «живое» начало – в тексте неоднократно повторяются слова с соответствующей семантикой: *жить, жизнь (и вечная жизнь), живой (и жив), живить*. Ср.: *Из стран, откуда нет возврата, Через года он бросил мост, И если в нем признаем брата, Он не обидится: он – прост И он живой. Живая шутка Живит арапские уста*.

В раннем, романтическом, стихотворении Цветаевой «Встреча с Пушкиным» – это современник, с которым можно поговорить, помолчать, даже вместе заняться игрой. Завершается названное стихотворение так: *И – потому что от худшей печали Шаг – и не больше – к игре! – Мы рассмеялись бы и побежали За руку вниз по горе*. Более поздний текст Цветаевой – из полемического, по мнению Л. В. Зубовой, цикла «Стихи к Пушкину» (которые сама Цветаева называла «опасными», далекими от сложившегося пушкинского канона) – открывается строками: *Бич жандармов, бог студентов, Желчь мужей, услада жен, Пушкин – в роли монумента? Гости каменного? – он, Скалозубый, наглозворый Пушкин – в роли Командора?* В этих и других стихах пушкинская тема эксплицируется и через упоминание персонажей поэта. У Кузмина – это *Герман* (в таком написании), у Цветаевой – *Мариула, Татьяна, Командор*, у Мандельштама, Маяковского, Хлебникова – *Онегин* и т. д.

«Высокая степень воздействия» Пушкина на поэтов Серебряного века видна и в прямом цитировании ими пушкинских стихов. Более десятка контекстов в рассматриваемой словарной статье – это эпиграфы (сопровождаются пометой *Эпгрф.*) из разных произведений Пушкина. Причем лидер здесь – Анна Ахматова, у которой пушкинские строки, с обязательной атрибуцией, предваряют и ранние, и поздние стихотворения. Обратим внимание на то, что цитируются как широко, так и менее известные строки: *Иных уж нет, а те далече⁶; Люблю тебя, Петра творенье!; Здравствуй, племя младое, незнакомое...; Всё в жертву памяти твоей...⁷; Я теперь живу не там...⁸* и т. д. Следует сказать, что цитаты из Пушкина (как примеры явной интертекстуальности) включаются и непосредственно в поэтические произведения. Приведем в качестве приме-

ра строки из стихотворения Есенина «Пушкину»: *Здесь [на Кавказе] Пушкин в чувственном огне Слагал душой своей опальной: «Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной»*.

Обращаясь к собственно текстовым фрагментам в статье **ПУШКИН**, можно увидеть, какие грани пушкинского образа выsvечиваются поэтами нового века, что они стараются заострить в нем. Заметно, в частности, то, что Пушкин интересен им в разных состояниях – и молодого дарования, и человека, пережившего изгнанье, и призванного, в ряду других, классика, вдохновляющего не только на творчество, но и на борьбу. Ср.:

Там [в Царском Селе] стала лебедем Фелица И бронзой Пушкин молодой (Анн); Еще я слышу свежий клич свободы, Мне кажется, что вольность мой удел, И слышатся «сии живые воды» Там, где когда-то юный Пушкин пел (Ахм); Братья! Взгляните в даль! Дельвиг и Пушкин, Дел и сердец хрусталь... (Цв); Здесь Пушкина изгнанье началось И Лермонтова кончилось изгнанье. Здесь горных трав легко благоуханье [о Кисловодске] (Ахм); Но если бы встали все Мальчишки чередой, То были б тысячи Прекраснейших поэтов. // В них Пушкин, Лермонтов, Кольцов, И наш Некрасов в них, В них я (Ес); Пушкин! Тайную свободу Пели мы вслед тебе! Дай нам руку в непогоду, Помоги в немой борьбе! // Не твоих ли звуков сладость Вдохновляла в те года? Не твоя ли, Пушкин, радость Окрыляла нас тогда? (АБ).

При этом весьма выразительны и исполненные иронии строки Маяковского 1918 и 1924 годов, в основе которых лежит, по сути, протест автора против вульгарного подхода к литературе прошлого:

Выстроили пушки по опушке, / глухи к белогвардейской ласке. / А почему / не атакован Пушкин? / А про- чие / генералы классики?; Бойтесь пушкинистов. / Старомозгий Плюшкин, / перышко держа, / ползет / с перержавленным. / – Тоже, мол, / у лефов / появился / Пушкин. / Вот арап! / а состязается – / с Державиным...

Особый интерес представляют стихи, в первую очередь Цветаевой, а также Хлебникова и Пастернака, в которых пропадает многообразная ассоциативность в восприятии Пушкина, соположенность его имени (в своей основе часто звуковая, что неоднократно отмечали исследователи), его образа с предметами и понятиями разной природы. См., например:

Наденем намордник вселенной, Чтоб не кусала нас, юноши, ... И из Пушкина трупов кумирных Пушки на- делаем сна (Хл); Скала и шторм. Скала и плащ и шля- па. Скала – и Пушкин (П); Пуни и полночь. Пуни – и Пушкин, Пуни – и пенковая трубка; «Пушкин – тога, Пушкин – схима, Пушкин – мера, Пушкин – грань...» Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя Благородное – как брань... (Цв).

Отметим, что некоторые иллюстрации в рассматриваемой словарной статье сопровождаются комментариями. Призванные облегчить

восприятие поэтических строк читателем, они так или иначе расширяют создаваемое рамками статьи пушкинское пространство. См., к примеру, контексты с последующими комментариями из Блока, Мандельштама, Цветаевой:

А. М. Д. своею кровью Начертал он на щите. *Пушкин Эпгрф. [A. M. D. – Ave Mater Dei (Славься, Мать Божья); посв. поэту А. М. Добролюбову] АБ903 (I, 275);* П. имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже. Сколь же ты будешь почтен, если при жизни твоей Десять Рождественских улиц!.. [обращ. к В. А. Рождественскому] Шутл. ОМ920-23 (344.4); ... Пунш – и П., ... Пунш – и лепет Балыных башмачков по хриплым Половицам. И – как призрак – В полуокружне арки – птицей – Бабочкой ночной – Психея! [о Н. Н. Пушкиной] Цв920 (I, 508.2).

Материалы словарной статьи **ПУШКИН** естественным образом дополняются статьями к лексемам, образованным от данного антропонима. Из приводимых ниже статей в сокращении даются те, которые содержат больше одного примера:

ПУШКИАНСКИЙ Достойны славы пехотинцы, Закончив бранную тревогу. ... Вы помните, мы брали Перемышль Пушкианской красоты. Хл915] (95)

ПУШКИНИСТ Бойтесь пушкинистов. / Старомозгий Плюшкин, / перышко держа, / полезет / с перержавленным. / – Тоже, мол, / у лефов / появился / Пушкин. / Вот арап! / а состязается – / с Державиным... – РП Ирон. М924 (123)

ПУШКИНОВЕД Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов, Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов – Молодые любители белозубых стишков. ОМ935 (214.2); ...

ПУШКИНОТЫ [нов.] О, достоевскиймо бегущей тучи! О, п. млеющего полдня! Ночь смотрится, как Тютчев, Безмерное замирным полня. Хл908-09] (54.2)

ПУШКИНСКИЙ [п. и П.; прил. к ПУШКИН; тж в назв.: П. Дом] Запах – из детства – какого-то дыма Или каких-то племен... Очарование прежнего Крыма Пушкинских милых времен. Цв913 (I, 187); ПУШКИНСКОМУ ДОМУ Загл. АБ921 (III, 376); Имя Пушкинского Дома В Академии Наук! Звук понятный и знакомый, Не пустой для сердца звук! *ib.*; Это вам – / на растрепанные сменившим / гладкие прически, / на лапти – лак, / пролеткульты, / кладущие заплатки / на вылинявший п. фрак. Ирон. М921 (95); Железнодорожные полотна, Рельсовая режущая синь! // Пушкинское: сколько их, куда их Гонят! (Миновало – не поют!) Это уезжают-покидают, Это оставают-отстают. [ср.: «Бесконечны, безобразны, В мутной месяца игре Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре... Сколько их! куда их гонят? Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают?»] (А. С. Пушкин. Бесы) Цв923 (II, 208); В тени елизаветинских боскетов Гуляют пушкинских красавиц внучки, Все в скромных канотье, в тугих корсетах, И держат зонтик сморщенные ручки. Ахм925 (171); Столь величавый В золоте барм. – Пушкинской славы Жалкий жандарм. [о Николае I] Цв931 (II, 289.1); На языке цикад пленительная смесь Из грусти пушкинской и средиземной специ – Он [Ариост] завирается, с Орландом куролеся, И содрогается, преображаясь весь. ОМ933 (194)...

ПУШКИНЬЯНЦ Он с вечера крепко уснул И пронеснулся в другой стране. Ни холод утра, Ни слово друга, Ни дамские розы, Ни манифест футуриста, Ни стихи пушкиньянца, ... Ничто, ничто В мир возвратить не могло... АБ914 (III, 50.2); Куда девали – бунт // Пушкинский?

уст окаянство? Пушкин – в меру пушкиньянца! Цв931 (II, 281).

Среди слов гнезда **ПУШКИН** отмечаются как общеязыковые наименования: *пушкинист* (это слово использовал Маяковский), *пушкиновед* (Мандельштам), *пушкинский* (статья к относительному прилагательному включает наибольшее число контекстов), так и единицы потенциальные, обычно не включаемые в общие словари: *пушкинианский* (Хлебников), *пушкиньянец* (Блок, Цветаева). В ряду производных выделяется неологизм Хлебникова *пушкиноты*. Это новообразование встречается в известном четверостишии поэта-футуриста, содержащем три новых слова, два из которых восходят к именам литературных классиков: *О, достоевскиймо бегущей тучи! О, пушкиноты млеющего полдня! Ночь смотрится, как Тютчев, Безмерное замирным полня*. В слове *пушкиноты* Наталья Перцова выделяет мотивирующее слово *Пушкин* и несколько, по ее терминологии, «ассоциаций», в том числе – красоты [7: 301]. Обратим в этой связи внимание на возвышенно звучащее сочетание прилагательного *пушкинианский* с существительным *красота* в стихотворении Хлебникова «Воспоминания»: *Вы помните, мы брали Перемышль Пушкин-анской красоты.*

Даже в минимальных контекстах приведенные слова характеризуют образ поэта – человека, творца, признанного гения. Вот несколько сочетаний из статьи **ПУШКИНСКИЙ**: *пушкинская грусть, пушкинская рука* (у Цветаевой: *Пушкинскую руку Жму, а не лижу*), *пушкинская слава, пушкинский юбилей, пушкинское чувство меры, пушкинские милые времена, пушкинских красавиц внучки...* Наиболее выразительны здесь, пожалуй, строки Цветаевой из упоминавшегося цикла, в которых прочитывается попытка автора понять, объяснить, определить сам феномен Пушкина: *Преодоленье Косности русской – Пушкинский гений? Пушкинский мускул // На кашалотьей Туше судьбы – Мускул полета, Бега, Борьбы.*

Кказанному добавим, что названными производными не ограничивается состав гнезда **ПУШКИН**. Так, у Игоря Северянина отмечается образованное от прилагательного *пушкинский* наречие *пушкински*. В стихотворении «Поза истребления» (1914) оно входит в состав характеризующего Пушкина утверждения, построенного по формуле «да..., но...»: *Гигантно недоразуменье, – Я не был никогда безлик: Да, Пушкин стар для современя, Но Пушкин – Пушкински велик!*

Как уже говорилось, с образом Пушкина связанны в «Словаре языка русской поэзии XX века» и статьи к большому числу слов, так или иначе маркирующих сам мир поэта, реальный и литературный. Это столь разные обозначения (в том числе имена нарицательные и собственные),

выбранные из опубликованных и находящихся в работе томов СЯРП, как *арап, арапчёнок, Африка, африканец, Всадник (Всадник Медный), Ганибал, Данtes, египетский* («Египетские ночи»), *классик, Ленский, лицей, негрский, Николай (Царь Николай), царскосельский, маг (курчавый маг), мельник (пушкинский мельник), муж* (у Цветаевой: *выносили ... умнейшего мужа России*), *Онегин, поэт, отрок* (у Ахматовой: *Смуглый отрок бродил по аллеям*), *юнкер* и т. д. и т. п. Здесь, в продолжение сказанного выше об ассоциативности в восприятии поэтами Пушкина, уместно вспомнить, что в первой рецензии на Словарь Ю. Н. Карапулов выделил, кроме прочего, именно его ассоциативный потенциал. «Вообще за каждым словом в самовитом словаре, – писал учёный, – проглядывает мир, но мир вовсе не тот, который мы видим с вами повседневно. Это мир особый, мир поэтический, в котором даже имена собственные зачастую ассоциируются с иным знанием, чем в нашей реальности. Так, *Африка* в поэтическом мире связана не с крокодилами,

бананами, пальмами и баобабами, как в Ассоциативном тезаурусе, а с Пушкиным: Недурен российский классик, Небо Африки своим звавший, невское – проклятым!» [4: 162–163]. В целом же этот богатый материал достоин глубокого анализа, а в совокупности с основным – собственно пушкинским словарным материалом – может быть выведен за пределы большого Словаря и оформлен как отдельный «именной» словарь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что Пушкин, в разных своих ипостасях присутствует, конечно, в стихах других поэтов Серебряного века (В. Брюсова, Г. Иванова, Н. Клюева, Б. Садовского, И. Северянина, В. Ходасевича...) и поэтов более позднего времени. Поэтому проведенное на основе СЯРП исследование может быть продолжено – с опорой на другие авторские словари и данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Стихотворение «Пушкин» было прочитано 11 февраля 1921 года на торжественном собрании в Доме литераторов по случаю 84-й годовщины со дня смерти поэта (см.: Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1990. С. 532). При цитировании поэтических произведений в статье могут использоваться условные знаки: / (одна косая черта) – для обозначения границы стихотворной строки в случаях, когда стих начинается со строчной буквы, и // (две косые черты) – для обозначения границы строфы.
- Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры: Издательский дом ЯСК, 2001–2019. (СЯРП).
- Источниками СЯРП послужили разные издания произведений названных поэтов. Перечень этих изданий приводится в каждом томе.
- Шестой том СЯРП, в который вошла статья **ПУШКИН**, был издан в 2015 году. Надо, однако, сказать, что на раннем этапе работы над Словарем, в год 200-летия поэта, была подготовлена предварительная версия (своего рода «полуфабрикат») статьи к антропониму *Пушкин*. Составители Словаря проанализировали этот материал и результаты анализа представили в работе: Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Имя *Пушкин* в стихах русских поэтов XX века (опыт словарной статьи) // А. С. Пушкин. К 200-летию со дня рождения. Статьи. Беседы. Библиография. М.: ИНИОН, 1999. С. 33–41.
- В приводимых словарных статьях используются следующие основные сокращения: *Аллюз.* – аллюзия, *Загл.* – заглавие, *Ирон.* – иронически, *нариц.* – имя нарицательное, *нов.* – новое, *обращ.* – обращено, *посв.* – посвящено, *РП* – речь персонажа, *Шутл.* – шутливо, *Эпгрф.* – эпиграф, *ib.* – ibidem (там же). Заголовочные слова, встречающиеся в контекстах в исходной форме, сокращаются до начальной буквы.
- Текст эпиграфа и цитата в «Евгении Онегине» восходят к поэме Саади «Бустан».
- Стихотворение «Всё в жертву памяти твоей...» написано в 1825 году (Всё в жертву памяти твоей: И голос лиры вдохновенной, И слезы девы воспаленной, И трепет ревности моей...).
- Ахматова слегка изменяет в цитате порядок слов. Ср. строки из поэмы Пушкина «Домик в Коломне»: *Я живу / Теперь не там*, но верною мечтою Люблю летать, заснувши наяву, В Коломну, к Покрову – и в воскресенье Там слушать русское богослуженье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев В. П. Предисловие // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 3–11.
- Двинягин Ф. Н. Три этюда по поэтике имени // Семантика имени (Имя–2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 93–126.
- Зубова Л. Наблюдения над языком цикла М. Цветаевой «Стихи к Пушкину» // Studia Russica Budapestensis: Материалы III и IV Пушкинологического коллоквиума в Будапеште. Будапешт, 1995. С. 245–252.
- Карапулов Ю. Н. [Рец.] «Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века». Пробный выпуск: А – А-ю-рей. Составители: Е. М. Брейдо, А. В. Гик, В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Рейтт, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова. Автор идеи Словаря, руководитель проекта и редактор выпуска В. П. Григорьев. М.: «Русские словари», 1998 // Русистика сегодня. 1999. № 1–2. С. 158–163.
- Карпушкина Л. А. Образ А. С. Пушкина в русской литературе конца XIX – начала XX веков и проблема литературной рецепции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 152 с.
- Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Издательский центр РГГУ, 1998. 485 с.
- Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М.; Wien, 1995. 557 с.
- Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина: Дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2007. 377 с.

9. Шатихина Л. В. Ахматова и Пушкин: к вопросу межтекстовых коммуникаций: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 205 с.
10. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
11. Шестакова Л. Л. Директория Grigor'ev: к продолжению работы над «Словарем языка русской поэзии XX века» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016. С. 443–455.
12. Shestakova L. Dictionary of the Russian Language in Twentieth-century Poetry: Specific Macrostructure and Microstructure Features. *Life Beyond Tourism* / Edited by Olga M. Karpova and Faina I. Kartashkova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 199–207.

Поступила в редакцию 25.12.2019

Larisa L. Shestakova, Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
lara.shestakova@mail.ru

“HE IS PUSHKIN, AND HE IS IMMORTAL!”: PUSHKIN’S IMAGE IN THE SILVER AGE POETRY

The article offers a case of studying Pushkin’s theme in the poetry of the Silver Age. The research material is the material of the modern *Dictionary of the Language of the Twentieth-Century Russian Poetry*, mainly the dictionary entries for the proper name *Pushkin* and its derivatives (*Pushkinsky*, *Pushkinist*, etc.). The novelty of the work is determined by the choice of a “dictionary-based” approach to the topic, which enables us to identify the features of the perception of creativity, fate, and the image of Pushkin itself by the authors of the Silver Age, based on the analysis of contexts and metalanguage markers. Dictionary materials show that Pushkin’s image is manifested in the use of the national poet’s name in a strong position of the text title, as well as in the repeated displaying of Pushkin’s lines as an epigraph, which sets both the thematic perspective and the emotional tonality of the work. According to the actual text fragments reflected in the Dictionary, it is clear that Pushkin is interesting for poets of the new century in different states – as a young talented poet, as a man, who survived an exile, and, among others, as an acknowledged classic, who inspires creativity (see the verses of Annensky, Akhmatova, Blok, Yesenin, etc.). Dictionary entries pinpoint the diverse associativity in the perception of Pushkin by individual poets (Tsvetaeva, Khlebnikov), the comparison of his name and his image with objects and concepts of different nature. Among the words derived from the name *Pushkin*, there can be distinguished frequent common language adjective *Pushkinsky* and Khlebnikov’s neologism *Pushkinoty*. While the first one demonstrates the compatibility in poetic use, which characterizes the image of the poet in different ways (*Pushkin’s revolt*, *Pushkin’s sadness*, *Pushkin’s sense of proportion*, etc.), the second one reveals the word-forming and aesthetic potential of the proper name, which is symbolic for Russian culture.

Keywords: Pushkin, Silver Age, dictionary of poetic language, dictionary entry, proper name, title, epigraph, association

Cite this article as: Shestakova L. L. “He is Pushkin, and he is immortal!”: Pushkin’s image in the Silver Age poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 97–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.439

REFERENCES

1. Grigoriev V. P. Preface. *Dictionary of the Language of the Twentieth-Century Russian Poetry*. Vol. I. Moscow, 2001. P. 3–11. (In Russ.)
2. Dvinyatin F. N. Three etudes on the poetics of the name. *Semantics of the name (Name-2)*. Moscow, 2010. P. 93–126. (In Russ.)
3. Zubova L. Observations on the language of M. Tsvetaeva’s cycle “Poems to Pushkin”. *Studia Russica Budapestinensia: Materials of the III and IV Pushkin’s Colloquium in Budapest*. Budapest, 1995. P. 245–252. (In Russ.)
4. Karaulov Yu. N. [reviewer] “‘Samovity’ word. Dictionary of Russian poetry of the XX century”. Pilot issue: A – A-yu-rey. (E. M. Breydo, A. V. Gik, V. P. Grigoriev, L. I. Kolodyazhnaya, T. E. Reutt, N. A. Fateeva, L. L. Shestakova, Comp.). The author of the idea, project manager and editor of the issue: V. P. Grigoriev. Moscow, 1998. *Rusistika Segodnya*. 1999. No 1–2. P. 158–163. (In Russ.)
5. Karpushkina L. A. Image of A. S. Pushkin in Russian literature of the late XIX and the early XX centuries and the problem of literary reception: PhD dissertation (Philology). Moscow, 2000. 152 p. (In Russ.)
6. Musatov V. V. Pushkin’s tradition in Russian poetry of the first half of the XX century. Moscow, 1998. 485 p. (In Russ.)
7. Pertsova N. Dictionary of Velimir Khlebnikov’s neologisms. Moscow, Vienna, 1995. 557 p. (In Russ.)
8. Pyatkin S. N. Pushkin in the artistic consciousness of Yesenin: Doctoral dissertation (Philology). Veliky Novgorod, 2007. 377 p. (In Russ.)
9. Shatikhina L. V. Akhmatova and Pushkin: the issue of intertextual communications: PhD dissertation (Philology). Moscow, 2008. 205 p. (In Russ.)
10. Shestakova L. L. Russian author’s lexicography: theory, history, modernity. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.)
11. Shestakova L. L. Grigor’ev directory: continued work on the *Dictionary of the Language of the Twentieth-Century Russian Poetry*. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2016. Issue 7. P. 443–455. (In Russ.)
12. Shestakova L. Dictionary of the Russian language in twentieth-century poetry: Specific macrostructure and microstructure features. *Life beyond tourism*. (Olga M. Karpova and Faina I. Kartashkova, Ed.). Newcastle upon Tyne, 2015. P. 199–207.

Received: 25 December, 2019

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА КАЛИНОВСКАЯ
кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный
сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-
Петербург, Российская Федерация)
kalinovskaiavn@yandex.ru

ОЛЬГА АЛЬБЕРТОВНА СТАРОВОЙТОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
o.starovoytova@spbu.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ АКТИВНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ (на примере новообразований пушкинской эпохи)

Характеризуются прилагательные, образованные по конфиксальной модели *без...ный* и представляющие лексические и семантические новации XIX века. Интерес к деривационным процессам как отражению мировоззренческих взглядов носителей языка, процесса формирования языковой картины мира определил задачи исследования. Анализ лексического наполнения словообразовательной модели (наименований реалий, послуживших основой для развития семантики аномального признака) позволил сделать некоторые выводы о значимых для эпохи реалиях, отраженных в сознании коллектива носителей языка. Особое внимание уделено авторским новообразованиям и типичным для эпохи употреблениям мастерами слова лексических единиц, образованных по соответствующей словообразовательной модели, которые оказали влияние на язык современников и последующее развитие литературного языка. В творчестве отдельных авторов роль указанных прилагательных заключается в создании образов не только синхронизированных с эпохой, но и опережающих время. Расширение сочетаемостных возможностей нового слова закрепляет актуальную для него семантику. Реализация мощного семантического потенциала рассматриваемых дериватов была обусловлена происходившими кардинальными сдвигами в общественном и художественном сознании представителей эпохи.

Ключевые слова: русский язык пушкинской эпохи, историческая лексикология, словообразовательная мотивация, конфиксальные прилагательные, язык писателя

Для цитирования: Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. Лексическое наполнение активной словообразовательной модели (на примере новообразований пушкинской эпохи) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.440

ВВЕДЕНИЕ

Язык, безусловно, выступает как живое воплощение индивидуального и коллективного творчества. Трудно отрицать тот факт, что одной из главных забот творческой деятельности русских писателей, в частности А. С. Пушкина, была забота о языке. История пушкинской эпохи, в том числе история русского литературного языка этого периода, несмотря на, казалось бы, давность и плодотворность изучения, требует внимательного исследовательского подхода. Ключом к ее еще не раскрытым тайнам является именно язык, в особенности его лексика: она формирует понятия и организует восприятие действительности в связную (цельную) картину мира. Таким образом, обращение к истории лексики и по сей день не теряет своего культурного и методологического значения. Поскольку «слова и их значения живут не отдельной жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы...»¹, обнаружение целост-

ных групп слов со стойкими внутренними связями, претерпевающих изменения, является одной из основных задач при изучении истории лексического состава языка. Б. А. Ларин считал, что

«далекая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи» [10: 12].

Акт номинации позволяет проследить движение мысли, «услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [4: 322] в определенных исторических условиях, и в этом отношении интерес к деривационным процессам и их результатам, отраженным в языковой деятельности мастеров слова, имеет глубокую мировоззренческую основу, поскольку дериватология на современном этапе находится

«в поиске новых путей развития, связанных прежде всего с осмысливанием движущих сил словообразовательных процессов... обнаружением связи явлений

словообразования с формированием языковой картины мира» [5: 5].

Особенности словообразовательной деривации, определяющие эвристическую ценность ее данных для исследований когнитивной направленности (вспомним гипотезу Сепира – Уорфа о том, что структура языка определяет мышление и способ познания реальности), находятся в сфере внимания современных исследователей, отвечающих на актуальные для лингвистики вопросы «почему» и «зачем».

Для динамического синхронного словообразования особенно важен факт действия в анализируемый период конкретных моделей, а также факт их разграничения с точки зрения продуктивности / непродуктивности. При создании дифференциального словника для составляемого в Институте лингвистических исследований РАН «Словаря русского языка XIX века» было обращено внимание на один из его фрагментов, который дает возможность представить примеры динамических тенденций, отчасти имеющих непосредственные истоки в той идеологической и эстетической парадигме, которую задал А. С. Пушкин в первой трети XIX века.

Известно, что в основе большинства языковых номинаций лежат аномальные явления, то есть такие, которые воспринимаются сознанием как отклонение от нормы, поскольку человеческий мозг в первую очередь запечатлевает отличительные особенности, позволяющие в дальнейшем легко распознавать ту или иную реалию на фоне других [3: 304]. В словообразовании яркой иллюстрацией этой закономерности служат производные прилагательные конфиксального типа *без...н(ый)*, которые и стали объектом анализа с целью определения, номинации каких реалий послужили основой для развития семантики аномального признака и, следовательно, отражали в сознании коллектива носителей языка актуальные представления о значимых для эпохи реалиях.

Активное употребление прилагательных с начальным *без-* исследователи рассматривают как одну из особенностей словообразовательной системы русского литературного языка XIX века [9]: именно в этот период продолжается процесс пополнения словарного состава языка подобными прилагательными, начавшийся в предшествующую эпоху.

Считается, что в русском языке XIX века гораздо больше конфиксальных прилагательных на *без...н(ый)*, мотивированных вещественными существительными, чем в современном [12: 183], что, по всей видимости, демонстрирует высокую значимость для носителей языка в тот период признаков, характеризующих аномалии материального плана.

Лексикографические источники XIX века, тексты этого периода свидетельствуют о чрезвычайном богатстве лексических форм, образованных с помощью указанной модели. Так, в процессе работы было обнаружено, что в академическом словаре 1847 года фиксируется около 200 слов, которые отсутствуют в «Словаре русского языка XVIII века» (например, *безведренный, безвозбранный, безвозмездный, бездарный, бездоказательный, безнравственный, безукоризненный, безупречный, беспрогульный, бессметный, бесстеный, безустальный*)². Еще более значительное количество единиц (около 300 новых слов, отсутствующих в словаре XVIII века) включает словарь В. И. Даля (например, *безвыездный, безгранный, бездеятельный, бездоходный, безработный, бессвязный, бессознательный, безучастный, бесцельный*)³. Тенденция появления подобных прилагательных сохраняется и далее на протяжении XIX века; в первую очередь они пополняют фонд образных средств языка, а во-вторых, формируют группу, как их определил Ю. С. Сорокин, «номинативно-терминологических слов» типа *безлистый* (в настоящей статье последние не рассматриваются).

В картотеке дифференциального по своей природе «Словаря русского языка XIX века» фиксируется несколько десятков неологизмов-прилагательных, ранее не отмеченных словарями русского языка, например: *безартерийный, безбытный, безвосходный, безленостный, безмускульный, безотзывный, безроскошный, безуездный, безъерный, безъякорный* и др.⁴ Подавляющее большинство подобного типа прилагательных, функционирующих в текстах пушкинской эпохи, характеризуют эмоциональную, психическую, ментальную, нравственно-этическую сферы человеческой жизни.

Среди лексических неологизмов первой половины XIX века, образованных по данной модели, немалая доля приходится на авторские новообразования (или те слова, которые, по имеющимся на сегодняшний день данным, встречаются в текстах именно этих авторов): *безужинный* (Е. А. Баратынский), *безъякорный* (В. Г. Бенедиктов), *безмилосердный, безразлучный* (П. А. Вяземский), *безробостный* (И. А. Крылов), *безмечтательный* (К. С. Аксаков) и некоторые другие. Примечательно, что значительная часть новых слов принадлежит поэтическому лексикону современника А. С. Пушкина В. Г. Бенедиктова, чьи стихи были с восторгом встречены читающей публикой, однако не были восприняты демократической критикой того времени (см. статьи В. Г. Белинского) и неоднозначно оценивались последующими поколениями. Однако важно отметить, что на излете своего творческого и жизненного пути А. С. Пушкин интуитивно не мог не почувствовать начавшихся изменений, связанных с поиском новых языковых форм выразительности, и признать

их – укажем на то, что поэт, чье первенство было общепризнанным, не поддержал резкой критики, которой было отмечено появление первой книги стихов В. Г. Бенедиктова.

Для исследователей языка пушкинской поры очень важна, как нам представляется, оценка, данная этому поэту в начале 1900-х годов в очерке Ю. И. Айхенвальда. Отмечая большое количество созданных Бенедиктовым неологизмов (например, *колесница небес безотъездная*), критик называет его «поэтом-изобретателем», «поэтом-механиком», «выдумщиком». Хотя немногие из них вошли в общее употребление, почти все неологизмы

«показывают, что у него <Бенедиктова> было живое чувство языка. ... Его стихотворения с их неожиданно открывающейся россыпью слов лишний раз показывают, как богат и в своей действительности, и в своих возможностях наш русский язык» [1: 551].

Рассмотрим два авторских новообразования Бенедиктова, пожалуй, наиболее показательных с точки зрения поэтического и языкового новаторства: *бездачный* и *безъякорный*. Они интересны прежде всего тем, что созданы по новой семантической мотивационной модели. Производящей основой того и другого являются лексемы, приобретающие в контексте производного слова (внутри синтагмы) символический смысл. Исследователи уже обращали внимание на такую особенность мотивирующих единиц у новообразований по данной модели, как наличие семы, указывающей на социально значимую реалию [11: 123] (в основном приводились примеры слов с отвлеченной семантикой и нравственно-этического характера), что, очевидно, справедливо для ряда неологизмов [11: 124]. Нам бы хотелось акцентировать внимание на несколько ином аспекте мотивированности, реализующемся в конфискальных прилагательных. Речь идет о такой ситуации, при которой мотивирующие единицы имеют в качестве прямого конкретно-предметное, или «вещественное», значение; значимость этого признака определяет появление новообразований по данной модели в XIX веке. Предметность, лежащая в основе символического значения «слова-вещи» (как факта культуры), расширяет семантический потенциал производного слова, обогащая его ассоциативными связями, порождая новый образный (визуальный) ряд «старого» понятия в более привычной языковой форме. Именно фактор новизны является существенным для осознания аномальности в ее ином вербальном воплощении. Новое прилагательное, возникшее в результате поиска семантической мотивированности «аномального» признака, является своего рода «ремейком» старого в новом образе. Так, *дача* становится символом состоятельности, материального благополучия. Прилагательное *бездачный* встает в один ряд с новообразованиями эпохи *безденежный*, *без-*

домовый, *бездолжный*, *безроскошный*, символизируя не просто бедность, но степень униженности человека: «*Весною бедность та в грязи со мною ж вязнет, / А тут и поднялась и мимоездом дразнит / Меня, бездачного*» (В. Г. Бенедиктов. Плач остающегося в городе...).

Несколько иной пример создания нового образа представлен употреблением прилагательного *безъякорный*, в котором производящая основа *якорь* выступает как символ пристанища (ср. фразеологизм *бросить якорь*). Этот образ может быть рассмотрен в фокусе «эффектного романтизма», к представителям которого причисляли Бенедиктова: «*Бездомный скиталяец – пустынnyй певец – / Один, с непогодою в споре, / Он реет над бездной, певучий пловец, / Безъякорный в жизненном море...*» (В. Г. Бенедиктов. Певец). Появление авторского неологизма в данном метафорическом контексте, воспроизводящем мотив «странничества», добавляет ему экспрессии в силу новизны созданного поэтом образа.

При анализе словообразования рассматриваемых имен прилагательных особое значение приобретает вопрос о характере производящей основы, ее семантических и стилистических параметрах. В актах деривации актуализируются скрытые концептуальные признаки исходного имени, которые связаны со стереотипным образом обозначенной именем реалии. В этом отношении интересен случай употребления конфискального прилагательного в письме А. С. Пушкина А. А. Дельвигу (16.11.1823):

«Сатира к Гнед.(ичу) мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; Сомов *безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя?»⁵

Новация XVIII века *безмундирный* имела значение ‘не имеющий мундира’ (*безмундирные народные войска*)⁶. У Пушкина прилагательное выступает как семантическая новация: здесь важны определение нового символического значения производящей базы (мундир как знак принадлежности человека, облаченного в сей «костюм», к разряду людей, состоящих на государственной службе, чья деятельность сопряжена с кодексом чести) и анализ отношений мотивированности, которые позволяют установить характер когнитивных связей между называемой реалией и символической ролью этой номинации в осмыслении человеком действительности. На уровне текста можно видеть социальную значимость этого явления, признаки которого высвечиваются в акте деривации. Кроме того, пушкинский семантический неологизм *безмундирный* отсылает нас к сложному и не имеющему однозначного решения вопросу о степени «предсказуемости» значений у производных слов:

«... как настойчиво и как далеко лексическое значение производного слова может уходить от исходной

словообразовательной семантики... Направления и варианты этого “ухода” многообразны и непредсказуемы” [7: 252].

В вопросе влияния языка писателя на язык его современников и последующее развитие литературного языка особое место традиционно отводят авторским неологизмам, предложенным данным писателем и вошедшим затем в общее употребление. Однако, как нам кажется, не менее важным является анализ употреблений мастерами слова лексических единиц, образованных по актуальным для эпохи словообразовательным моделям. Продемонстрируем это на примере прилагательных *бескрылый* и *безотчетный*.

Прилагательное *бескрылый* часто упоминается исследователями в связи с развившимся у него в XIX веке переносным значением ‘лишенный творческой силы, фантазии’ (в прямом значении ‘не имеющий крыльев’ лексема впервые была зафиксирована в лексикографическом источнике XVIII века⁷). Очевидным является тот факт, что оппозиция типа «имеющий (крылья) / не имеющий (крыльев)», характерная преимущественно для терминологических употреблений, и оппозиция типа «имеющий (крылья) / лишенный (крыльев)» являются неравнозначными. Следовательно, актуальным является вопрос о различной природе мотивированности отмеченной семантической новации. Значение ‘лишенный творческой силы, фантазии’ никоим образом не может быть возведено непосредственно к прямому значению; природа семантической деривации производного слова представляется более сложной, в поиске ответа приходится обратиться к семантике производящей основы *крыл-*, переносные (образные) значения которой могут усваиваться производными [6: 81–88]. Одно из наиболее удачных определений новой семантики прилагательного *бескрылый* – ‘лишенный полета, вдохновения’ [6: 129]: оно указывает на метонимическую обусловленность метафоры, заложенной символическим значением производящей основы (крыло как инструмент достижения возможной связи человека с высшим, духовным миром).

Прилагательное *бескрылый* в сочинениях В. А. Жуковского характеризует по преимуществу не предметы или явления, а лица (богов, людей): «...сын Диа Абеон, / Задумчивый, **бескрылый**, / С улыбкою унылой, / Спускается с небес...» (К Б<лудов>у: Письмо («Веселого пути...»)). Использование поэтом субстантивированной формы придает прилагательному обобщающий характер, оно становится характерным признаком определенной социальной группы: «Удавка тем, кто ищет славы низкой, / Кто без заслуг, **бескрылые**, ползком, / Вскарабкались к вершине Пинда склизкой / И давит Феб лавровым их венком» (К А. Н. Арбеневой («Рассудку глаз! другой воображеню!»)).

Употребление прилагательного Жуковским обусловлено характером лежащих в основе поэтического текста сюжетов (миф) и культурными (религиозными, идеологическими) оппозициями «Боги / люди», «небесное / земное», «верх / низ». Символическая составляющая ядерной семьи «крыло» как знака принадлежности божественному и возможности связи с высшим (небесным) миром присутствует в каждом из приведенных выше употреблений и входит в мотивационную базу для формирования оценочного (отрицательного) признака.

Образный потенциал прилагательного *бескрылый* стал поводом для включения его в лексико-понятийный реестр 1-го выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX веков» [8: 385, 389, 390 и др.] на основе того, что «опорное слово» относится к метафорическому (семантическому) полю «Птицы». Контексты с прилагательным *бескрылый* из сочинений авторов первой трети XIX века свидетельствуют о его характеризующей роли в стилистике романтизма начала века: «Он <Моцарт> несколько занес нам песен райских, / Чтоб, возмутив бескрылое желанье / В нас, чадах праха, после улететь!» (А. С. Пушкин. Мозарт и Сальери⁸).

Отрицательный оценочный признак прилагательного *бескрылый* закрепляется благодаря его использованию в соответствующих контекстах. Так, например, в стихотворении Ф. Н. Глинки «Засуха» (1829), метафорически представляющем засуху счастья, прилагательное *бескрылый* входит последним компонентом в возрастающий градационный ряд, раскрывающий содержание базовой метафоры: «Так в засухе мирского счастья: / Душа томна, душа болит, / Завяла грудь, и ум **бескрылый** / От ярких мыслей не кипит».

Сравнение словоупотреблений прилагательного Жуковского, с одной стороны, и Пушкина и Глинки, с другой, может свидетельствовать о некоторой тенденции к усилению у последних абстрактного начала в семантике прилагательного и ослаблению мотивационных связей между производящим и производным, обусловленных изменениями в лексической сочетаемости. Заложенные в производящем слове семантические потенции становятся основой для включения семантического неологизма в новые парадигмы: *бескрылый* – земной – мирской – низкий ‘подлый’ – низменный – приземленный.

Лексическая сочетаемость играет огромную роль в закреплении значения неологизма. Данное положение в полной мере относится к прилагательному *безотчетный*, являющемуся новацией XIX века и активно использующемуся русскими писателями пушкинской эпохи. Незначительное количество употреблений приходится на прилагательные, мотивированные

существительным *отчет* в значении ‘сообщение о результатах своей деятельности, работе’⁹: «*безотчетное самовластие*» (В. А. Жуковский), «*самодержавный, безотчетный властелин полусвета*» (М. А. Корф), «*безотчетный труд*» (В. Ф. Одоевский). Однако мотивация прилагательного в подавляющем большинстве употреблений связана с устойчивым сочетанием *не отдавать себе отчета в чем-л.* (франц. *être inconscient*). По-видимому, здесь можно даже предположить калькирование русским прилагательным *безотчетный* французского *inconscient*. Это второе значение последовательно реализуется в определенных синтагмах: «*безотчетное чувство*» (Н. В. Гоголь, В. И. Даля, М. Н. Загоскин, А. А. Бестужев-Марлинский, Н. А. Полевой), «*безотчетная любовь*» (М. А. Корф), «*безотчетная радость*» (Н. А. Дурова), «*безотчетная грусть*» (В. А. Соллогуб, М. С. Жукова), «*безотчетное страдание*» (М. Ю. Лермонтов), «*безотчетное веселье*» (И. В. Киреевский), «*безотчетное наслаждение*» (В. Г. Веневитинов), «*безотчетный порыв*» (В. Г. Белинский), «*безотчетное стремление*» (К. С. Аксаков) и др. Подобные сочетания служат созданию образа героя эпохи – героя-романтика, томимого *безотчетным желанием*, стремящегося к *безотчетному идеалу* или обладающего *безотчетной верой*. Характер сочетаемости данного прилагательного в текстах XIX века невольно отсылает нас к известному стихотворению В. А. Жуковского «Невыразимое» (1819), в котором поэт ставит волнующий его вопрос изобразительных способностей искусства, по сути вопрос о новой поэтической форме, адекватной новой литературной реальности. Прилагательное *безотчетный* маркирует преобладание страстей, эмоций, чувств над разумом в оценке действий и поступков человека. Любопытно, что единственный пример употребления данного прилагательного А. С. Пушкиным, представленный в отрицательной конструкции: «*Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности*»¹⁰, – входит не в поэтический, а критический корпус текстов литератора. Безотчетность в писательском деле недопустима, утверждает поэт.

Интересно проследить, как благодаря лексическим новациям в стилистике литературного направления возникают новые парадигматические отношения. Так, конфиксальные имена прилагательные в составе словосочетаний *безотчетное желание* и *бескрылое желание* могут быть расценены как контекстуальные антонимы: первое связано с идеей движения, стремления к чему-либо (как правило, бессознательной устремленности духа вверх), второе – с пассивностью, лишенностю всякого (высшего) смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ конфиксальных прилагательных, образованных по продуктивной модели, которые были извлечены из материалов соответствующего фрагмента дифференциального словаря картотеки «Словаря русского языка XIX века», позволяет нам сделать некоторые предварительные выводы относительно мотивов и механизмов словообразовательного процесса в данном звене языковой системы. Один из них касается мощного семантического потенциала дериватов рассматриваемой словообразовательной модели, реализация которого была обусловлена происходившими кардинальными, даже революционными сдвигами в общественном и художественном сознании представителей переходной от XVIII века эпохи. Что касается употребления подобных новообразований, то следует отметить расширение сочетаемостных возможностей нового слова, закрепляющих актуальную для него семантику. Важным аспектом изучения таких прилагательных является анализ их употребления мастерами слова соответствующего периода. Если говорить о подобных прилагательных в текстах, например, А. С. Пушкина, то там они представлены (хотя и немногочисленными в количественном отношении примерами) и лексико-семантическими новациями XIX века (например, *бездарный* и *бескрылый*), и авторскими новообразованиями (*безмесячный* и *безмундирный*). Кроме того, в словаре языка Пушкина зафиксированы дериваты следующей ступени от рассматриваемых прилагательных (наречия, например *безнаказанно*, и отвлеченные существительные, например *безнаказанность*, *безнравственность*), что также отражает активные тенденции в словообразовании и в развитии лексикона, связанные с расширением словообразовательной базы качественных прилагательных.

Прилагательное *безотчетный*, новация XIX века, активно используется русскими писателями пушкинской эпохи, став ключевым словом в стилистике романтизма, подчеркивающим преобладание эмоций, чувств над разумом.

Роль указанных прилагательных в творчестве отдельных авторов заключается в создании образов не только синхронизированных с эпохой, но и опережающих время. Так, например, новизна поэтических образов В. Г. Бенедиктова осознавалась благодаря языковой форме, получавшей новую семантическую мотивированность (через символичность производящей основы дериватов). Неслучайно поэтому в дальнейшем Бенедиктов был оценен поэтами новой школы: его считали предшественником К. Бальмонта.

«Человек запечатлел в языке... свое отношение к предметному и непредметному миру, природе» [2: 3]. Выявлению этого отношения, вне всякого сомнения, способствуют *наблюдение*

за деривационными процессами (в частности за актуализацией словообразовательных моделей), которые в определенный исторический пе-

риод дают толчок новому семантическому значению, и анализ лексического наполнения этих самых словообразовательных моделей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М.: Университет. типогр., 1895. С. 35.
- ² Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т., 2 кн. СПб.: Типогр. Императ. Акад. наук, 1847. Репр. изд.: СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2001. Кн. I: А-Н. С. 26–43.
- ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М., 1863–1866. Ч. 1: А–З. М.: Типогр. А. Семена, 1863. С. 51–74.
- ⁴ Поскольку исследование проводилось на основе изучения электронной коллекции текстов Национального корпуса русского языка, электронной картотеки «Словаря русского языка XIX века» и электронной версии дифференциального словарника «Словаря русского языка XIX века», ссылки на бумажные издания в тексте статьи не приводятся.
- ⁵ Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1: А–Ж. С. 70.
- ⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 (А–Безпристрастие). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984. С. 178.
- ⁷ Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: В 6 ч. Ч. III: З–М. СПб.: Императ. Акад. наук, 1792. С. 1027.
- ⁸ Словарь языка Пушкина... С. 84.
- ⁹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 766.
- ¹⁰ Словарь языка Пушкина... С. 74.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхенвальд Ю. Бенедиктов // Силуэты русских писателей / Предисл. В. Крейда. М.: Республика, 1994. С. 550–555.
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 3–11.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988. 339 с.
4. Вендин Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Ч. 1. Кто он? // Славянский альманах 1999. М.: Индрик, 2000. С. 322–341.
5. Дмитриева О. И. Актуальные проблемы современной дериватологии в трудах научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. памяти профессора Э. П. Кадькаловой. Саратов 27–28 октября 2016 г. / Отв. ред. О. И. Дмитриева, С. А. Семеновская. Саратов: Амирэйт, 2016. С. 5–12.
6. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984. 152 с.
7. Кадькалова Э. П. Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов: ООО «Буква», 2015. 341 с.
8. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 «Птицы» / Отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев. М.: Языки русской культуры, 2000. 471 с.
9. Коссек Н. В. Имена прилагательные с отрицательными префиксами в современном языке // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: Материалы IX зональной конф. кафедр русского языка вузов Урала / Редкол.: М. А. Генкель (отв. ред.) и др. Пермь, 1972. С. 244–247.
10. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. 110 с.
11. Уханова Т. В., Коссек В. А. Конфиксальные прилагательные как маркер социальной значимости реалий // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 121–126.
12. Хожикулова О. А. Эволюция словообразовательной формы конфиксальных существительных и прилагательных // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 3. С. 182–188.

Поступила в редакцию 28.08.2019

Valentina N. Kalinovskaya, PhD in Philology, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
kalinovskaya@yandex.ru

Olga A. Starovoitova, PhD in Philology, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation)
o.starovoytova@spbu.ru

LEXICAL CONTENT OF ACTIVE DERIVATIONAL MODEL (BY THE EXAMPLE OF PUSHKIN'S PERIOD NEOLOGISMS)

The article characterizes adjectives formed by the confixal model *bez...nyi*, which represent the lexical and semantic innovations of the XIX century. The interest in derivational processes as a reflection of the worldviews of native speakers and the process of forming the linguistic picture of the world has determined the objectives of the study. The analysis of the lexical content of the word-building model enabled to draw some conclusions about the significant realities of the mentioned period, reflected in the collective consciousness of native speakers. The article focuses on author's neologisms and the writers' typical use of the lexical units formed by

the corresponding word-formation model, which influenced the language of their contemporaries and the subsequent development of the literary language. In the works of some writers, the role of these adjectives is to create images not only synchronized with the epoch, but also being ahead of their time. The expansion of the compatibility features of the new word reinforces the semantics relevant to it. The realization of the powerful semantic potential of the new derivatives was due to the cardinal shifts in the public and artistic consciousness of the studied period.

Keywords: Russian language of Pushkin's period, historical lexicology, word-formation motivation, confix adjectives, author's language

Cite this article as: Kalinovskaya V. N., Starovoitova O. A. Lexical content of active derivational model (by the example of Pushkin's period neologisms). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.440

REFERENCES

1. Aykhenval'd Yu. Benediktov. *Silhouettes of Russian writers*. Moscow, 1994. P. 550–555. (In Russ.)
2. Arutyunova N. D. Introduction. *Logical analysis of the language. The image of human being in culture and language*. Moscow, 1999. P. 3–11. (In Russ.)
3. Arutyunova N. D. Types of linguistic meanings: Assessment, event, fact. (G. V. Stepanov, Ed.). Moscow, 1988. 339 p. (In Russ.)
4. Vendina T. I. Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language. Part 1. Who is he? *Slavic Almanac* 1999. Moscow, 2000. P. 322–341. (In Russ.)
5. Dmitrieva O. I. Contemporary problems of modern derivatology in the proceedings of the research seminar “Development of the word-formation and lexical system of the Russian language”. *Proceedings of the VI International Research Seminar in the Memory of Prof. E. P. Kad'kalova “Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian Language”*. Saratov, 2016. P. 5–12. (In Russ.)
6. Ermakova O. P. Lexical meanings of derivative words in Russian. Moscow, 1984. 152 p. (In Russ.)
7. Kad'kalova E. P. Going into theory of word formation: the correlation of concepts word-derivative production and word-formation motivation. Saratov, 2015. 341 p. (In Russ.)
8. Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX and the XX centuries. Vol. 1 “Birds”. Moscow, 2000. 471 p. (In Russ.)
9. Kossek N. V. Adjectives with negative prefixes in the modern language. *Proceedings of the IX Zonal Conference of Russian Language Departments of the Urals Universities “Contemporary Issues of Lexicology and Lexicography”*. Perm, 1972. P. 244–247. (In Russ.)
10. Larin B. A. History of the Russian language and general linguistics. Moscow, 1977. 110 p. (In Russ.)
11. Ukhanova T. V., Kosova V. A. Adjectives with confixes as markers of social significance of a realia. *Philology and Culture*. 2016. No 1 (43). P. 121–126. (In Russ.)
12. Khozhikulova O. A. Evolution of the word-building form of confixal nouns and adjectives. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2006. Vol. 148. No 3. P. 182–188. (In Russ.)

Received: 28 August, 2019

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА РУДАКОВА

аспирант кафедры языкоznания и литературоведения
Магнитогорский государственный технический университеz имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)
taviru@mail.ru

ОБРАЗ ВОЛНЫ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ И. И. КОЗЛОВА

Статья посвящена анализу лирики И. И. Козлова, малоизученного поэта пушкинской поры. Доказывается, что поэтический мир, созданный слепым поэтом, полон зримых образов, находящихся в постоянном движении. Основное внимание в статье сосредоточено на исследовании одного из знаковых образов в поэзии Козлова – и в частотном, и в содержательном отношении – образа водной стихии. Рассматривается, как в творчестве поэта переосмысливаются традиционные характеристики этого образа. Показано, что море для поэта – это и покой, и буря, что этот образ не связан однозначно ни с линией горизонта, ни с линией вертикали. Доказывается, что почти всегда в описании водной стихии появляется повторяющееся, ритмичное движение, передается оно через образ волны. Именно поэтому основное внимание сосредоточено на выявлении специфических свойств образа волны. В результате исследования установлено, что образ волны в лирике Козлова – это и выразительная деталь пейзажа, и символ жизни, это сердце мироздания, его ритм, визуальное проявление сердцебиения мира. В результате исследования доказано, что в образе волны проявляются и реальные физические свойства этого природного объекта, и метафорическое, символическое, аллегорическое, мифологическое начала. Ритм волны в изображении Козлова передает пульсацию жизни: то напряженно пугающей, то умиротворяющей. А в самих изменениях характеристики образа волны обнаруживается связь с изменениями в мировосприятии поэта-романтика.

Ключевые слова: Козлов, лирика, морские образы, образ волны, полисемантизм

Для цитирования: Рудакова Т. В. Образ волны в романтической лирике И. И. Козлова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.441

ВВЕДЕНИЕ

Пространственные образы являются неотъемлемой частью художественных произведений, способствуя формированию у читателей целостного впечатления от поэтического мира, который мы рассматриваем как «некую художественную целостность, возникшую и существующую по своим законам, обусловленным особенностями творческого сознания поэта» [11: 6]. Как утверждал Г. П. Макогоненко, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [6: 238]. Пространственные образы, появляющиеся в литературных произведениях, могут быть географическими, вымышленными, фантазийными, изучение их дает возможность читателю лучше понять специфику мировидения поэта, своеобразие его поэтики. Необходимо учитывать тот факт, что в том,

«как изображает пространство, автор отражает свое понимание жизни, свою концепцию человека, человечества, бытия, свое видение мира материального и идеального, зримого и невидимого, метафизического, духовного и реального, мифологического и исторического» [12: 303].

И. И. Козлов – один из мало исследованных авторов пушкинской эпохи, можно выделить

лишь несколько монографических работ, ему посвященных, написанных В. В. Афанасьевым [1], П. Барзаковским¹, Н. К. Гудзием², Н. М. Даниловым³, К. А. Трушем⁴. Козлов начал писать стихи тогда, когда потерял зрение, утратив вместе с ним привычный образ жизни, которым дорожил. Но жажда деятельности, желание выразить себя никуда не делись. Они требовали выхода, и он был найден в творчестве. Поэзия стала главным способом самовыражения этого автора, являя собой не прямое отражение мира реального, а иную, перевоплощенную реальность, в которой переосмысливался собственный опыт [16: 10188].

Художественное пространство лирики И. И. Козлова, наполненное визуальными образами, не статично, оно динамично, все время находится в движении и видоизменяется. И, наверное, неслучайно, что одним из знаковых – и в частотном, и в содержательном отношении – оказывается у Козлова образ водной стихии, представленной чаще всего образами моря, океана. Следует сразу подчеркнуть, что данные образы восходят к архетипу воды, они унаследованы европейской литературой из мифологии и популярны в мировой культуре [15]. Известно, что Архилох, Алкей, Гомер, Мелеагри и другие античные поэты «в образах бури, волн, скал, гавани, корабля, плавания по морю, кормчего и кораблекрушения

описывали почти всю действительность» [8: 360], с помощью морской образности раскрывали свое видение мира и чувствование жизни. Очень часто переживания души человеческой в античной трагедии уподоблялись волнениям на море. Однако стоит заметить, что «сравнение жизни человека, народа, человечества с морем, чаще бурным, чем спокойным» [7: 267] было свойственно не только культуре античности, подобное мы обнаруживаем и в христианстве. В известном исследовании Т. А. Миллера «Образы моря в письмах киппакийцев и Иоанна Златоуста» [8] предложен анализ морской образности в эпистолографическом наследии великих вселенских учителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). Используя такие слова, как «море», «волны», «буря», «судно», «маяк», «кораблекрушение», «кормчий» и другие, святители метафорически отражали собственные переживания, жизненные обстоятельства, описывали ситуацию в современной жизни и т. д. [4]. За долгую историю своей жизни в художественной литературе этот образ оброс множеством смыслов, каждая эпоха и новый яркий автор привносили нечто свое в его интерпретацию.

Русские романтики усвоили богатое наследие предшествующих культур, при этом значительно расширили образные возможности, разработанные предшественниками, так как были

«увлечены экспериментами со словом, с жанром, смыслом, художественным образом <...> заинтересованы изучением истории, фольклора, религии, философии, а главное – творчеством предшественников и современников» [10: 50].

Исследователи, изучающие поэзию пушкинской поры, размышляя об образе моря, выделяют и связанный с ним образ волны. Обращает внимание на это в своей монографии и Л. Я. Гинзбург, называя в ряду знаковых символов в творчестве русских романтиков и образ волны, подчеркивая, что многозначность самого слова «волна» определяется движением мысли поэта [2: 100], связывая образ волны с таинственностью, красотой природного мира, влекущего к себе человека. Косвенно касается этого вопроса в своем исследовании лирики поэтов пушкинской поры И. М. Семенко, рассматривая образ волны, например, как часть романтического пейзажа В. А. Жуковского [14: 73], П. А. Вяземского [14: 137], Н. М. Языкова [14: 207], передавая через описание волны неочевидное или явное движение, связанное с изменением состояния человека. Кроме того, исследователь отмечает, что образ волны у поэтов-романтиков может быть соотнесен не только с миром чувств, но и со стихией творчества [14: 253].

Образ волны как самостоятельный выделен в статье Б. А. Нахапетова в процессе анализа особенностей лермонтовского морского пейзажа [9]. В словаре языка русской поэзии конца XVIII –

начала XX века Н. Н. Иванова и О. Е. Иванова, размышляя о волне в русской лирике, выделили 24 смысловых варианта использования этого образа, представив в 19 группах примеры из творчества русских романтиков первой половины XIX века [3: 86–89].

И. И. Козлов как поэт формируется в русле эстетики романтизма, потому усваивает прежде всего свойственное этому художественному методу отношение к морю. Для него как для романтика море (образ, к которому он обращается, пожалуй, чаще, чем какому-либо другому пространственному природному образу) – стихия, ассоциирующаяся со свободой, неукротимостью, бунтарством, независимостью ни от кого и ни от чего. Подобно многим романтикам (и представителям европейской поэзии – Шатобриану, Байрону, и своим соплеменникам – Жуковскому, Пушкину, Боратынскому, Тютчеву и др.), Козлов образ моря соотносит прежде всего с жизнью. Он проецирует, как и другие романтики, образ моря на мир человеческой души, создавая своеобразный психологический пейзаж, визуализируя через морские образы то, что чувствует, то, о чем размышляет человек. Для И. И. Козлова в образе моря соединяются воедино четыре составляющие – прямое значение (соотносимое с понятием «море»), метафорические смыслы, символические ассоциации, мифологический подтекст [13: 522]. В каком бы контексте ни рассматривался поэтом этот образ, в первую очередь он стремился отразить в своих стихах те проявления моря, которые рождали бы в сознании читателя зримые картины, связанные с данным природным объектом.

Море в поэтическом мире Козлова – это сила, связанная и с первородным хаосом («Громада, бунтует, ревет и кипит, / И волны бушуют, и ветер шумит, / И стон раздается зловещих насосов» (I, 261)⁵ («Буря», 1829)), и с изначальной гармонией («Гармония слышна в волнах кипучих, / И с морем есть беседа на скалах» («К морю», 1828) (II, 3); это сила, дарующая и жизнь, и смерть по своей прихоти. Потому мощь и величие моря рождают в лирическом герое Козлова восторг, преклонение и... печаль оттого, что стать частью этого мира у человека нет возможности.

Море для поэта – это и покой, и буря, этот образ не связан однозначно ни с линией горизонта, ни с линией вертикали. Поэт воспринимает образ моря прежде всего как живое воплощение разнонаправленного движения жизни. Подобно своим предшественникам Козлов рассматривает море в системе соотнесенных с ним образов – неба, берега, дна, волн. Кажется, что взгляд поэта на море скользит то вверх – от его кромки, устремляясь к небу («Плавание», 1829), то, напротив, вниз, погружаясь в пучину моря, обнаруживая то, что скрывается на дне,

те тайны, что прячут толщи морских вод от человека («Морская тишина на высоте Тарканкута», 1829); но чаще всего поэт пытается создать живую панораму морского пейзажа, описав то бушующие, то успокаивающиеся морские волны, плещущиеся у ног и исчезающие на горизонте, чей ритм навевает самые разные эмоции, отзывааясь в душе человека широчайшим спектром чувств («Вчера в лесу я, грустью увлечен...», 1830; «К И. А. Беку», 1832).

Водная стихия в изображении Козлова может нести и благодать, и испытания, а может стать причиной гибели человека. Но почти всегда в ее описании появляется повторяющееся, ритмичное движение, передается оно через образ волны: «Сильнее шум – и волны всколыхались, / Морские чуда разыгрались» («Плавание», 1829) (I, 259). Наверное, поэтому образ волны, рожденный морем, пульсирующее расширяясь в своих смысловых значениях, оказывается связан не только с другими водными образами – океаном, рекой, потоком, но также и с иными явлениями бытия, встраиваясь в сложные метафорические конструкции, подчеркивающие движение, завораживающую плавность и бескрайность распространения воздействия:

«В пространстве я плыву сухого океана; / Ныряя в зелени, тону в ее волнах» («Аккерманские степи») (I, 257); «И волны локонов душистых / На беломраморных плачах» («Графине Завадовской, урожденной Владек», 1832) (II, 155); «Любовь рекой льется, кипит, как волна» («Беверлей», 1832) (II, 210).

Образ волны, с одной стороны, представлен в стихотворениях как выразительная деталь пейзажа: «И царский дом, и мост через волны» («К другу В. А. Ж.», 1822) (I, 36), с другой – как метафорический образ жизни конкретного человека, а чаще как символ жизни. Мир воспринимается поэтом подобным океану бушующих волн, а человек сравнивается с малым человеком, неспособным выдержать написк этих волн: «И мой беспарусный челнок / Разбит свирепою волною» («К Светлане», 1821) (II, 10).

Жизнь, как ее ощущает Козлов, не может быть абсолютно статичной, в ней всегда есть движение, пусть даже спокойное, порой почти сонное, ритмичность – обязательный ее атрибут. Без ритма нет жизни, ритм подобен сердцебиению, он – сущность бытия. Волна у Козлова – это сердце мироздания, его ритм, визуальное проявление сердцебиения мира. Именно поэтому волна, как и сама жизнь, может быть буйной и спокойной, угрюмой и сонной, угрожающей и успокаивающей, лелеющей и несущей гибель:

«Иль в темну ночь над бурными волнами» («Фея Моргана Ольвербрг», 1822) (II, 85); «Но взревела над мною / Смертоносная волна: / С напей радостью земною / Ты на век разлучена» («Сон невесты», 1824) (II, 51); «Блеск розовый над сонною волной» («К Италии», 1825) (II, 37); «Не буйный ветр страшит меня, / Не шум угрюмых волн» («Добрая ночь», 1824) (II, 62).

В балладе «Венгерский лес» (1826–1827) волна, являясь частью пейзажа, окружающего лирического героя, становится образом, ритмичное движение которого соединяет водное, небесное и жизненное пространство:

«Но вот и полночь уж близка,
Сгустился мрак в долинах,
В дремоте катится река <...>
Но вот блеснул сребристый луч,
Проник и в лес, и в волны, –
И над дубравой из-за туч
Выходит месяц полный» (I, 161).

И создается живой образ, нагнетающий на человека страх и ужас: «То с тяжким стоном и глухим / Волна ночная плещет» (I, 161).

Волна, как и море в мифологии, в поэзии Козлова олицетворяется и наделяется способностью слушать и слышать, волна может стать и глухой к окружающему: «Утес и волны, всё молчало», «Внимая ропот волн морских» («Разбитый корабль», 1832) (II, 188, 187). Волна сопровождает жизнь, она и есть жизнь: «Я мчуся вдаль, мой парус веет, / Шумит разлучница волна» («Новые стансы», 1826) (II, 198). Волны, как и вода, способны помнить и передавать информацию. Это качество воды осмысливалось многими авторами, Козлов не исключение: «Чужим передает волнам / Родимых волн воспоминанья» («К другу В. А. Ж.», 1822) (I, 35). Но в поэтическом мире Козлова волны могут и забирать уходящее, скрывать его от взора человека: «Прости, прости, мой край родной! / Уж скрылся ты в волнах» («Добрая ночь», 1824) (I, 61); «Умчат невозвратные волны» («На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1825) (II, 25). А если надо, волны могут хранить молчание: «Утес и волны, всё молчало» (II, 188). Страдание, обида на жизнь, непонимание происходящего соединяются у лирического героя Козлова с жаждой жизни, оптимизмом, несмотря ни на что:

«Я волн и бурь не устрашился, –
И в легком челноке моем
Отважно по морю пустился» («К другу В. А. Ж.», 1822). (I, 36)

Жизнь непредсказуема, свет и тьма в ней переплетены, внешнее проявление не всегда есть отражение внутренней сущности происходящего, волна дает это прочувствовать:

«Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах» («Ирландская мелодия», 1824). (II, 109)

Да, жизнь несправедлива, жестока, порой изощренно беспощадна в своем проявлении. Но она вечна, это качество передается и волне: «Шумиши, о Днепр, волнами вековыми!» («Киев», 1824) (II, 23); «С вечно-шумною волной» («Венцианская ночь», 1825) (II, 29).

В некоторых стихотворениях волна сравнивается с дыханием возлюбленной:

«И волны тихие вздыхаются порой,
Как перси нежные невесты молодой,
Которая во сне о радости мечтает...»
«Морская типь на высоте Тарканкута», 1828). (С. 358).

Именно об этом многие стихи Козлова. Именно поэтому море безбрежно и могуче, небо высоко и безгранично, звезды ярки и недосягаемы для лирического героя сейчас, но не потом. Потом все будет. Это жизнь, которую поэт принимает, хотя со многим и не согласен. Он свыкается с мыслью, что страдание – необходимая составляющая бытия, которая поможет лучше понять и больше ценить жизнь:

«О дивном шепчет бор густой,
Шумят о неизвестном волны;
Надежду, радость, горе, страх,
Тоску о невозвратных днях,
Невольный ужас мрачной бездны,
Влеченья сердца в мир надзвездный
От них, сливаясь с душой,
Несет нам голос неземной.
И тихо в думу погруженный,
Ты взор обводишь вокруг себя,
Ты полон жизни вдохновенной,
Мечтая, чувствуя, любя» («К И. П. Мятлеву», 1834). (II, 246)

Это осознание отразилось и на образе волны. Каждая волна неповторима, она приходит и неизменно уходит, как время жизни человека:

«Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплыты...» («Элегия», 1830) (II, 115);
«Волна несется за волною
Или, встревожена порой,
То заплумит, то засверкает, –
И невозвратно утекает» («К И. А. Беку», 1832) (II, 200–201).

Пусть проходит любовь к конкретной женщине, но любовь как таковая остается, пусть по-

гибнет пловец, но песня его будет жить в веках. Вот основная мысль поэзии Козлова. Читая его стихи, проникаешься его грустным оптимизмом. Волны времени беспощадны, они быстро смоют следы твоего пребывания в мире в небытие. Поэтому умей сейчас наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ волны представлен в лирике И. И. Козлова полисемантичным. В нем проявляются и реальные физические свойства этого природного объекта, и метафорическое, символическое, аллегорическое, мифологическое начала. Поэт показывает образ волны как часть бытия, одной формулой его охарактеризовать невозможно, ибо он противоречив и многогранен. Волна – образ динамичный, в поэтическом мире Козлова не соотносится с какой-то четкой ориентированностью в пространстве, она разнонаправлена. Ритм ее передает пульсацию жизни: то напряженно пугающей, то умиротворяющей. В изменениях характеристики образа волны (как и связанных с ним образов моря, реки и т. д.) просматривается связь с изменениями в мировосприятии поэта [3]. Первые поэтические произведения Козлова передают трагичность, ощущение внутреннего ужаса перед лицом жизни, лишившей его привычного мира, все представляется ведущим к неминуемому пугающему концу. И образ волны оказывается связан с темным, разрушительным началом, передает эмоции автора. Но проходит время, и Козлов свыкается с новым положением, осознает, что потеря зрения не привела к утрате жизни: она раскрывается для поэта в новых ракурсах, дарит новые ощущения. Поэтому в поздней лирике волна, как и мир, уже не пугает, а умиротворяет и радует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барзаковский П. Иван Иванович Козлов (1779–1840). Одесса, 1902. Вып. 9. 31 с.

² Гудзий Н. К. И. И. Козлов – переводчик Мицкевича. Симферополь, 1919. 16 с.

³ Данилов Н. М. Иван Иванович Козлов. Пг.: Типография Импер. АН, 1914. 61 с.

⁴ Трушин К. А. Очерк литературной деятельности И. И. Козлова. Биография. Список изданий и переводов. Характеристика поэзии И. Козлова. Отзывы критики. М.: Типография лит. творчества И. И. Купцерёв и К, 1899. 32 с.

⁵ Козлов И. Собрание стихотворений Ивана Козлова. В 2 ч. СПб.: В типографии III Отд. Совет. Е. И. В. Канцелярии, 1840. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках части и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В. В. Жизнь и лира: художественно-документальная книга о поэте Козлове. М.: Дет. лит., 1977. 190 с.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.
3. Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века). М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-во «Русские словари»: «Изд-во: ООО «Транзит-книга», 2004. 666 с.
4. Куйкина Е. С. Концепт «треволненье» в поэзии А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 127–139.
5. Лебедев Ю. В. Небесным пением своим он усыпал земные муки: о творчестве Ивана Ивановича Козлова // Литература в школе. 1998. № 1. С. 6–21.
6. Макогоненко Г. П. О художественном пространстве в реалистической литературе // Культурное наследие Древней Руси. М.: Наука, 1976. С. 237–245.
7. Мальчукова Т. Г. Корабль поэзии: к вопросу об источниках пушкинских морских образов // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 231–268.
8. Миллер Т. А. Образы моря в письмах кипрской Иоанна Златоуста: опыт сопоставительного анализа // Античность и современность: к 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: Наука, 1972. С. 360–369.

9. Нахапетов Б. А. Образ морской волны в поэзии М. Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1999. № 7. С. 16–20.
10. Рудакова С. В., К. Н. Батюшков и Е. А. Боратынский: «диалоги» с Парни // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 50–59.
11. Рудакова С. В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Боратынского. Магнитогорск: МГТУ, 2013. 164 с.
12. Рудакова С. В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е. А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 299–310.
13. Рудакова Т. В. Образ моря в лирике И. И. Козлова // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2016: Материалы всерос. студенческой научно-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ, 2016. С. 519–522 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28389204> (дата обращения 11.03.2019).
14. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 295 с.
15. Топоров В. Н. «О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 575–624.
16. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No 17. P. 10185–10196.

Поступила в редакцию 28 августа 2019

Tatyana V. Rudakova, Postgraduate Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
taviru@mail.ru

IMAGE OF WAVE IN IVAN KOZLOV'S ROMANTIC LYRIC POETRY

The article analyzes the lyric poetry of Ivan Kozlov, a little-known poet of the Pushkin's era. It is proved that the poetic world, created by the blind poet, is full of visible images, which are in constant motion. The main attention in the article is focused on the study (both in terms of frequency and meaning) of one of the iconic images in Kozlov's poetry – the image of water elements. The author studies how the traditional characteristics of this image are reconsidered in the works of the poet. It is shown that for the poet the sea is both rest and storm, and that this image is not unequivocally connected with the horizon line or the vertical line. It is proved that his descriptions of water elements almost always contain a repetitive, rhythmic movement, which is transmitted through the image of a wave. That is why the main attention in the article is focused on the identification of specific properties of the wave image in Kozlov's lyrics. As a result of the research it was established that the image of a wave in Kozlov's lyrics is both an expressive detail of a landscape and a symbol of life; besides, the image of a wave for the Russian romantic poet is a heart of the universe, its rhythm, and the visual display of the heartbeat of the world. As a result of the research it was proved that in the image of a wave there are real physical properties of this natural object, as well as metaphorical, symbolic, allegorical, and mythological elements. The rhythm of a wave pictured by Kozlov conveys the pulsation of life: either tensely frightening or calming. And the very changes in the characteristic of the wave indicate the changes in the worldview of the romantic poet.

Keywords: Kozlov, lyric poetry, sea images, wave image, polysemanticism

Cite this article as: Rudakova T. V. Image of wave in Ivan Kozlov's romantic lyric poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.441

REFERENCES

1. Afanasev V. V. Life and life: art and documentary book about a poet Ivan Kozlov. Moscow, 1977. 190 p. (In Russ.)
2. Ginzburg L. Ya. Lyric poetry. Leningrad, 1974. 409 p. (In Russ.)
3. Ivanova N. N., Ivanova O. E. Dictionary of poetry language (figurative arsenal of Russian lyric poetry between the late XVIII and the early XX centuries). Moscow, 2004. 666 p. (In Russ.)
4. Kuikina E. S. The concept of “tribulation” (anxiety) in the poetry of A. S. Pushkin. *The Problems of Historical Poetics*. 2016. No 14. P. 127–139. (In Russ.)
5. Lebedev Yu. V. He put the earthly torments to sleep by his heavenly singing: the works of Ivan Ivanovich Kozlov. *Literature at School*. 1998. No 1. P. 6–21. (In Russ.)
6. Makogonenko G. P. Art space in realistic literature. *Cultural heritage of Ancient Rus'*. Moscow, 1976. P. 237–245. (In Russ.)
7. Mal'chukova T. G. Poetry ship: the sources of Pushkin's sea images. *Reception of ancient heritage in the Russian literature of the XVIII and the XIX centuries: Collected articles*. Petrozavodsk, 2009. P. 231–268. (In Russ.)
8. Miller T. A. Images of the sea in the letters of the Cappadocians and John Chrysostom: a case of comparative analysis. *Antiquity and present: in the memory of Fyodor Aleksandrovich Petrovsky's 80th anniversary*. Moscow, 1972. P. 360–369. (In Russ.)
9. Nahapetov B. A. Image of the sea wave in M. Yu. Lermontov's poetry. *Literature at School*. 1999. No 7. P. 16–20. (In Russ.)
10. Rudakova S. V. K. Batyushkov and E. Boratynsky: “dialogues” with Parny. *Libri Magistri*. 2015. Issue 1. P. 50–59. (In Russ.)
11. Rudakova S. V. The main images and semantic categories of E. A. Boratynsky's poetic world. Magnitogorsk, 2013. 164 p. (In Russ.)
12. Rudakova S. V. The spatial and existential structure of *Twilight* by E. A. Boratynsky. *Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2008. No 22. P. 299–310. (In Russ.)
13. Rudakova T. V. Image of the sea in Ivan Kozlov's lyric poetry. *Students and Science (Humanitarian Cycle) – 2016. Proceedings of the All-Russian Student Research and Practice Conference*. Magnitogorsk, 2016. P. 519–522. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28389204> (accessed 11.03.2019). (In Russ.)
14. Semenko I. M. Poets of the Pushkin's era. Moscow, 1970. 295 p. (In Russ.)
15. Toporov V. N. “The “poetic” complex of the sea and its psychophysiological foundations”. *Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies of the mythological. Selected works*. Moscow, 1995. P. 575–624. (In Russ.)
16. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No 17. P. 10185–10196.

Received: 28 August, 2019

ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА ЯГИНЦЕВА

доктор философии, преподаватель
Тартуская высшая школа здравоохранения (Тарту, Эстония)
lwiatko@mail.ru

Рец. на кн.: Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 392 с. (Т. 1), 376 с. (Т. 2).

«Ярославский областной словарь» (далее – ЯОС), изданный РИО ЯГПИ им. К. Д. Ушинского в 10 выпусках в 1981–1991 годах, с 2015 года имеет «Дополнения». Этот словарь дифференциального типа, отражающий диалектную лексику и фразеологию говоров Ярославской области. Рецензируемые «Дополнения» (далее – ЯОСД) предназначены для филологов, историков, этнографов, краеведов, учителей-словесников [7: 2]. В первый ЯОСД вошли слова от *Абатур* до *Лячкать*, а во второй – от *Магазея* до *Ящичек*, что в целом представляет собой завершенную картину описания диалектной лексики Ярославской области. Необходимость в создании ЯОСД возникла сразу после выхода в свет последнего, десятого, тома и обусловлена тем фактом, что мы имеем дело исключительно с диалектной лексикой, которая постоянно изменяется: то обогащается, то ввиду малой употребляемости некоторых языковых единиц теряет что-то из своего состава. В ЯОСД включены лексика с известными литературному языку корнями или же отсутствующими в нем, а также совпадающая по внешнему виду со словами из литературного языка, но имеющая иную внутреннюю форму, и слова, в которых произошла лексикализация фонетических явлений [7: 5–6]. Так, существительное *пример* является омонимом литературного слова, но обозначает «участок земли, который добавляют к основному участку» [8: 207].

Словарные иллюстрации не всегда объемны, но это не умаляет их информативности, что позволяет восстановить богатство речевой культуры с ее духовными ценностями. Не стоит забывать о важной просветительской миссии таких лексикографических изданий, поскольку они являются продолжателями лучших традиций А. Х. Востокова, В. И. Даля. Наибольшей ценностью ЯОСД являются собранные и включенные в рецензируемые книги новые диалектные лексемы, отсутствующие в многотомном ЯОС. Т. К. Ховрина придерживается четкого принципа отбора единиц словаря. ЯОСД характеризуется наличием этнолингвистических сведений из области русского языка. Этот факт является неоценимым плюсом издания, поскольку отражение внетекстовых элементов очень важно при работе

с диалектами. Кроме того, авторы ЯОСД следуют хорошей традиции использовать в подобных диалектных словарях даже энциклопедические и исторические данные, что существенно расширяет и обогащает информативную сторону лексикона.

Необходимость в пополнении старого «Ярославского областного словаря» обусловлена тем, что некоторая лексика по разным причинам не была включена в предыдущие 10 томов. Кроме того, имея дело с диалектами, мы должны помнить, что последние подвергаются влиянию других говоров. Работа составителя подобных словарей всегда будет считаться недостаточной, неполноценной, поскольку полностью зафиксировать диалектную лексику невозможно. Чем глубже исследуются русские народные говоры, тем больше будет появляться ярких контекстов и богатых лингвокультурных коннотаций. Однозначно, выход в 2015 году в свет двух новых томов ЯОСД способствует еще более подробному описанию ярославского говора. Их содержание не уступает в информативности другим словарям. Изданые книги содержат единицы, которые предопределяют специфику русской картины мира и ее отражения в языке. Где еще, как не в диалектах, открывается народное видение мира.

ЯОСД отличается удобной в пользовании словарной статьей, что демонстрирует продуманный подход составителей двух томов. Т. К. Ховрина придерживается той же схемы составления словарной статьи, какой пользовался и Г. Г. Мельниченко, что подтверждает связь и родство ЯОС и ЯОСД.

Несомненным достоинством лексикографического источника такого типа является наличие разного рода лингвистических помет, что очень важно для диалектных словарей, а также фразеологизмов, которые, к сожалению, не всегда включаются в подобные работы. Приведем пример идиомы: *баланду тянуть* «бездельничать» [7: 30].

Как ЯОС, так и ЯОСД носят просветительский характер и приоткрывают читателям потаенный мир культуры народа. Фразеология по своей сути экспрессивна. Изучая внутреннюю форму той или иной идиомы, лингвист может

почерпнуть из ЯОСД много новой информации. Хотя из устойчивых сочетаний создаются отдельные фразеологические лексиконы, но совсем неплохо, когда такие обороты помещаются и в диалектные словари, как это сделано, например, в ЯОСД. Исследователи придерживаются различных традиций включения идиом и устойчивых сочетаний в словари. Т. К. Ховрина описывает их по первому знаменательному слову в обороте. Это вполне логично и удобно. Так, словосочетание *благой ветер* «западный ветер» располагается в двух местах: в словарных статьях с заголовочными словами *благой* и *ветер*, а его объяснение дается в статье по слову *благой*, то есть по первой лексеме, возле же *ветер* стоит помета «см. *благой* во 2 знач.» [7: 55, 102]. Помимо этого, грамотно оформлены и другие словарные статьи: фразеологизмы и сочетания с одинаковым словом (*встречной ветер*, *гнилой ветер*) помещены в алфавитном порядке, что очень удобно для читателя [7: 102].

Поскольку практически у каждой лексемы имеется несколько акцентологических форм и семантических оттенков, это облегчает работу со словарем. Т. К. Ховрина всегда выносит вперед наиболее употребляемый вариант как с ударением, так и со значением того или иного слова.

Немаловажным является то, что во вступительной статье к ЯОСД подробно описывается, как работать со словарем. Подача лексики характеризуется строгой продуманностью, точностью и логичностью представления материала: существует полная грамматическая информация разных частей речи, у субстантивированных прилагательных приводится соответствующая помета.

Как положительный факт можно отметить то, что содержание ЯОСД характеризуется наличием богатого иллюстративного материала при словарных статьях. Их объем превышает 16 000 лексем. В ЯОСД имеется также список сокращений названий районов Ярославской области.

Интересным представляется то, что в двухтомнике собраны бранная, грубая, пренебрежительная, уничижительная лексика, а также слова и выражения из области фольклора и даже шутливая и экспрессивная речь. Например, *басурман* бран., *башеня* груб., *игровенький* фольк. [7: 37, 40, 281]. Таким образом, в словарных статьях дается не только литературное значение, но и указываются стилистические оттенки.

У нас есть лишь одно небольшое пожелание: исследователям диалектов было бы удобно пользоваться как «Дополнениями», так и ЯОС в электронном формате. Может быть, имеет смысл выложить тексты этих словарей на специализированном портале.

Актуальность рецензируемых двух томов ЯОСД не вызывает сомнения, поскольку они представляют собой классический источник для ученых-лингвистов, например этимологов. Особенно полезны для нас были статьи, посвященные происхождению диалектных названий, обозначающих предметы домашней утвари. Нельзя не согласиться с Ю. В. Откупщиковым, что материал диалектов – это неисчерпаемая сокровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаические слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке. Изучение материала диалектов помогает этимологу в его нелегком пути к истокам слова [5: 137]. О необходимости проводить этимологические исследования на диалектной лексике писали А. С. Львов, В. А. Меркулова, О. Н. Трубачев и другие этимологи. Так, например, в «Этимологическом словаре славянских языков» исчерпывающе использованы все доступные исторические, диалектные словарные материалы, опубликованные и архивные [6: 9]. Т. К. Ховрина максимально включила в ЯОСД лексику сельских жителей, собранную в Ярославской области.

Чтобы этимологизация стала успешной, ученый должен обладать не только хорошим знанием лексического фонда, но и широкой осведомленностью относительно исторического прошлого народа, его материальной и духовной культуры. Слова нередко проливают свет на реалии прошлого, знание которых помогает раскрыть этимологию лексемы. Семантика заголовочных слов и примеры их употребления обязательно подтолкнут лингвистов в правильном направлении поиска той или иной этимологии. Этому немало поспособствовал ЯОСД. Заметим, что рассмотренные с точки зрения этимологии в нашей диссертации [6] диалектные лексемы нашли свое отражение в ЯОСД.

Неудивительно, что ЯОСД богат этнолингвистическими фактами. Так, *бамбошки* – это сережки на березе, а *банка* – деревянная лохань для кормления коровы [7: 32]. Как справедливо отмечает Н. С. Ганцовская,

«в новом издании более детально отражена лексика, связанная с духовной жизнью жителей Ярославского края, например, в области народного календаря» [1: 370].

Любой лексикон, а особенно словарь диалектизмов, является копилкой культурной памяти народа. Необходимо учитывать, что для будущего поколения исследователей русских народных говоров владение такими лексикографическими трудами поможет сохранить исчезающие единицы лексики монодиалектов и включить их в новую парадигму научной традиции – в «лингвистическое отечествование» [2].

Оба тома ЯОСД вносят значительный вклад в изучение диалектов. Тематическое, историческое, социокультурное и филологическое разнообразие лексем делает рецензируемые словари ценным источником не только по ареальной лингвистике, но и в области антропологии культуры. Составителями достигнута одна из основных целей словаря – продемонстрировать словесную культуру ярославского говора, его живой «речистый» орнамент и богатый семасиологический потенциал.

В целом отметим, что два тома ЯОСД под редакцией Т. К. Ховриной представляют собой ценное дополнение к ЯОС, в котором представлен замечательный местный материал для изучения этногенеза русских народных гово-

ров. Рецензируемые книги отличают грамотное и логичное построение, хороший стиль, обширные грамматические и стилистические комментарии, интересные примеры, профессиональное использование терминологии и владение методологией избранной сферы. Т. К. Ховрина – ученый высочайшей лингвистической культуры, живая наследница традиций Даля в XXI веке.

Полагаем, что со временем история ЯОС и ЯОСД станет предметом научного анализа и войдет в летопись лингвистики, где до сих пор существуют лакуны [3], [4]. Изданный словарь заполнил одну из них. Новейшая хроника русской лексикографии пополнилась новым полезным изданием.

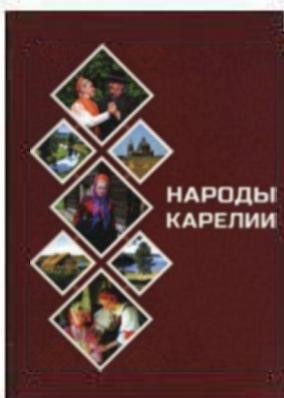
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ганцовская Н. С. Рец. на кн.: Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 392 с. (т. 1), 376 с. (т. 2) // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Материалы научной конференции с международным участием (Ярославль, 14–15 апреля 2016 г.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 369–372.
- Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 2 / Под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. 239 с.
- Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (7). С. 195–228.
- Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селиццева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.
- Оtkupshikov Ю. В. К истокам слова. М.: Просвещение, 1973. 256 с.
- Ягинцева О. Г. Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода: Дис. Тарту: Univ. of Tartu Press, 2014. 217 с.
- Ярославский областной словарь. Дополнения. Т. 1 / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 392 с.
- Ярославский областной словарь. Дополнения. Т. 2 / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 376 с.

Поступила в редакцию 24.06.2019

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Markova N. V.</i> GRAMMATICAL FEATURES OF THE ZA- ONEZHYE DIALECT.....	63
LITERARY STUDIES			
<i>Dmitrieva L. A., Zaitseva T. I.</i> LIFE-CREATION MODELS IN THE PRE-REVO- LUTIONARY WORKS BY AN UDMURT WRI- TER KEDRA MITREY	8	<i>Smirnova E. A.</i> THE SEMANTIC AND SYNTACTIC PECU- LIARITIES OF THE PROFESSIONAL ACTI- VITY VERB GROUP (USING THE MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF SEMANTICS AND GRAMMAR)	72
<i>Loiter S. M.</i> THE ORIGIN OF CERTAIN STABLE STRUC- TURES IN CHILDREN'S FOLKLORE	17	<i>All-Russian Research Conference</i> “ <i>Russian Romantic Poetry: Celebrating the 220th Birthday Anniversary of Alexander Pushkin and the 210th Birthday Anniversary of Aleksey Koltsov</i> ”	
<i>Kotova A. V.</i> PRINCIPLES OF CONSTRUCTING GROUPS OF SIMILES IN VALERIUS FLACCUS' <i>ARGONAU- TICA</i> (4. 193–198, 4. 199–203)	21	<i>Gantsovskaya N. S., Volkova E. B., Lidong Qin</i> DEVELOPMENT OF HYPOTAXIS MEANS IN THE POST-PUSHKIN ERA: A. N. OSTROV- SKY'S SPRING TALE <i>SNEGUROCHKA</i>	82
<i>Otlivanchik A. V.</i> IVAN BOGDANOV, A MYSTERIOUS BELLET- RIST OF THE CITIZEN WEEKLY	25	<i>Petrov A. V., Rudakova S. V.</i> MYTH OF THE TSAR'S MURDER ON MARCH 11, 1801, IN SEMYON BOBROV'S POEMS	86
<i>Zarutsky P. S.</i> WHEN ABSURDISM BECOMES REALISM: THE ABSURD IN POETRY BOOKS OF GEN- NADY GOR AND KOSTAS GIANNOULO- POULOS	32	<i>Pushkareva N. V.</i> SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE VERB FORMS IN ALEXANDER PUSHKIN'S PROSE	92
<i>Shatokhina A. O.</i> CONCEPT OF “PRIDE” IN ENGLISH TRANS- LATIONS OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL <i>THE GAMBLER</i>	37	<i>Shestakova L. L.</i> “HE IS PUSHKIN, AND HE IS IMMORTAL!?: PUSHKIN'S IMAGE IN THE SILVER AGE PO- ETRY	97
LINGUISTICS			
<i>Pashkova T. V., Rodionova A. P.</i> TEMPORAL CONDITIONAL PARADIGM IN THE LIIVVIAN AND LUDIAN DIALECTS OF THE KARELIAN LANGUAGE	42	<i>Kalinovskaya V. N., Starovoitova O. A.</i> LEXICAL CONTENT OF ACTIVE DERIVA- TIONAL MODEL (BY THE EXAMPLE OF PUSHKIN'S PERIOD NEOLOGISMS)	103
<i>Belov V. A.</i> POSSIBILITY OF SYNONYMIC REPLACE- MENT IN COLLOCATIONS (EXPERIMENTAL AND CORPUS RESEARCH)	48	<i>Rudakova T. V.</i> IMAGE OF WAVE IN IVAN KOZLOV'S RO- MANTIC LYRIC POETRY	110
<i>Galkina N. P.</i> CONDITIONS OF FUNCTIONING FOR THE CONJUNCTION <i>ПОТОМУ ЧТО</i> IN PUBLICIS- TIC TEXTS	56	Reviews	
		<i>Yagintseva O. G.</i> The book review: Supplement to Yaroslavl Regional Dictionary	115

НАРОДЫ КАРЕЛИИ

Книга представляет собой свод современных знаний о трех народах – карелах, вепсах и русских, проживающих на территории Республики Карелия и сопредельных юго-восточных областей, объединенных сходством исторических судеб и длительными многообразными контактами. В каждом разделе, посвященном одному народу, дано его традиционное системное описание: этногенез и основные этапы этнической истории, язык, территория, этнонимы, современная ситуация, проанализированная с точки зрения языковых и демографических процессов, основные компоненты культуры.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой народов России.

Народы Карелии : историко-этнографические очерки / Российской академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; редакционная коллегия: И. Ю. Винокурова (ответственный редактор) [и др.]. – Петрозаводск : Периодика, 2019. – 752 с. : ил.

A. E. Кунильский

ТЕМА «ЖИЗНИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И У ДОСТОЕВСКОГО

В монографии рассматривается один из важнейших концептов русской и мировой культуры – «жизнь», устанавливаются основные традиции, способствовавшие его актуализации в XIX веке (библейская традиция, романтизм, немецкая литература и классическая философия). На материале творчества отечественных писателей и критиков проанализированы смысловые оттенки этого понятия, намечены главные линии в его истолковании. Центральное место занимает вопрос о том значении, которое имеют концепты «жизнь» и «живая жизнь» для понимания художественного мира и взглядов Ф. М. Достоевского.

Издание адресовано исследователям истории русской литературы XIX века и творчества Достоевского, лингвистам, философам, культурологам, преподавателям, студентам.

Кунильский, Андрей Евгеньевич. Тема «жизни» в русской литературе XIX века и у Достоевского : [монография] / А. Е. Кунильский ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. – 148 с.

Монография А. Е. Кунильского, доктора филологических наук, профессора кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского госуниверситета, стала Лауреатом Всероссийского конкурса монографий «Фундамент науки»

ЯРОСЛАВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ: ДОПОЛНЕНИЯ

Словарь содержит Дополнения к «Ярославскому областному словарю», изданному РИО ЯГПИ им. К. Д. Ушинского в 10 выпусках в 1981–1991 гг. Это словарь дифференциального типа, отражающий диалектную лексику и фразеологию говоров Ярославской области.

Для филологов, историков, этнографов, краеведов, учителей-словесников.

Ярославский областной словарь: Дополнения : в 2 т. – Т. 1 : Абату́р – ля́чкать / под науч. ред. Т. К. Ховриной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 392 с.

Отзыв о Словаре читайте в рубрике «Рецензии»

E. G. Сойни

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ И ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Монография посвящена изучению взаимопроникновения русской и финской литературы в первой половине XX века. Исследованы как типологические параллели, так и непосредственные контакты литераторов России и Финляндии в сложнейший период мировой истории. Проанализировано влияние русской литературы на формирование мировоззрения финского общества. Подтвержден теоретический вывод, что взаимопроникновение литературы разных народов возможно не только через сближение, но и через отталкивание. Изучена роль «посредников» (переводов и переводчиков, писателей, ученых, эмиграции) во взаимопроникновении культур. Подлинным «посредником» в русско-финских литературных контактах являлась «Калевала», сюжеты которой творчески были восприняты русскими поэтами. Введен в научный обиход ряд уникальных материалов из архивов России и Финляндии.

Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. – 464 с.